А. Котляровъ

На память 50-лѣтняго юбилея.

1852 $\frac{10}{XII}$ 1902.

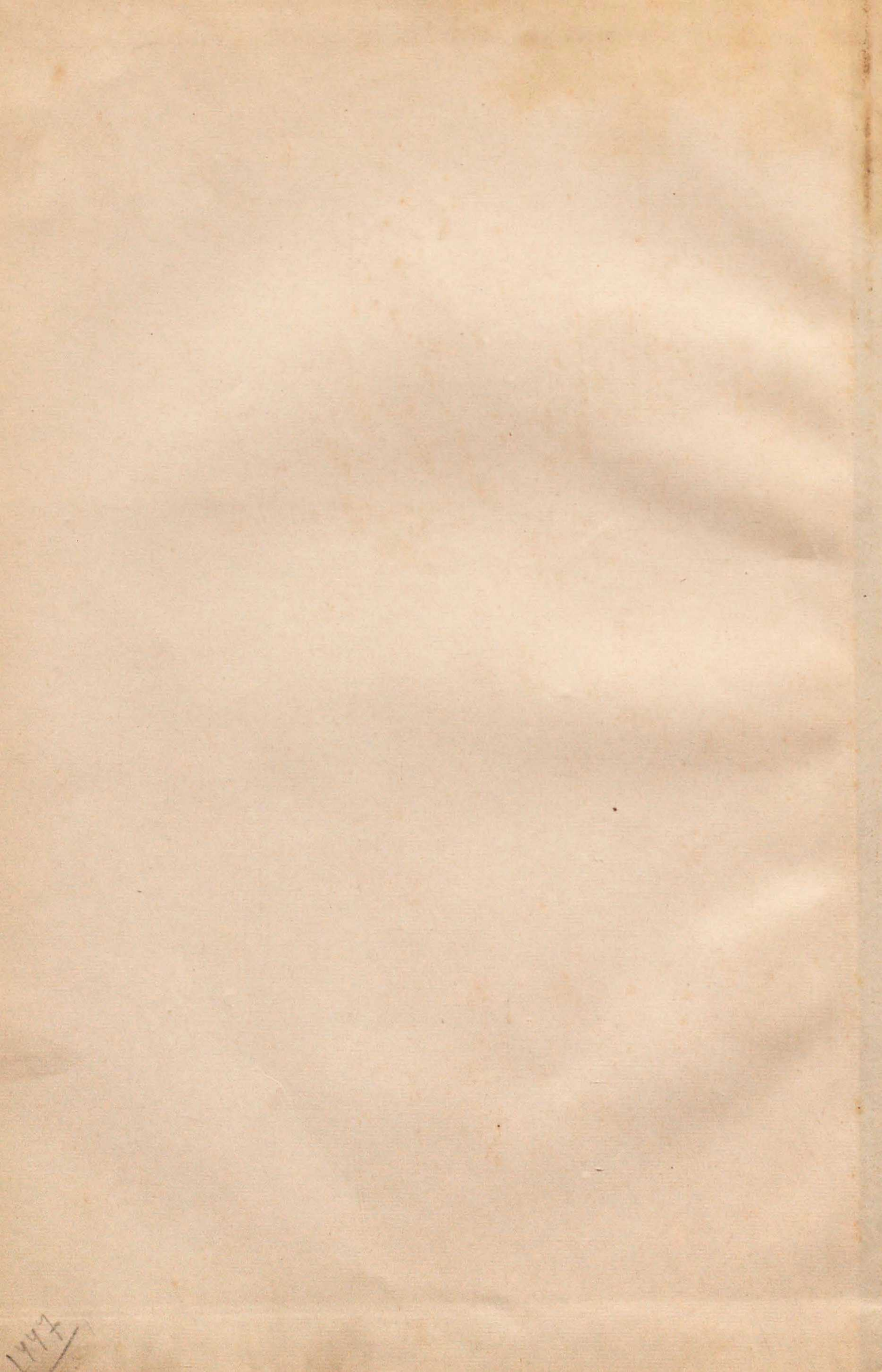

Владимірскаго Кіевскаго Кадетскаго Корпуса.

Suum cuique
Всякому свое
ИЗ КНИГ А.М.МАКАРОВА.

Товарищи, Кіевляне!

Задавшись цѣлью возможной помощи нашему, скудному средствами, „Попечительному обществу о бывшихъ воспитанникахъ В. К. К. Корпуса и В. Гимназіи“ изданіемъ въ его пользу моего сборника „Въ память 50 лѣтняго юбилея“ нашего Корпуса и посвящая его нынѣшнимъ кадетамъ, предлагаю подписчикамъ, тѣмъ болѣе въ настоящее время губительной войны, когда въ числѣ ея кровавыхъ жертвъ уже немало полегло и нашихъ, бывшихъ Кіевскихъ кадетъ! Тамъ на далекой окраинѣ, ихъ одинокія и безвѣстныя могилы, не окропленныя родственной слезой, занесутъ летучіе пески Манчжуріи; а можетъ быть еще и того гораздо хуже: забытые и покинутые на полѣ сраженія своими, обезображенные и поруганные жестокимъ врагомъ, ихъ бренные останки, увы, тщетно будутъ ожидать послѣдняго пристанища—могилы и креста!... И только здѣсь, родная Корпусная церковь помянетъ ихъ имена въ своей молитвѣ, да черныя, мраморныя доски, эти нѣмые свидѣтели ихъ славной смерти, траурно украшая стѣны Корпуснаго Храма, будутъ говорить о павшихъ герояхъ!...

Но ихъ безутѣшныя вдовы и сироты, оставаясь среди насъ, будутъ нуждаться, какъ въ общественной, такъ и въ нашей посильной, товарищеской помощи! А потому каждаго подписчика прошу смотрѣть на предлагаемую книгу, какъ на жертву для семействъ безвременно погибшихъ товарищей—героевъ и въ свою очередь привлекать подписчиковъ-жертвователей на святое дѣло помощи людямъ съ безпросвѣтнымъ горемъ, и почти всегда съ нимъ неразлучной, гнетущей тяжкою нуждой!...

Товарищи, это наше общее дѣло!

Надѣюсь, что сочувствуя ему, каждый изъ Васъ найдетъ въ кругу близкихъ своихъ знакомыхъ теплое сердце и откликъ на доброе дѣло.

Собранная сумма за предлагаемое изданіе ляжетъ въ основу фильяльнаго отдѣленія нашего О-ва въ Кіевѣ, при нашемъ Корпусѣ, а будущій Кіевскій Комитетъ О-ва, устраивая здѣсь вечера, концерты и спектакли, усилитъ его скудныя теперь средства.

По сообщеннымъ мнѣ адресамъ книги будутъ немедленно высылаться съ наложеннымъ платежемъ жертвуемой суммы (номинальная цѣна одинъ рубль) съ добавленіемъ 50 коп., за пересылку. Списокъ жертвователей будетъ представленъ при отчетѣ. Считаю долгомъ объявить, что уже собрано пожертвованій около четырехсотъ рублей только здѣсь въ Кіевѣ.

Кіевъ. Б. Житомірская № 15. Телефонъ № 861.

Издатель **А. Котляровъ.**

АЛЕКСАНДРЪ КОТЛЯРОВЪ

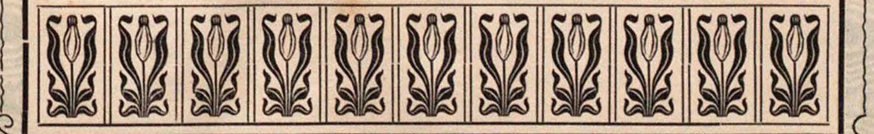
НА ПАМЯТЬ 50-ЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ

1852 10/XII 1902

ВЛАДИМІРСКАГО КІЕВСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА

ВЕСЬ СБОРЪ СЪ ИЗДАНІЯ ПРЕДНАЗНАЧАЕТСЯ ВЪ ПОЛЬЗУ „ПОПЕЧИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА БЫВШИХЪ ВОСПИТАННИКОВЪ В. К. К. К. И ВОЕННОЙ ГИМНАЗІИ“

БЕНЕФИЦІИ ПРИНИМАЮТСЯ съ БЛАГОДАРНОСТЬЮ и СПИСОКЪ ЖЕРТВОВАТЕЛЕЙ БУДЕТЪ НАПЕЧАТАНЪ ПРИ ОТЧЕТѢ

Дорогому товарищу по корпусу, Константину Варфоломеевичу Дембскому на добрую память отъ автора и издателя

А. Котляровъ

НА ПАМЯТЬ

50-ЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ

1852–1902.

Трехъ сорокъ съ лишкомъ уже лѣтъ,
Увы, не сяду на коня.
Но память добрую храня,
Горячій Дембскому привѣтъ

ВЛАДИМІРСКАГО

Я шлю изъ Кіева родного,
Любя наѣздника лихого,

КІЕВСКАГО

Желаю видѣть поскорѣй
Его съ дивизіей своей.

КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

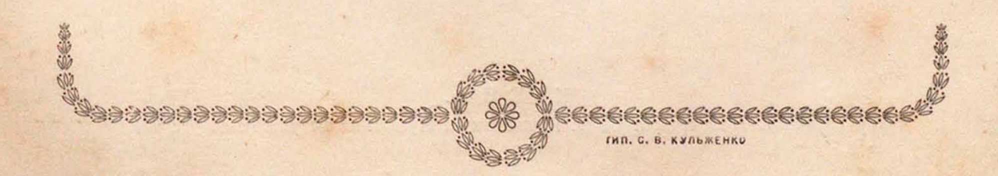
А. Котляровъ

ПОСВЯЩАЕТСЯ НЫНѢШНИМЪ КАДЕТАМЪ

ИЗЪ ДОРОГИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

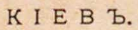
БЫВШАГО КАДЕТА

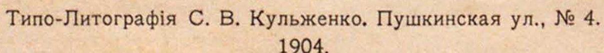
Александра Котлярова.

ТИП. С. В. КУЛЬЖЕНКО

Дозволено цензурою. Кiевъ, 16 Апрѣля 1904 г.

КIЕВЪ.

Типо-Литографiя С. В. Кульженко. Пушкинская ул., № 4.

1904.

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ

Адольфъ Васильевичъ фонъ-Вольскій

Директоръ В. К. К. К.

1852 г.

Генералъ-Маіоръ
Михаилъ Григорьевичъ Попруженко
Директоръ В. К. К. К.
1902 г.

Кадетскій праздникъ.

„Кадетскій праздникъ“

Къ 50-ти лѣтнему юбилею Владимірскаго К. К. Корпуса.

Слетѣлись птенцы изъ далекихъ краевъ
Въ гнѣздо свое старое снова,
Чтобъ вспомнить опять, послѣ долгихъ годовъ
Дни юности свѣтлой и дѣтства былого,
Когда они зрѣли и крѣпли душой
На пажитяхъ мирныхъ науки,
И нѣжно ласкали ихъ слухъ молодой
Родимой поэзіи сладкіе звуки,
Когда открывался имъ сказочный міръ
Могучаго, свѣтлаго знанья,
И юность звала ихъ на жизненный пиръ,
Въ сердцахъ пробуждая мечты и желанья.
И радость и горе другъ съ другомъ дѣля,
Они напрягали усилья,
Чтобъ вмѣстѣ вспорхнуть на родныя поля,
Широко расправивъ окрѣпшія крылья.
Иные направили быстрый полетъ
Къ Дунаю, гдѣ пушки гремѣли
За гранями снѣжныхъ балканскихъ высотъ
Гдѣ иго позорное братья терпѣли.
Другіе остались для мирныхъ трудовъ
Въ предѣлахъ родимаго края
И гражданъ создать изъ вчерашнихъ рабовъ

Стремились, священный свой долгъ исполняя
И каждый всю свѣжесть развившихся силъ
Служенью родимой отчизнѣ,
Какъ матери сынъ, до конца посвятилъ
И въ подвигахъ ратныхъ и въ доблестной жизни.
Иные, сражаясь за братьевъ славянъ,
Погибли „за крестъ и свободу“......
Другіе, съ побѣдой пройдя Туркестанъ,
И славу стяжавши родному народу,
Средь знойныхъ песковъ покоренной земли
Геройскія вѣжды сомкнули;
Иные въ Балканскихъ горахъ полегли,
Другихъ поразили Китайскія пули.....
А тѣ, кто остался, слетѣлись сюда,
Въ гнѣздо свое старое снова,
Чтобъ вспомнить опять послѣ долгихъ годовъ
Дни юности свѣтлой и дѣтства былого!
И праздникъ ихъ веселъ, и пиръ ихъ широкъ,
Какъ пѣсня родимаго края,
И музыки рокотъ, и здравицъ потокъ
Шумитъ на кадетскомъ пиру, не смолкая.
И пѣнятся кубки желанныхъ гостей
За здравье Царя молодого,
За свѣтлую будущность русскихъ людей,
За корпусъ, за славу оружья родного!

Н. Глокке.

Предисловіе.

Не суждено было мнѣ почтить своевременно юбилей родного Корпуса по крайне-тяжелой причинѣ. Я переживалъ тогда внезапную потерю дорогого сына. Снова надвигавшаяся гроза — тяжелая болѣзнь обѣихъ дочерей опять отвлекла меня отъ намѣченной цѣли.

Между тѣмъ пришла мнѣ мысль, подогрѣтая добрыми старыми товарищами, использовать реально минутныя вдохновенія свои и покойнаго сына.

Явилось желаніе издать наши стихотворенія, посвятивъ ихъ Кіевскимъ кадетамъ, т. к. и сынъ мой и я были тѣми же Кіевскими кадетами.

Тутъ-же, благодоря отзывчивости и любезности преподавателя Корпуса Г-на Глокке, съ его согласія, помѣщаю его прекрасное стихотвореніе „Кадетскій Праздникъ“, прочтенное авторомъ на юбелеѣ, равно трогательно теплое „Воспоминаніе о Сережѣ Котляровѣ его преподавателя по Русскому языку и словесности“ Н. К. Бокадарова и, примиряющее съ тяжкимъ нашимъ горемъ въ земной юдоли нашей,— слово уважаемаго законоучителя Корпуса священника Шепченка — его „Рѣчь на панихидѣ“, за тѣмъ вдохновенныя строки и воспоминаніе, въ высшей степени сердечнаго и талантливаго, тоже юнаго поэта, кадета П. Веселовскаго, друга и товарища моего незабвеннаго сына. Потомъ стихотворенія сына, собранныя уже послѣ его смерти. Въ

концѣ „мои воспоминанія“, въ которыхъ, рисуя не вымышленныхъ а дѣйствительныхъ лицъ реальной жизни, чему служатъ доказательствомъ ихъ собственныя имена, я питаю надежду, что молодое поколѣніе, прочтя мой правдивый разсказъ, проникнется мыслію, хотя и старою какъ міръ, что только честно проходя жизненный путь служебной или общественной дѣятельности и оставляя на черный день (конечно при условіи экономнаго домашняго обихода всей жизни) кусокъ насущнаго хлѣба и доброе имя своему потомству, оно можетъ сказать ему:

Вы отъ отца, хоть не на вѣкъ,
Хлѣбъ будете имѣть.
Но за отца, во весь свой вѣкъ
Не будете краснѣть.

Состоя членомъ Попечительнаго Общества о бывшихъ воспитанникахъ Владимірскаго Кіевскаго Кадетскаго Корпуса и Военной Гимназіи, хочу принести маленькую пользу, отдавъ Обществу всю сумму, вырученную отъ распродажи изданія. Назначая цѣну въ одинъ рубль за экземпляръ, сознаю, что можетъ быть, и дорого, но для благого дѣла, не скупись, дорогой товарищъ. Не дай, конечно, Богъ! но, можетъ быть, эта лепта пригодится тебѣ самому. „Отъ сумы и отъ тюрьмы не зарѣкайся“, говоритъ пословица. Кстати, въ подтвержденіе моей мысли, приведу примѣръ съ однимъ изъ нашихъ товарищей.

Въ 1877 году, будучи распорядителемъ сахарнаго завода, я собирался по дѣламъ въ уѣздный городъ, какъ вдругъ докладываетъ человѣкъ, что меня кто-то спрашиваетъ. Торопясь выѣздомъ, недовольный, что произошла задержка, я велѣлъ спросить—чего надо, и получивъ отвѣтъ, что только лично можетъ объяснить желавшій свиданья—я разрѣшилъ ему войти въ кабинетъ.—Вошла неопредѣленная личность, болѣе всего подходящая къ кучерскому типу, съ извиненіемъ за безпокойство, но съ первой-же фразы, я узналъ, когда-то милаго товарища. Съ

восклицаніемъ: "Ив—ко, какъ? какимъ образомъ ты дошелъ до такого положенія? Вѣдь ты-же изъ богатой семьи! я помню изъ твоихъ разсказовъ въ корпусѣ, у тебя должно быть большое имѣніе въ П...... губ.?!..".

— „Было"—отвѣтилъ онъ.—

— „Но вѣдь ты-же былъ изъ способныхъ!, кромѣ того, благодаря домашней подготовкѣ владѣлъ языками!

Гдѣ-же теперь ты? и что дѣлаешь?„.

— „На сосѣднемъ заводѣ заворачиваю головы сахару въ оберточную бумагу и получаю 12 руб. въ мѣсяцъ уже 4 года".

— „Но теперь война съ Турціей, (1877 г.) Требуются офицеры.

Мнѣ былъ запросъ и я отвѣчалъ, что службу Его Величества исполнять готовъ. Вѣроятно, ты тоже получишь его! Ты въ какомъ чинѣ?".

— „Ротмистръ; и подалъ прошеніе уѣздному пред. Дворян. о снаряженіи меня на войну".

— „Я сейчасъ ѣду въ городъ. Переговорю съ предводителемъ и исправникомъ, и, вѣроятно, тебя очень скоро снарядятъ въ путь. Но, можетъ быть, твой формуляръ плохъ, да, пожалуй, признайся, и выпиваешь?".

— „Все это было; формуляръ въ порядкѣ—теперь не до выпивки", отвѣтилъ онъ.

Разставшись съ нимъ, я поѣхалъ въ городъ и дѣятельно принялся хлопотать о товарищѣ.

Исправникъ поѣхалъ лично въ тотъ заводъ, гдѣ жилъ 4 года Ив—ко. Но—полное разочарованіе! Заводъ далъ рекомендацію, какъ о самомъ горькомъ пьяницѣ. Держатъ-же его, не смотря на пьянство 4 года, потому что исполняетъ свою работу артистически; хотя каждый мѣсяцъ нѣсколько дней у него прогула; „пока не пропьетъ мѣсячнаго жалованья,—не явится на работу". Такова была аттестація.

„Самъ виноватъ", скажешь, дорогой читатель.

— Вѣрно,—отвѣчу я. Но разъ Попечит. Общ. будетъ имѣть средства, оно можетъ оказать помощь и такимъ несчастнымъ алкоголикамъ, не выпивкой, конечно, а радикальнымъ леченіемъ отъ пьянства.

А сколько есть несчастливцевъ, для которыхъ судьба оказалась злой мачихой, и не давая просвѣту, всю жизнь награждаетъ ихъ только одними пинками.

Здѣсь, въ Кіевѣ, по порученію нашего общества изъ Петербурга, я собиралъ свѣдѣнія о двухъ семействахъ и лично посѣщалъ ихъ квартиры. Не приведи Богъ никому испытывать ту страшную нужду! А,—люди труда—и о выпивкѣ тамъ не можетъ быть и рѣчи. Я являлся неожиданно, заставалъ въ расплохъ, да и, „голоднаго отъ пьянаго“ умѣю отличить. И такъ не скупись дорогой читатель!

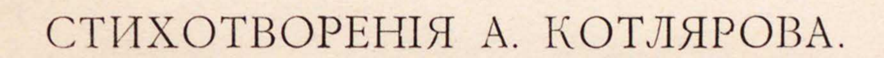
Бенефиціи, конечно, примутся съ благодарностью.

Отчетъ по продажѣ будетъ представленъ Обществу и напечатанъ со спискомъ жертвователей.

Вмѣстѣ съ симъ я проектировалъ устраивать въ Кіевѣ въ пользу нашего общества благотворительные вечера, для которыхъ очень любезно и сочувственно Кіевскій Дворянскій Клубъ соглашался безплатно дать свое помѣщеніе. Молодежь охотно отозвалась на мое предложеніе, но грозныя вѣсти съ далекаго Востока сразу приковали все вниманіе не только Кіева, но и всей нашей необъятной дорогой сердцу Россіи, какъ одного человѣка. Теперь конечно не до баловъ.

Тѣмъ не менѣе въ будущемъ, надѣюсь, мысль эта осуществится. А съ міру по ниткѣ—голому рубашка.

А. К.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. КОТЛЯРОВА.

Посвященіе

Кадетамъ Владимірскаго Кіевскаго Кадетскаго Корпуса.

I.

Воспоминаніемъ согрѣтый,
Прошу Васъ, юноши кадеты,
Принять досугъ, что посвятилъ,
Корпя надъ риѳмою стиховъ,
По мѣрѣ дряхлыхъ своихъ силъ,
Старикъ-товарищъ Котляровъ.
Трудъ сына-юнаго поэта,
Друзья, Вамъ такъ-же отдаю,
А самъ, на старость безъ просвѣта,
Его утраты горечь пью!...
Но знать судилъ ему такъ рокъ!...
Иль за грѣхи мнѣ въ наказанье:
Свою семью я самъ увле́къ!...
На то ужасное купанье!
Стихи покойнаго для Васъ
Конечно ближе и дороже,
Читая ихъ въ досужій часъ,
И вспоминая о Сережѣ,
Прошу хранить въ кругу своемъ
Лишь память добрую о немъ.
Межъ Вами онъ друзей имѣлъ.
Честь памяти его отдамъ:

Правдивъ, великодушенъ, смѣлъ.
Онъ былъ, развитъ не по лѣтàмъ,
Съ горячимъ сердцемъ, съ головой,
Вопросомъ жизни занятой!....
Напрасно онъ искалъ отвѣтъ!..,.
Ты зналъ-ли, мальчикъ мой—поэтъ,
Что жизнь такъ просто разрѣшила
Тебя тревожившій вопросъ?!
Въ Анапѣ—дальняя могила!...
Въ семьѣ потокъ—горючихъ слезъ!...
Мы оба съ нимъ были полны,
Душѣ лишь русскаго понятныхъ,
Священныхъ чувствъ. Родной страны,
Въ ея предѣлахъ необъятныхъ,
Успѣхъ, невзгоды прошлыхъ дней
Переживали вмѣстѣ съ ней.
Любви къ Россіѣ идеалъ
Великій Петръ намъ указалъ:
Опасность лично презирая,
Онъ велъ войска въ Полтавскій бой;
Свою Россію защищая,
Готовъ былъ жертвовать собой!

II.

Вамъ посвящая книжку эту,
Я не ищу себѣ похвалъ,
Повѣрьте старому кадету,—
Я о другомъ совсѣмъ мечталъ.
И сбудутся-ль мечты?—Не знаю.
Дай Богъ! Но васъ я умоляю:
Къ себѣ корректно будьте—строги;
Въ нашъ декаденства вѣкъ убогій,
Не увлекайтесь вы толпой,
Ученой, будто, молодежи;

Подъ ярлыкомъ ея одежи
Пузырь тамъ мыльный и пустой
На гребнѣ взмученной волны,
Да фейерверкъ трескучихъ фразъ.
Толпу волнуя каждый разъ,
Тамъ верховодятъ крикуны,
Какъ отголоски темныхъ силъ—
Враговъ порядка и мутилъ.

III.

Любви къ отечеству огнемъ
Васъ закаляютъ съ каждымъ днемъ,
И, укрѣпясь наукой въ школѣ,
Съ глубокой вѣрою въ груди,
Вы выйдете на жизни поле.
Оно широко впереди
И далека ваша дорога.
Идя по ней, храните связь;
Не допускайте, ради Бога,
Затаптывать въ мірскую грязь
Ростки законности и долга.
Не оживитъ ихъ Днѣпръ, ни Волга...
Культурѣ высшей для страны
Тѣ орошенья не нужны.
Какъ ни печальна моя повѣсть,—
Гдѣ спитъ общественная совѣсть,
Ростки замрутъ, Боже спаси!
Они такъ хилы, одиноки,
Ихъ корни слабы на Руси;
А трещины вездѣ глубоки
При общей засухѣ кругомъ....
Въ краю отечества родномъ
Васъ ждутъ не подвиги войны...
Иныхъ задачъ, иныхъ стремленій

Мы ждемъ отъ новыхъ поколѣній.
Россія жаждетъ тишины.
Пусть сабли тупятся въ ножнахъ!
Не будемъ мы тревожить прахъ
Войной измученнаго вѣка,
Но ждать, не отрывая глазъ,
Гражданства доблестей отъ васъ—
Культуры высшей—человѣка!
Но если Дальняго Востока
Въ грозу сгустятся облака
И наши вызовутъ войска;
Или поклонники пророка,
Хоть эта мысль и далека,
Запросятъ Русскаго штыка;—
Вы не отстанете отъ дѣдовъ,
Умѣвшихъ въ до́лгѣ замерзать
И праотцевъ, изгнавшихъ Шведовъ,
Собою Имя воскрешатъ!
Такъ съ Богомъ-же, и Вашъ чередъ,
На благо родины—впередъ!!!

А. К.

На память 50-ти лѣтняго юбилея

Кадетамъ Владимірскаго К. К. Корпуса.

I.

Побѣдъ магическій рычагъ —
„Ура“ и Знамя для народа.
Его влечетъ сама природа,
Покинувъ дѣдовскій очагъ,
Спѣшитъ подъ Царскіе Знамена,
Къ призыву съ Царственнаго Трона.
Такъ было встарь и такъ — до нынѣ.

Съ временъ Великаго Петра
Повсюду падали твердыни
Подъ громомъ Русскаго Ура!
Оно сейчасъ, недвижнаго Китая
Вѣковы стѣны разрушая,
Страшитъ надменный Альбіонъ,
Давя кошмаромъ его сонъ.
Но Русскій Громъ съ своей грозой,
Вторгаясь въ чуждую страну,
Приноситъ ей гражданскій строй,
Даруя миръ и тишину.
Попробую представить Вамъ
Войны хоть слабую картину;
Хотя съ грѣхомъ и по поламъ,
Изображу на половину:
Ура! Походъ! вездѣ несется,
Какъ въ Свѣтлый праздникъ, каждый радъ;
И только знамя развернется,
Уже къ нему прикованъ взглядъ,
Восторга трепетомъ объятый;
Готовы наши въ бой солдаты,
Лишь за движеніемъ знаменъ
Серьезный взоръ ихъ напряженъ,
Но въ часъ военнаго пожара,
Какъ ураганъ, какъ Божья кара,
Какъ ревъ бушующаго моря,
Орудій залпамъ эхомъ вторя,
Гремитъ Россійское Ура!
То штурма страшнаго пора —
Минуты ужаса настали:
На приступъ движутся полки;
Щетиною граненой стали
Блестятъ ихъ грозные штыки;
Знамена вьются какъ въ парадъ,
Играютъ хоры трубачей;

Въ порядкѣ строй — за рядомъ — рядъ!
Стихаютъ залпы батарей.
Безъ орудійнаго огня
Слышнѣе ружей трескотня;
Все скрыто дыма пеленой
Какъ будто облакомъ тумана;
Оттуда слышится порой
Сигналъ трубы иль барабана.
Ужасенъ тамъ послѣдній бой,
Подъ самой бруствера стѣной!
И въ рукопашной силенъ врагъ,
Онъ намъ почти не уступаетъ,
Мы съ бою каждый беремъ шагъ!
А смерть все жертвы умножаетъ!
Но знаетъ міръ и Старый Свѣтъ—
Отъ Запада и до Востока,
Что волнамъ Русскаго потока
Могучихъ силъ — преграды нѣтъ!
Штыкамъ работать не впервые,
Ура!!! восторгами звучатъ
Его раскаты громовые,
Здается врагъ, штыкомъ прижатъ!
И Русскія уже Знамена,
Героемъ дня водружены,
Вѣнчаютъ стѣны бастіона!
Счастливый мигъ! Конецъ войны.
Мы стали твердою ногой!
Стихаетъ все. И бьютъ отбой.

II.

Войны изнанка: доктора
И Красный Крестъ еще съ утра
Тяжелый перевязки трудъ,
Не зная отдыха, несутъ.

Сжимаетъ сердце та картина!
Ея другая половина —
Предметъ обычной суеты,
Здѣсь легче, веселѣе видъ:
Дымятся трубочки, котлы,
Дразня солдатскій аппетитъ;
Минувшихъ ужасовъ войны
Потери здѣсь не такъ видны;
И до желаннаго обѣда
Живая льется тутъ бесѣда.
Покончивъ тяжкую работу,
Солдатъ дружитъ уже съ врагомъ,
Имѣетъ сильную охоту,
Дѣлясь послѣднимъ сухаремъ,
Согнать съ чела у плѣнныхъ тѣнь,
Вниманья полонъ и заботы,
Имъ сыплетъ шутки и остроты,—
Его душа свѣтла—какъ день!
Исполнилъ онъ священный долгъ,
И потому въ душѣ восторгъ.
Великій подвигъ совершая,
Онъ не искалъ чиновъ, наградъ
И шелъ на смерть какъ на парадъ,
Лишь долгъ присяги сознавая!
Народной массы—какъ стихіи
Онъ атомъ, но рычагъ Россіи,
Она имъ двигалась вѣкà,
Своей лишь вѣрою крѣпкà!
И прадѣдовъ ея завѣтовъ
Рычагъ не сдвинетъ Архимедовъ!

III.

Но Ваша служба—впереди.
Пусть въ Вашей, юноши, груди
Не гаснетъ дѣдовское пламя

И яркимъ свѣточемъ горитъ.
Царя и Дѣда, наше Знамя,
Его Царь—Внукъ снова даритъ
Родному корпусу въ день юбилея,
Уже прожившему полъ—вѣка!
Предъ Знаменемъ роднымъ благоговѣя,
Въ себѣ храните человѣка,
Носите съ честью Вашъ мундиръ,
Смотрите зоркими очами,
Чтобы всегда гордился Вами
Великій Князь—Вашъ Командиръ!
А дѣдъ Вашъ—Кіевъ, съ давнихъ поръ
Любуясь стройными рядами
Кадетъ съ примкнутыми штыками,
Привыкъ на Васъ покоить взоръ,—
Въ Васъ видя будущихъ вождей
Великой родины своей!

Товарищамъ по корпусу.

„Воспоминаніе“.

СПБ. 10 Декабря 1899 г.
(Рѣчь на товар. обѣдѣ).

Товарищамъ поклонъ и слово теплое привѣта
Всѣмъ отъ меня, питомца родныхъ стѣнъ,
Участника проказъ и школьныхъ сценъ,
Теперь ужь старика, а нѣкогда кадета.
Увы! прошли года, прошли десятки лѣтъ,
Но я всегда душой по прежнему кадетъ.
Товарищества духъ по прежнему люблю
И, какъ старикъ, я здѣсь о прошломъ говорю:
Лишь память дружбы юношескихъ лѣтъ
Хранитъ у насъ у всѣхъ глубокій слѣдъ.
Она одна насъ молодитъ, живитъ, волнуетъ кровь,
И вѣримъ мы по старому и въ дружбу и въ любовь.
Пусть красятъ Васъ давно густые эполеты,
Но здѣсь, въ своей семьѣ, мы прежніе кадеты
И память прошлому сегодня посвятимъ:
Здѣсь гордость Корпуса нашъ Тилло и Гудимъ,
Молчановъ здѣсь—фельдфебель строгій мой,
Фабриціусъ, какъ ртуть, всегда живой,
И богатырь знаменщикъ нашъ—Кублицкій,
Нечаевъ здѣсь, Павловскій и Трамбицкій.

И молодежи цвѣтъ, ея блестящій рядъ
Подъ старость веселитъ и радуетъ мой взглядъ.
Здѣсь есть участники громившихъ батарей,
Сподвижники тѣхъ доблестныхъ и славныхъ дней,
Когда, какъ вихрь, носилась конница въ атаки
И грозною стѣной пѣхота шла въ штыки!
Но кто-же двигалъ ихъ—тѣ славные полки
И стойко выносилъ весь пылъ военной драки?!
Кто, твердой, властною рукой,
Подъ часъ въ неравный, смертный бой,
Всегда своей рискуя головой,
Увѣренно водилъ ихъ за собой?
Вели: питомцы долга, дисциплины,
Въ традиціяхъ какъ сталь—закалены,
Любовію къ Царю, отвагою полны,
Кадетскихъ школъ—достойные сыны!
Но дни тяжелыхъ испытаній для страны
Прошли. Извнѣ союзомъ мы ограждены.
На стражѣ мира съ пальмою въ рукахъ,
Его Провѣстникъ и Зиждитель,
Стоитъ нашъ Вождь-Державный нашъ Монархъ.
„Храни Царя, Господь-Спаситель,
„И супротивныя повергни въ прахъ!
Одна у всѣхъ молитва на устахъ.
Внутри-жъ Опора Царственнаго Трона,
Защита правъ гражданъ, равно закона
Покоятся на Васъ, какъ на устоѣ.
Внутри за мощной Вашею спиной
Въ Руси обширной православной
Въ ея мирномъ быту, домашнемъ строѣ,
Промышленность, наука процвѣтаетъ
И мирный пахарь—гречкосѣй,
Надъ нивой потрудясь своей,
Спокойно спитъ и миръ благословляетъ.
Порядка твердаго внутри, Вы—прочный щитъ.

И предъ Вами крамола злобная молчитъ.
За Васъ, птенцы, Россійскаго Орла,
За дружество, бокалъ я поднимаю,
Въ Васъ искра Божія живетъ, свѣтла!
Я вижу, чувствую и понимаю.
Пусть въ обновленныхъ корпусахъ,
Но старыхъ дорогихъ стѣнахъ,
Старинной дружбы духъ царитъ
Незыблемъ, проченъ, какъ гранитъ
И выпуски собой объединяетъ!
Да будетъ дружество девизомъ всѣхъ!
Оно въ бою надежды окрыляетъ,
Съ собой несетъ: побѣду и успѣхъ!

---

2 Января 1900 г.
(Кіевъ. Корпусъ).

Какъ кровный, русскій горячій патріотъ,
Я въ будущемъ живу нашей Россіи.
Она уже не клонитъ больше выи
Предъ западомъ. Дружно движется впередъ
Къ прогрессу мирно, по мирному пути,—
Какъ Свыше ей назначено итти.
На стражѣ мира Вождь ея Державный
Стоитъ, ей путь указывая славный.
И тѣмъ путемъ, съ молитвой къ Богу,
Она ведетъ—свою дорогу.
Ростутъ вездѣ дворцы науки,
Въ нихъ молодые стебельки
Грядущихъ новыхъ поколѣній
Пышнѣе, лучше разцвѣтутъ
И плодъ реальныхъ направленій,
Богъ дастъ, Россіи принесутъ.
Но воспитаніе важнѣй науки.

На этой почвѣ трудъ и Ваши руки,
Для процвѣтанія родной страны,
Намъ дорoги и обязательно нужны.
Не станетъ спорить въ томъ и сама пресса,
Что Вы являете собой, на всякій взглядъ,
Цивилизаціи передовой отрядъ
И проводникъ народнаго прогресса.
Вамъ доставляетъ русскій нашъ народъ
Тотъ матерьялъ, что жребій каждый годъ
Изъ массъ толпы народной выбираетъ
И къ Вамъ на обработку посылаетъ.
Нашъ новобранецъ въ Вашей мастерской
На видъ бревно, какъ матерьялъ сырой,
Но обработанный умѣлою рукой
И въ малый службы срокъ становится герой.
А поскоблите лакъ на немъ и глянецъ,
Получится все тотъ-же новобранецъ,
Съ подкладкой лишь иной. Собою восхищенъ
И службою гордясь, домой вернется онъ,—
Ну просто дрянь: ни баринъ, ни работникъ;
На легкій хлѣбъ за то—большой охотникъ.
Онъ былъ Вамъ нуженъ, какъ машина;
А мы въ немъ видимъ гражданина.
Не отесавъ почти его натуры,
Вы не жалѣли лаку, политуры;
Его-жъ духовной стороны
Почти не трогали струны.
Глядите глубже въ сердце юнаго солдата,
Младенца по душѣ, но по кресту Вамъ брата.
Тамъ добрыя начала крѣпко спятъ.
Будите ихъ, тревогу пусть трубятъ!
Прогресса пусть взлетитъ сигнальная ракета,—
Разбудитъ спячку русскую—покой!!
И въ искрахъ истины, добра, любви и свѣта,
Разсыпавшись надъ темною толпой,

Къ ней въ душу глубже, пусть и крѣпче западетъ,
Вѣдь искры тѣ солдатъ на родину снесетъ.
Пускай и тамъ блеснутъ лучи добра и свѣта!
А мирныхъ подвиговъ заслуга Ваша, эта
Оцѣнится равно, какъ въ битвахъ пролитая кровь!
То искорка добра, то дружба къ брату и любовь!

А. К.

Старымъ Кадетамъ В. К. К. К,

Запасъ энергіи и силъ
Намъ Корпусъ далъ и закалилъ!

Ты помнишь-ли, былой кадетъ,
Минувшее далекихъ лѣтъ:
Повѣстокъ барабанный бой,
Уроки зимнею порой;
Какъ ты, надѣлавши проказъ,
Торчалъ подъ лампою не разъ.
Или въ мечтахъ душой виталъ
У очага родного дома;
Но тѣ порывы охлаждалъ
„Учебнымъ шагомъ въ три пріема.“
А нашихъ лагерей невзгоды:
Когда палатки вѣтеръ рвалъ,
Въ часы бушующей природы,
Какъ ты убѣжища искалъ?
А помнишь съемки въ наши дни?
Въ часъ относительной свободы,
Когда мы въ полѣ и одни:
Занявши съемкой огороды,
Смѣясь въ душѣ надъ мужикомъ,
Мы брали выкупъ — молокомъ.
Всегда голодные желудки,
Мечта набить ихъ колбасой....

И вдругъ ты въ карцеръ, да на сутки...
Тогда уже хоть волкомъ вой!
Неумолимъ, жестокъ былъ стражъ—
Олейниковъ*)—тюремщикъ нашъ.
Пирожнымъ насъ не баловали,
Березы вкусъ мы точно знали.
Намъ были лакомствомъ горбушки,
Да въ среду тощія ватрушки
И только въ праздникъ пироги.
Дубовая на ужинъ каша,
Въ заплатахъ куртки, сапоги....
Такъ протекала юность наша.
Я не ропщу на прошлое. О, нѣтъ!
Оно намъ въ жизни пригодилось.
Мы дорожили званіемъ „Кадетъ"
И нами общество гордилось.
Мы голодъ, холодъ съ юныхъ лѣтъ
Легко и весело сносили!
За то—спартанцы выходили!
За то и прошлому—привѣтъ!

---

*) Олейниковъ— солдатъ при карцерахъ.

ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ.

Тяжелые дни.

Ужасный день 18 Августа 1901 года останется памятнымъ вь моей семьѣ на всю жизнь.

Возвращаясь изъ Пятигорска, гдѣ мы проводимъ каждое лѣто, на свое горе заѣхали, по совѣту врача, въ Анапу покупаться въ морѣ, которое особенно привлекало Сережу. Оно казалось гипнотизировало его, какъ очковая змѣя несчастную птичку, и бѣдняжка не сводилъ съ него глазъ какъ зачарованный, не предчувствуя, что тамъ кроется его скорая гибель.

Въ Анапѣ устроились мы довольно удобно и дешево, благодаря начавшемуся разъѣзду публики. Всѣ были довольны и веселы. Особенно пріятно было видѣть оживленіе у Сережи, прежде всегда замкнутаго, уходящаго въ себя. Тутъ онъ какъ будто развернулся. Правда оживленіе это замѣтили мы еще до поѣздки въ Пятигорскъ, послѣ путешествія нашего юнаго поэта по Днѣпру въ лодкѣ съ Дмитріемъ Семеновичемъ Радзимовскимъ, уроженцемъ Приднѣпровья и опытнымъ плавцомъ, съ которымъ товарищи Сережи встрѣчались у насъ. Но особенно оживился нашъ незабвенный мальчикъ послѣ большого путешествія изъ Пятигорска по Военно-Осетинской дорогѣ въ Кутаисъ, Батумъ, Тифлисъ и по Военно-Грузинской дорогѣ обратно чрезъ Владикавказъ въ Пятигорскъ, въ обществѣ уважаемаго, сердечнаго воспитателя В. К. К. К. подполковника

Александра Ильича Бенедиктова и студента Александрiйскаго Института, дѣльнаго и энергичнаго Евгенiя Антоновича Сисѣцкаго, раньше готовившаго Сережу для поступленiя въ Корпусъ. Это послѣднее путешествiе, казалось, окончательно разогнало печальныя думы Сережи, такъ рельефно сказавшiяся въ нѣкоторыхъ изъ его стихотворенiй. Точно надъ нимъ тяготѣло что-то роковое, онъ точно предчувствовалъ что-то не доброе, когда прощаясь со своимъ другомъ—товарищемъ Володей Соколовымъ, передъ поѣздкой на Кавказъ, просилъ въ случаѣ чего, сжечь его дневникъ, не читая, что я и сдѣлалъ: отчасти для того чтобы выполнить завѣщанную волю, отчасти не желая прочесть въ дневникѣ что-нибудь такое, что могло-бы омрачить свѣтлую для семьи память покойнаго сына.

Въ роковой день было вѣтренно, Сережа и студентъ давно выкупались, я пошелъ купаться одинъ. Вода обыкновенно чистая и прозрачная была мутна, непривлекательна для купанья. Содержатель купальни предложилъ мнѣ купаться по другую сторону молла, говоря что тамъ вода всегда чиста, но, что благодаря мелководью, взрослые тамъ обыкновенно не купаются, даже купальни нѣтъ, есть только раздѣвальни мужская и женская, на которыя онъ мнѣ и указалъ рукою. Я отправился въ указанное мѣсто и выкупался съ большимъ удовольствiемъ, при чемъ набѣгавшiя волны прозрачной и чистой воды иногда поднимались на высоту груди, а за тѣмъ уровень воды снова падалъ до колѣнъ. Довольный своимъ открытiемъ я поѣхалъ за семьей, что-бы и всѣмъ имъ доставить то-же удовольствiе. О близкой опасности мнѣ не приходило даже и въ голову; сторожъ при раздѣвальнѣ то-же подтвердилъ, что въ этомъ мѣстѣ почти на цѣлую версту воды по колѣно. Сережа первый обрадовался моему предложенiю. Собрались и поѣхали: жена, оба сына, младшая дочь и Е. А. Сисѣцкiй. Всѣ начали купаться, кромѣ меня, т. к. я выкупался за четверть часа назадъ. Между тѣмъ волненiе быстро уси-

ливалось. Замѣтивъ, что Сережа и студентъ все удаляются, а волны съ каждой секундой становятся все сильнѣй и грознѣй, я началъ кричать имъ чтобы вернулись, но шумъ волнъ и вѣтра заглушали мой голосъ. И, о ужасъ! набѣжавшій валъ скрылъ отъ моихъ глазъ обоихъ. Затѣмъ крики и маханье руками студента дали мнѣ понять о катастрофѣ. Бѣдный Евгеній Антоновичъ чуть самъ не погибъ, пытаясь спасти Сережу. Я бросился къ сторожу, поднялъ тревогу, сбѣжались люди, бросались искать, но разсвирѣпѣвшее море останавливало смѣльчаковъ, о лодкахъ нечего было и думать. Бушующая стихія наводила ужасъ. Старожилы говорили что не запомнятъ такой бури у ихъ обыкновенно тихаго берега. Такъ нежданно, такъ страшно жестокое море похоронило дорогого намъ Сережу и разбило надежды семьи. Трудно представить отчаяніе матери. Тяжелымъ гнетомъ легло мнѣ на душу мое увлеченіе купаньемъ въ бурю. Всѣ мы были до того угнетены и нравственно разбиты, что рѣшили бѣжать изъ суровой для насъ Анапы, тѣмъ болѣе что небыло надежды увидѣть Сережу даже мертвымъ, т. к. жители говорили, что во время бури волны уносятъ далеко въ глубь моря утонувшихъ, а иногда объ нихъ и въ послѣдствіи не бываетъ вѣстей. Да, наконецъ, какая радость увидѣть вмѣсто живаго, энергичнаго юноши его бездыханный трупъ. Прошло три невыносимо тяжелыхъ дня. Затихла буря, улеглось страшное море, на которое мы избѣгали даже смотрѣть, о Сережѣ не было слуховъ.

Отслуживъ заупокойную обѣдню и попросивъ пристава, въ случаѣ найдется трупъ сына, предать его землѣ безъ насъ, мы возвратились молчаливые, придавленные въ Кіевъ и только здѣсь я былъ извѣщенъ обязательнымъ приставомъ о всплывшемъ у судовъ тѣлѣ нашего незабвеннаго Сережи и о погребеніи его на Анапскомъ кладбищѣ. Тамъ теперь положена на его могилѣ надгробная каменная плита съ надписью: „Здѣсь покоится прахъ 16

лѣтняго юноши—кадета Сергѣя Котлярова погибшаго въ волнахъ Чернаго моря 18 Августа 1901 года".

Думалъ-ли я, дряхлѣющій старикъ, пережить здороваго, мужественнаго, крѣпкаго духомъ и тѣломъ моего дорогого сына! конечно нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! Еще за нѣсколько дней до катастрофы, бесѣдуя съ нимъ объ обязанностяхъ членовъ семьи, о долгѣ гражданина, я говорилъ, что на будущее никогда не слѣдуетъ закрывать глаза, быть на готовѣ ко всякимъ случайностямъ и что мнѣ осталось жить ну-годъ, ну-два.... а между тѣмъ уже два года какъ его нестало!... И только глубокая вѣра и покорность Волѣ Провидѣнія миритъ меня съ тяжелой, незамѣнимой утратой. Значитъ, такъ должно было случиться! Его пытливый умъ искалъ вездѣ причинъ: „Почему?"...

Почему Радецкій, бывшій въ ста съ лишнимъ сраженіяхъ, не былъ даже раненъ? Если тебѣ, читатель, придется побывать въ Одессѣ, поклонись его праху и полюбуйся величественнымъ надъ его могилой памятникомъ съ краткой надписью „Радецкій" Почему Скобелевъ, легендарный Скобелевъ, какъ-бы искавшій смерти въ самомъ пылу сраженій, остался живъ, и, ничего неждавшая, Россія какъ громомъ была поражена его смертію въ Москвѣ?! Вскорѣ послѣ смерти нашего Русскаго героя, мнѣ случилось быть въ Бѣлокаменной, гдѣ какъ говорятъ сорокъ сороковъ церквей, и гдѣ, кромѣ Иверской, прохожій и проѣзжій не осѣняетъ себя набожнымъ крестомъ. Проѣзжая мимо одной церкви мой извозчикъ снялъ шляпу и набожно перекрестился. На мой вопросъ, онъ отвѣтилъ: „мы здѣсь отпѣвали Михаила Дмитріевича". На второй вопросъ, какого М. Д., онъ взглянулъ на меня строго и съ разстановкой произнесъ: „Скобелева" и мнѣ стыдно стало что я забылъ имя и отчество „Бѣлаго Генерала".

Почему? Мой родной отецъ, начавшій службу въ 1812 г. патьнадцати лѣтнимъ мальчикомъ, когда ополчались и старъ и младъ, исходившій почти всю Европу, за

тѣмъ въ турецкую компанію 1828—1829 года, какъ значится въ его формулярѣ, проколотый штыками въ грудь два раза, раненый въ ногу пулей, взятый турками въ плѣнъ и въ томъ плѣну пробывшій тринадцать мѣсяцевъ, тамъ-же перенесшій страшную чуму, возвратясь изъ плѣна и выйдя за ранами въ отставку, женился на моей матери. Почему?!...

Наконецъ, я лично на себѣ испыталъ предопредѣленіе Высшей Воли: Служа въ Каргопольскомъ драгунскомъ полку, во время польскаго возстанія 1863 г. и находясь со взводомъ (около 35 человѣкъ) въ летучемъ отрядѣ, я наткнулся на партію повстанцевъ въ двѣсти человѣкъ, конныхъ, вооруженныхъ саблями, пистолетами и карабинами Австрійскаго образца. Дѣло было зимою въ деревнѣ, гдѣ они ночевали. Извѣщенные своимъ пикетомъ о нашемъ приближеніи, они строили фронтъ на деревенской площади, готовясь встрѣтить насъ залпомъ. Благодаря ночной темнотѣ, не сильной впрочемъ, потому что лежалъ сплошной снѣгъ, я подскакалъ такъ близко, что ясно слышалъ щелканье взводимыхъ курковъ у карабиновъ, различалъ отлично всадниковъ, не обращавшихъ на меня вниманія, занятыхъ построеніемъ фронта, и стоялъ передъ ними какъ командиръ. А, можетъ, быть, они меня и принимали за таковаго;—гдѣ тамъ присматриваться къ одиночному всаднику, когда бѣда на носу. Трудно передать мои ощущенія въ эти минуты. Жутко было испытывать полное одиночество, но я не трусилъ окончательно. Въ минуты опасности мысли проносятся какъ молнія. Мнѣ ясно вспомнились слова колыбельной пѣсни: „да готовясь въ бой опасный, помни мать свою“. Убѣжденный что вотъ, вотъ взводъ мой сію секунду подскачетъ, я оглядывался назадъ, нетерпѣливо ожидая появленія своихъ, ругалъ ихъ въ душѣ что отстали, хотя и немогло быть иначе, такъ какъ мы проходили на рысяхъ по узкой лѣсной дорожкѣ „по одному“ и конечно сильно разстяну-

лись. Я боялся одного, что уходятъ дорогіе минуты для аттаки, пока они въ безпорядкѣ строятся.

Ихъ фронтъ выравнивается, моихъ невидать.

А ну, какъ до появленія взвода они оправятся и, моему взводу не давъ развернуться, ударятъ первые? Сомнутъ насъ своею численностью, мелькнуло въ моей головѣ. „Ваше благородіе, пропали“ шепнулъ мнѣ, несмѣло подъѣхавшій сзади рядовой Дериглазовъ первымъ, какъ бы подтверждая мою мысль. Молчи, тоже шепотомъ отвѣтилъ я, оглядываясь въ ожиданіи своего немногочисленнаго войска и съ радостью увидѣлъ своихъ драгунъ; но видя линію фронта, значительно превосходящую нашу, люди осаживали.

Найдись у повстанцевъ смѣльчакъ, дай имъ толчекъ и мой взводъ мгновенно былъ-бы раздавленъ. Въ кавалерійской схваткѣ особенно важно—кто первый ударитъ. Замѣтилъ-ли ты, мой юный читатель, что смѣлость и быстрота нападенія даетъ всегда перевѣсъ слабѣйшему,—это замѣтно даже въ дѣтскихъ играхъ. Азартъ часто и почти всегда удачно замѣняетъ силу. Не даромъ говорится: „смѣлость—города беретъ!“. Съ крикомъ: „ребята, ура“! я бросился въ шашки и въ нѣсколько прыжковъ моего коня очутился между повстанцами. Мгновенно подхваченное „ура“ моимъ взводомъ и одновременно раздавшійся трескъ залпа, произведеннаго повстанцами, огласили тихую ночь. Все смѣшалось. Замелькали шашки, послышались вопли о пощадѣ. Всѣ повстанцы бросились въ одну сторону, въ узкую улицу, столпились, и пошло ужасное крошево. Нѣсколько десятковъ несчастныхъ нашли тамъ свою безславную смерть. Говорю, безславную, потому что мирные крестьяне ихъ ненавидѣли и проклинали. Двумъ, однако, бросившимъ вблизи меня оружіе, я спасъ жизнь, остановивъ занесенныя надъ ихъ головами шашки моихъ драгунъ.

У меня оказалось двое убитыхъ залпомъ и вахмистру царапнуло пулей руку, а я, представлявшій для залпа первую мишень, чуть не въ упоръ,—остался цѣлъ и невредимъ.

Почему?!.. Вопросъ надъ которымъ гордый, но въ сущности жалкій умъ человѣка бьется безъ отвѣта тысячи лѣтъ и дальше судьбы не ушелъ. Та-же неумолимая судьба отняла жизнь у моего дорогого сына, такъ рано проявлявшаго свой недюжинный талантъ и, въ самомъ началѣ его разцвѣта,— такъ рано погибшаго, какъ весенній цвѣтокъ, сорванный жестокою рукой неумолимаго рока! Тяжело отразилось на всѣхъ насъ это горе; но, что-же дѣлать?!! Господня Воля! Предѣлъ, его-же не прейдеши!...

А. К.

Моей женѣ.

„Онъ звалъ меня во слѣдъ съ собою
„Въ обитель чистыхъ думъ и грезъ
„Туда,—гдѣ міръ зовутъ мечтою,
„Гдѣ нѣтъ страданія и слезъ.....

Сережа.

Велико горе,—только намъ.
Въ своемъ стихѣ, не онъ-ли самъ,
Своей прекрасною душой,
Стремясь въ невѣдомую даль,
При жизни здѣсь, виталъ мечтой
Въ краяхъ, гдѣ не живетъ печаль.
Знать, свыше суждено ему
Покинуть міръ.! И потому:
Уйми свой ропотъ и гордыню,
Предъ Волей Господа смирись,
Ударъ принявъ какъ благостыню,
Молись Страдавшему! Молись!
Съ слезою вѣры, упованья
Къ Нему ты взоры обрати.
Лишь Онъ уйметъ твои страданья!...
Его не вѣдомы пути!...
Его Святаго Провидѣнья
Постичь умомъ ты не дерзай;
Гони всѣ помыслы сомнѣнья,
Себя напрасно не терзай.
Смотря на вещи просто, здраво,

Ты, на закатѣ нашихъ дней,
Живи не мудрствуя лукаво,
Среди оставшихся дѣтей.
Проси у Господа-Спасителя,
Молясь о лучшей для нихъ долѣ,
Послать имъ Ангела-Хранителя
И покоряйся Его Волѣ.
Въ любви къ оставшимся дѣтямъ
Пусть таетъ наше горе. Намъ
Осталось только просить Бога
Быть твердымъ въ вѣрѣ до конца
И до могильнаго порога
Благословлять всегда Творца!

А. К.

Рѣчь на панихидѣ.

„Житейское море воздвизаемое зря напастей бурею, къ тихому пристанищу Твоему притекъ, вопію Ти: возведи отъ тли животъ мой, Многомилостиве!“.

Ни разу эта церковная пѣснь не звучала для меня такъ выразительно, какъ въ настоящія минуты общей печали нашей. Не метафорически, не образно, а съ грустнымъ сознаніемъ неотразимой дѣйствительности приходится намъ вспомнить молитвою дорогого пловца, обрѣтшаго тихое пристанище въ бурныхъ волнахъ не житейскаго, а Чернаго моря....

Свѣтлый образъ этого пловца—юноши съ вдумчивымъ яснымъ взоромъ, съ благородно прекрасными чертами лица, какъ живой встаетъ предъ нами.... Могъ-ли кто-либо ожидать, прощаясь съ нимъ предъ каникулярнымъ отпускомъ, что не увидитъ его больше, не обмѣняется дружескимъ привѣтомъ, не порадуется его свѣтлой чистой улыбкой? Жизнь, зачѣмъ ты намъ дана?.... Ужели затѣмъ, чтобы промелькнувъ блестящимъ метеоромъ, освѣтивъ на краткій мигъ неприглядную дѣйствительность, безвременно угаснуть во цвѣтѣ нераспустившихся дарованій, дорогихъ надеждъ, несбывшихся грезъ и мечтаній?.... Кто въ силахъ измѣрить глубину скорби, постигшей семью нашего дорогаго покойника? Найдется-ли на языкѣ человѣческомъ слово, которое могло бы пролить хоть каплю утѣшенія въ эту

бездну безпросвѣтнаго отчаянія, смягчить хоть на единый мигъ его невыразимую боль?

Къ Тебѣ, Отецъ щедротъ, обращаемъ скорбные очи наши, у Тебя чаемъ обрѣсти тотъ спасительный лучъ, въ коемъ не отказываешь ни одной душѣ скорбящей и озлобленной, милости Твоей и помощи требующей.

Вѣримъ, что Твоя воля была въ томъ, дабы богатые дарованія, прекрасные таланты, украшавшіе оплакиваемаго юношу, не смяты были и не загрязнены мутными волнами житейскаго моря, а въ своей непорочной свѣжести перенесены были въ свѣтлыя обители для вѣчнаго развитія. Вѣримъ, что теперь эта чистая душа, одѣтая бѣлизною небеснаго эѳира, дышащая ароматомъ своей юной непорочности, кротко распускающаяся для вѣчнаго цвѣтенія цвѣтомъ новымъ, свѣтлымъ ангеломъ—небожителемъ несется теперь по небу къ свѣту Божія Престола....

Помолимся, братья! Молитва не только есть цѣлительное средство для облегченія скорби, не только орудіе привлеченія Божіей милости, но единственное средство общенія душъ.

Помолимся братской дружной молитвой, да очиститъ Господь до конца всю нечистоту житейскую, вольно-невольно прилипшую и къ этой душѣ, помолимся, да облегчитъ тяжкое горе семьи.

Воззовемъ вмѣстѣ съ церковію отъ лица безвременно покинувшаго юноши: „Боже, Боже! призвавый мя, утѣшеніе нынѣ буди дому моему, плачъ бо велій случися имъ: на мя бо взираху вси, любезна мя сіи имуще. Но Ты, рождейся отъ Матери Дѣвы, Матере моея утробы прохлади и ороси сердце отца!?“. Аминь.

Священникъ К. Шевченко.

Воспоминаніе о Сережѣ Котляровѣ
его преподавателя
по русскому языку и словесности.

„Зачѣмъ явился лучъ заката,
„Зачѣмъ, зачѣмъ? Скажите вы?

С. Котляровъ.

Платя дань взаимной любви моему дорогому ученику Сережѣ Котлярову и глубоко сочувствуя тяжелому горю и скорби его родителей о безвременной утратѣ сына, я позволю себѣ сообщить въ этомъ сборникѣ свои воспоминанія о Сережѣ.

Среди добросердечныхъ и милыхъ дѣтей—воспитанниковъ Владимірскаго Кіевскаго кадетскаго корпуса, Сережа Котляровъ скоро обратилъ на себя мое особенное вниманіе своимъ необыкновеннымъ довѣріемъ къ учителю, необыкновенной пытливостью ума и любовью къ поэзіи. Прекрасный товарищъ, помогавшій въ занятіяхъ русскимъ языкомъ одновременно нѣсколькимъ воспитанникамъ, Сережа уже во второмъ классѣ открылъ мнѣ свою тайну. Онъ писалъ стихи. Между учителемъ и ученикомъ такимъ обра. зомъ явился маленькій секретный союзъ. Какъ теперь, вижу маленькаго Сережу, его вдумчивые и глубокіе глаза, осененные густыми сдвинутыми бровями, его нѣжное лицо, то блѣднѣвшее отъ внутренняго волненія, то загоравшееся пылкимъ румянцемъ. На перемѣнѣ, отдѣлившись отъ ве-

селой толпы, у поворота корридора онъ поджидаетъ своего учителя, чтобы незамѣтно передать стишки, плоды юной дѣтской фантазіи. Жадно внимая объясненіямъ и указаніямъ по поводу стиховъ, Сережа съ особымъ стараніемъ началъ учить наизусть образцы изъ русскихъ поэтовъ. Въ интересахъ живаго представленія художественныхъ образовъ, онъ обратилъ вниманіе на выразительное чтеніе и вскорѣ сравнялся въ успѣхѣ съ тѣми товарищами, которые превосходили его раньше въ этомъ отношеніи. Въ третьемъ классѣ у него уже былъ любимый поэтъ. Сережа не разлучался съ сочиненіями Пушкина и продолжалъ свои работы. Подражая думамъ Пушкина, онъ пишетъ стихотвореніе „Поэтъ", въ которомъ высказываетъ свой взглядъ на поэта и поэзію. Въ томъ году вся Россія встрепенулась, чествуя память великаго русскаго поэта. Праздникъ русской поэзіи нарушилъ равновѣсіе души юнаго поклонника Пушкина. Онъ открылъ свою тайну, представивши чрезъ меня въ комитетъ, по поводу юбилея Пушкина, свои стихи въ честь поэта. Съ разрѣшенія Господина Директора Кіевскаго кадетскаго корпуса, стихи Котлярова были прочитаны на праздникѣ четвертой и пятой роты самимъ авторомъ, съ нѣкоторыми сокращеніями въ интересахъ художественныхъ. Въ этихъ стихахъ юный поклонникъ Пушкина называетъ его „богомъ поэзіи священной". Любовь къ Пушкину, а затѣмъ и къ Лермонтову сообщила всей ученической жизни Сережи особый колоритъ. Среди товарищей онъ искалъ друга, онъ опоэтизировалъ жизнь горячо любимой имъ родной семьи, по отношенію къ старшимъ въ корпусѣ онъ старался быть во всемъ корректнымъ и безупречнымъ. На урокахъ русскаго языка онъ не пропускалъ ни одного слова преподавателя и, несомнѣнно, заражалъ вниманіемъ своихъ товарищей. Сочиненія его были полны цитатъ и нѣкоторые изъ нихъ можно было признать образцовыми въ классѣ. Въ его произведеніяхъ зазвенѣли стихи, не лишенные икренняго чувства. Разборъ

отрывковъ изъ поэмъ Пушкина и Лермонтова, рисующихъ Кавказъ, и посѣщеніе Кавказа, пробудили въ немъ любовь къ природѣ. Въ одномъ изъ стихотвореній онъ воспроизводитъ картину утра въ горахъ, въ другомъ повѣряетъ свои думы Тереку. Наконецъ въ стихотвореніи „Цвѣтокъ", по сюжету напоминающемъ стихи Пушкина на такую же тему, а по теченію мысли и оборотовъ рѣчи стихотвореніе „Анчаръ", можно ясно видѣть самостоятельность въ изображеніи природы. Между тѣмъ наступала пора юности. Сережа самъ расцвѣталъ, какъ прекрасный цвѣтокъ. Чувство довѣрія смѣнилось въ немъ чувствомъ признательности и благодарности къ учебному заведенію. Нерѣдко онъ съ гордостью говорилъ о „нашемъ корпусѣ". Онъ интересовался постановкой дѣла и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, много читалъ, принималъ участіе въ литературныхъ вечерахъ, проэктировалъ съ товарищами экскурсіи съ оттѣнкомъ литературнаго интереса, какъ напр., въ Каменку, освященную пребываніемъ Пушкина. Декламація, мелодекламація, пѣніе и музыка были любимыми его развлеченіями. Онъ искалъ вездѣ жизни съ мощными и благородными порывами и широкаго чувства любви. Для декламаціи на литературномъ вечерѣ въ корпусѣ онъ выбралъ стихотвореніе Пушкина „Къ морю", и читая его, онъ старался передать ту поразительную мощную силу духа поэта, какая выразилась въ этомъ стихотвореніи. Вмѣстѣ съ этимъ въ его душѣ зазвучала меланхолическая нотка.

„Скажите мнѣ, зачѣмъ минули
„Дни юности моей златой?
„Зачѣмъ такъ скоро промелькнули
„Надежды, счастье и покой?
„Зачѣмъ промчались безъ возврата
„Безоблачны, счастливы дни,
„Зачѣмъ явился лучъ заката,
„Зачѣмъ, зачѣмъ? Скажите вы?

Было что-то глубоко нѣжное, что-то свое въ меланхолическомъ чувствѣ юноши. Съ горячей любовью относясь къ Лермонтову, онъ не могъ все-таки найти у поэта подходящихъ стиховъ для своей юношеской грусти. Въ одномъ изъ стихотвореній онъ жалуется, что не можетъ жить чувствами Лермонтова:

„Когда бъ я могъ, какъ духъ изгнанья,
„Какъ демонъ, гордо вкругъ взирать,
„Рвать струны счастья иль страданья
„И ядомъ смѣха на признанья
„Душѣ открытой отвѣчать!

Да, этого онъ не могъ дѣлать. Въ его воображенiи жизнь рождала высокія и чистыя думы.

„Когда волненья и печали
„Терзали мой уставшій умъ,
„Твои черты во мнѣ рождали
„Слова высокихъ чистыхъ думъ.

Романтическія грезы юноши были чисты и ясны, сдержаны и грустны. Въ одномъ стихотворенiи онъ пишетъ:

„Но сказать ей о томъ, что такъ ныло,
„Что такъ грудь волновало тоской,
„Что такъ жизнь молодую сушило
„И терзало такъ умъ молодой,
„Не имѣлъ онъ, ни воли, ни силы.

Несомнѣнно, юноша почерпнулъ высокіе уроки жизни и въ нѣжно любимой имъ родной семьѣ, которую онъ воспѣлъ съ дѣтской наивностью и лаской, и у своихъ лучшихъ учителей, у великихъ русскихъ поэтовъ, развернуть страницы которыхъ передъ взоромъ дѣтей выпало счастье на долю мнѣ.

Послѣдняя работа юноши, переданная мнѣ, состояла въ стихотворномъ переложенiи истинно христіанскаго про-

изведенія Гоголя „Жизнь“, въ концѣ котораго Пречистая Дѣва и Божественный Младенецъ изображены съ такимъ свѣтомъ, въ такихъ краскахъ, которыя можно найти только у Рафаэля. Я высказался противъ стихотворныхъ переложеній такой ослѣпительно блестящей прозы Гоголя, но былъ доволенъ тѣмъ, что въ душѣ юноши загорался новый свѣтъ божественной поэзіи. Въ такого ученика, какъ Сережа, я вѣрилъ, я не могъ не вѣрить въ него и любилъ его отъ всей души. Его же отзывчивость и признательность были истиннымъ моимъ счастьемъ, котораго вообще такъ мало у современнаго педагога.

Неожиданная и страшная смерть Сережи глубоко опечалила меня и, присутствуя на панихидѣ по немъ, я раздѣлилъ грусть и слезы его товарищей во время прекраснаго слова нашего высокоуважаемаго законоучителя отца Константина Шепченко.

Николай Бокадоровъ.

Посвященіе

Памяти С. Котлярова

его товарища

П. Веселовскаго

С. Котлярову.

Мой бѣдный другъ! Ты голосъ музы
Лелѣялъ въ сердцѣ полномъ слезъ,
Ты разорвалъ земныя узы
И улетѣлъ въ обитель грезъ.

Въ пространствѣ свѣтлаго эфира,
Играя радужнымъ лучемъ,
Летаешь ты, далекъ отъ міра,
Далекъ отъ мысли о земномъ.

Мой другъ печальный и страдавшій,
Хотѣвшій многое понять,
Напрасно истины искавшій,
Гдѣ надо лжи одной искать.

Мой бѣдный другъ! Во мглѣ забвенья
Ты не исчезнешь никогда,—
Однимъ восторгомъ вдохновенья
Съ тобой дышали мы всегда.

Прими мой трудъ! Твой голосъ нѣжный
Какъ стонъ, въ душѣ моей звучалъ,
Когда, суровый и мятежный
Я строки эти начерталъ.

Прими-жъ мой трудъ! Въ завѣтной лирѣ
Мой духъ сливается съ твоимъ
И, если счастье есть въ томъ мірѣ,
Мы дышимъ счастіемъ однимъ!

П. Веселовскій.

Товарищъ о С. Котляровѣ.

„Хоть арфа сломана, аккордъ еще рыдаетъ“.

Надсонъ.

Есть люди особенно отмѣченные природой, надъ созданіемъ которыхъ она трудилась не какъ нибудь, не сплеча, но вдохнула въ нихъ все, что есть лучшаго и прекраснаго. Къ такимъ людямъ принадлежалъ и покойный С. Котляровъ. Встрѣтились мы съ нимъ во 2-мъ классѣ и шли вмѣстѣ, въ одномъ отдѣленіи до самой его смерти. Я помню его. Онъ былъ выше средняго роста, строенъ и красивъ. Его большіе, темные, жгучіе и задумчивые глаза всегда поражали меня какой-то скрытой, необъяснимой силой. То презрительно и насмѣшливо глядѣли они и тотъ, на котораго было обращено ихъ вниманіе, невольно смущался и чувствовалъ себя неловко. То вдругъ взглядъ его загорался такой мечтательной нѣгой, такой грустной меланхоліей, что, казалось, вкругъ него витаютъ музы, увлекая звуками и маня вдаль.

Въ особенности любилъ я наблюдать за нимъ на урокахъ пѣнія. Грустная мелодія напѣвовъ, непонятная для мелкой, ничтожной души, увлекала его фантазію и, часто, приходя на урокъ веселымъ, онъ быстро перемѣнялъ настроеніе. Устремивъ мечтательный взоръ въ даль, онъ въ волненіи проводилъ рукою по своимъ вьющимся волосамъ.

И кто знаетъ?! Быть можетъ это и были тѣ дивныя минуты вдохновенія,

„Когда заботъ спадаетъ бремя,
. . . .
„Когда и умъ и сердце полны
„И риѳмы дружныя, какъ волны,
„Журча, одна во слѣдъ другой
„Несутся вольной чередой.

но писать было нельзя и онъ не писалъ.

Помню, часто за урокомъ онъ сидѣлъ задумчивъ и думалъ. О чемъ? отгадать трудно. Гдѣ не витаютъ мечты поэта! Онѣ опускаются до подземной глубины и парятъ въ надзвѣздной высотѣ, онѣ темны какъ ночь и свѣтлы какъ день, онѣ сверкаютъ гнѣвомъ благороднаго негодованія, жаждой лучшаго и тоской отчаянія!

Мы, товарищи, любили его за его внимательность, вѣжливость, предупредительность и отзывчивость. Мало того, мы уважали его за умъ и талантъ, мы видѣли въ немъ будущаго великаго человѣка. Въ его натурѣ было что-то располагающее, что-то притягательное. Мы сознательно чувствовали, что онъ стоялъ несравненно выше многихъ изъ насъ и потому за свое пребываніе въ стѣнахъ корпуса онъ сдружился рѣшительно со всѣми, что мы обыкновенно встрѣчаемъ рѣдко. То, что принято было-бы за оскорбленіе со стороны другого, ему охотно прощалось. Все въ немъ обличало, если не геніальную, то во всякомъ случаѣ необыкновенную личность, сумѣвшую покорить своему доброму вліянію всѣхъ... И вдругъ, того, которому природа такъ рано открыла свои тайны, кто съ такимъ восторгомъ вторилъ эоловой арфѣ, кто съ жадностію ловилъ звуки рая, кто весь былъ охваченъ жаромъ поэзіи, кто видѣлъ въ ней цѣль всѣхъ цѣлей, кто былъ гордостью друзей и товарищей, не стало! Природа испугалась своего избранника! Сама природа, надѣлившая его мощными творческими силами, вложившая въ его душу святой огонь

поэзіи, какъ бы испугалась, видя, какъ рано этотъ огонекъ, эта искорка начала разгораться въ яркое пламя! И онъ погибъ!

Товарищи кадеты! Если вамъ дорога слава родного заведенія, если въ васъ есть любовь къ нему, если гордость его есть и ваша гордость, вы никогда не забудете славнаго имени поэта-товарища, котораго вы любили, который часто волновалъ ваши умы, направляя ваши мысли и стремленія къ идеальнымъ образамъ и который такъ безвременно погибъ!

„Оставя міру свой вѣнецъ...

. . . Этотъ міръ — вы кадеты! Вамъ онъ оставилъ свой вѣнецъ, вамъ завѣщалъ его хранить, какъ память, послѣднюю память о себѣ!

Съ благоговѣніемъ и благодарностью примите послѣдній даръ своего пѣвца! Гордитесь имъ какъ святыней, какъ отзвукомъ своихъ собственныхъ стремленій, своихъ собственныхъ грезъ, ибо не геній создаетъ среду, а среда создаетъ генія! . . . . . .

Его не стало! Уныло потянулись дни за днями, прилежно стирая память о погибшемъ пѣвцѣ, развѣвая, какъ пыль, какъ сонъ, его минутную славу, холодя и давя тяжелымъ грядущимъ и постепенно отдаляя свѣтлое прошлое. Спи вѣчнымъ непробуднымъ сномъ геніальный юноша!

„И пусть у гробового входа
„Младая будетъ жизнь играть,
„И равнодушная природа
„Красою вѣчною сіять!

А мы! Мы постараемся сохранить о тебѣ память, какъ залогъ нашего будушаго, какъ утѣшеніе въ минуты несчастья, какъ проблескъ свѣта въ пустынѣ міра, какъ цѣль въ безцѣльной, но вѣчной борьбѣ.

И пусть твои грезы найдутъ себѣ откликъ въ мысляхъ другихъ, пусть твои мечты взволнуютъ чей либо другой умъ, пусть твои страданія заставятъ сильнѣе забиться дру-

гое страдающее сердце, полное контрастовъ и противорѣчій, полное жажды новизны, отчаянія и любви.

„Боюсь не смерти я. О, нѣтъ!
„Боюсь исчезнуть совершенно.
„Хочу, чтобъ трудъ мой вдохновенный,
„Когда нибудь увидѣлъ свѣтъ...

П. Веселовскій.

3 Ноября 1902.

СТИХОТВОРЕНІЯ С. КОТЛЯРОВА.

Скажите мнѣ, зачѣмъ минули
Дни юности моей златой?
Зачѣмъ, такъ скоро промелькнули.
Надежды, счастье и покой?!

Зачѣмъ промчались безъ возврата.
Безоблачны, счастливы дни,
Зачѣмъ явился лучъ заката,
Зачѣмъ, зачѣмъ? скажите Вы?..

Поэтъ (разговоръ).

....Ты самъ свой высшій судъ!
„Доволенъ ты трудомъ взыскательный художникъ?
„Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ
„И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ
„И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Пушкинъ.

Другъ.

Скажи, ужель тебя плѣняетъ
Мишурной славы блескъ и шумъ?
И что народу побуждаетъ
Бросать плоды высокихъ думъ?!
Зачѣмъ, кляня толпу слѣпую,
Ты всё поешь ей, какъ и встарь,
И плещешь чашу музъ златую
На опрокинутый алтарь?...
Все той толпѣ рабомъ ты служишь,
Ей смѣхомъ наполняешь дни;
Главы, какъ хмелемъ,—пѣсней кружишь,
За то, какъ хмель, легки они.
Толпа хохочетъ надъ тобою,
Пѣвецъ свободы и любви!
И отъ бездѣлія порою
Лишь пѣсни слушаетъ твои!!

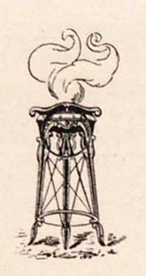
Поэтъ.

Молчи, ты не поймешь поэта!
Да кто его въ толпѣ пойметъ?

Кто средь насмѣшекъ ѣдкихъ свѣта
Съ нимъ рядомъ объ-руку пойдетъ??!..
И разгадать его кто можетъ?!..

. . . .

Какъ царь могучій всѣхъ пернатыхъ
Орелъ надъ тучею паритъ,
Такъ и поэтъ въ стихахъ крылатыхъ
Надъ пошлымъ міромъ пролетитъ.
Онъ не отдастъ толпѣ бездушной
Вѣнка своихъ крылатыхъ грёзъ.
Проходитъ гордый, равнодушный,
Средь міра радостей и слезъ.
Нѣтъ онъ не рабъ, а царь для свѣта.
Кумиромъ свѣту былъ не разъ.
Ахъ, милый другъ, пойми поэта
Его восторга полный гласъ!
....А что толпа надъ нимъ хохочетъ,
Такъ чтожъ? Ея не страшенъ судъ!
Поэтъ награды самъ не хочетъ;
Онъ самъ награда за свой трудъ!

Утро на Кавказѣ.

На небѣ звѣзды угасали.
Вдали тянулись облака
И свѣтлымъ заревомъ пылали....
Чуть звѣзды въ вышинѣ мерцали.....
Ревѣла горная рѣка....

Вотъ заалѣлъ востокъ румяный,
И въ ясной мглѣ передъ зарей,
Въ нѣмомъ углу большой поляны,
Блеснулъ въ травѣ цвѣтокъ багряный,
Обрызганъ утренней росой.
Проснулася на вѣткѣ птица....
Чу! Дятелъ въ сосну застучалъ....
Съ вершины поднялась орлица....
. . . .

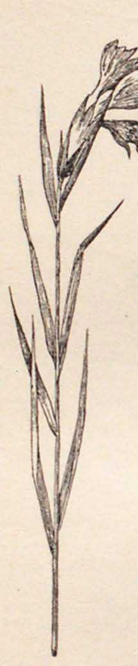
Вотъ горы снѣжныя блеснули
И ихъ, подъ солнцемъ, стройный рядъ
Горѣлъ, дымясь. Вотъ потонули
Въ туманахъ . . . .
И небо пышно разцвѣтало,
Горя всё ярче и свѣтлѣй
И яркимъ заревомъ пылало....
Вотъ брызнулъ новый снопъ лучей
И вотъ разсѣялись туманы....

Юлъ.

Тереку.

Какъ я любилъ твой шумъ всечасный,
Какъ я любилъ твой грозный гласъ,
Любилъ твой слушать голосъ страстный
И ропотъ волнъ въ вечерній часъ!
Порой твой голосъ былъ подобенъ
Рыканью льва въ лѣсу глухомъ,
Порою, какъ чеченецъ, злобенъ
Порой похожъ на вешній громъ,
Порою тихъ и нѣжно страстенъ,
Какъ голосъ дѣвы молодой,
И, какъ она, ты былъ прекрасенъ,
Когда катился въ часъ ночной.
Какъ часто ночью, сѣвъ на камень,
У брега слушалъ я тебя,
Въ душѣ моей рождался пламень,
Всего охватывалъ меня,
И началъ ропотъ волнъ бѣгущихъ
Я, вдохновенный, понимать
И сталъ я гимну, водъ поющихъ,
Съ улыбкой радости внимать.

27 іюня Пятигорскъ.

Цвѣтокъ.

Въ саду, разбитомъ подлѣ дома,
Въ куртинкѣ круглой подъ окномъ,
Расцвѣлъ цвѣтокъ тамъ у балкона
Съ весеннимъ солнечнымъ лучомъ.
Пока покровъ зимы жестокой
Лѣса и долы одѣвалъ,
Сокрывшись подъ землей глубоко,
Цвѣточекъ мирно прозябалъ.
Бушуетъ Буря. Завываетъ
Въ оврагахъ вѣтръ на всѣ лады;
И слабый цвѣтикъ засыпаетъ,
Чтобы проснуться въ день весны.
И вотъ весеннее свѣтило,
Прогнавъ зимы суровый хладъ,
Снѣговъ сугробы растопило,
Лѣса и рощи оживило,
Одѣвъ ихъ въ праздничный нарядъ.
Уже уносятъ въ море воды
Обрывки ледяныхъ цѣпей
И въ свѣтлый праздникъ всей природы
Защелкалъ въ рощѣ соловей.
Съ лучемъ небеснаго свѣтила
Изъ-подъ земли глянулъ цвѣтокъ,
И небо каплей оросило

Его ожившій стебелекъ. . .
Пришла пора дней свѣтлыхъ Мая,
И лѣто знойное пришло.
И Бога голосу внимая,
Все поднялось, все расцвѣло!
Наполненъ воздухъ пчелъ жужжаньемъ,
Порхаютъ птички по кустамъ,
И напоенъ благоуханьемъ
Вечерній воздухъ. По лугамъ
Раскинулся цвѣтовъ душистыхъ
Волшебный царственный коверъ,
И хоромъ птичекъ голосистыхъ
Весь оживился темный боръ. . .
А нашъ цвѣтокъ, никѣмъ не зримый,
Вблизи дорожки садовой,
Небесной волею хранимый,
Нашелъ и отдыхъ и покой.
Въ полудня-ль знойные часы,
Въ часы грозы, дождя иль бури
Цвѣтокъ хранилъ свои красы
И нѣжно-блѣдный цвѣтъ лазури.
Его ни дождь не изомнетъ,
Ни вѣтръ не сломитъ. Бури голосъ
Его тихонько долу гнетъ,
Какъ наливающійся колосъ.
Лишь пчелка, дань съ цвѣтовъ сбирая,
Къ нему съ жужжаньемъ подлетитъ,
Иль мотылечекъ, отдыхая,
На немъ качаясь, посидитъ.

. . . .

Сегодня, книгу раскрывая,
Въ листахъ цвѣтокъ замѣтилъ я.
Трава безъ запаха, сухая. . .
Цвѣтокъ безъ блеска и огня.
И погрузясь душой въ былое,

Я думалъ, молча: цвѣлъ когда?
И долго-ль цвѣлъ, и чьей рукою
Онъ сорванъ, положенъ сюда??
Что ждетъ его? Быть можетъ скоро
Цвѣтокъ для памяти умретъ,
Иль избѣжавши смерти взора,
Поэта онъ переживетъ?!...

„Я не для ангеловъ и рая
„Всесильнымъ Богомъ сотворенъ!
„И для чего живу, страдая,
„Про это больше знаетъ Онъ.

М. Лермонтовъ.

Когдабъ я могъ въ созвучьяхъ стройныхъ
Души стремленья заключить
И въ звукахъ страстныхъ, звукахъ знойныхъ,
Но вмѣстѣ гордыхъ и спокойныхъ
Волненья думъ остановить.

Когдабъ я могъ, какъ духъ изгнанья,
Какъ демонъ, гордо вкругъ взирать,
Рвать струны счастья иль страданья
И ядомъ смѣха на признанья
Душѣ открытой отвѣчать....

Когдабъ я могъ въ волненьяхъ свѣта
Хоть мигъ забвенія найти,
Когдабъ могла вся жизнь поэта
Пройти безъ слезъ и безъ привѣта
Безъ горя, счастья и любви.

Когда въ волненьяхъ жизни шумной
Мой умъ усталый утопалъ,
Для пѣсень гордости безумной
Я неба звуки забывалъ.
Я пѣлъ съ толпою пѣсню свѣта
И вотъ меня коснулся звукъ.
Онъ несъ съ собой слова привѣта,
Несъ столько счастья, столько мукъ.
Онъ звалъ меня во слѣдъ съ собою
Въ обитель чистыхъ нѣгъ и грёзъ;
Туда,—гдѣ міръ зовутъ мечтою,
Гдѣ нѣтъ страданія и слезъ.

Когда волненья и печали
Терзали мой уставшій умъ,
Твои черты душѣ шептали
Слова высокихъ чистыхъ думъ.

Я воскресалъ для жизни новой,
Я путь забытый обрѣталъ...
Шелъ, къ битвамъ жизни вновь готовый,
И имя милое шепталъ...

Не уходи.

Въ тотъ вечеръ образъ твой мятежный
Будилъ волненье чувствъ въ груди,
И мнѣ шепталъ твой голосъ нѣжный
„Не уходи! Не уходи!"...
Но я ушелъ. Того, что было,
Ты вновь, мой бѣдный другъ, не жди!
Увы! напрасно говорила:
Ты мнѣ тогда. „Не уходи"!
Я долженъ былъ уйти: Не съ мною.
Ты въ счастья свѣтлый храмъ иди,—
Царицей будь,—не будь рабою!...
Отъ счастья прочь—не уходи!

Я говорилъ: „Любить сначала
Нельзя.... Ты въ жизни даль гляди!....
А ты, припавъ ко мнѣ, рыдала:
„Не уходи! не уходи!"....

Памяти А. С. Пушкина

1799- 26 мая. -1899.

Сто лѣтъ промчалися толпою,
И въ вѣчность отошло сто лѣтъ,
И нынѣ съ силой громовою
Тебѣ гремитъ Страны привѣтъ!

Тебя всякъ возрастъ восхваляетъ.
Твердитъ родной страны языкъ
Тебѣ хвалу, и прославляетъ
Тебя народной славы кликъ!

Тебѣ въ сей день, не умолкая,
Гремитъ привѣтъ родной страны,
Въ сей день отъ края и до края
Тобой однимъ сердца полны!

Ты въ свой суровый вѣкъ возславилъ
Любовь ко братіямъ меньшимъ
И родину свою прославилъ
Ты словомъ свѣтлымъ и живымъ!

Ты цѣпью чистыхъ откровеній
Своей страны сердца плѣнилъ,
Ты звукомъ чудныхъ пѣснопѣній,
Какъ Фебъ, насъ пышно озарилъ!

Ты богъ поэзіи священной!!..

. . . .

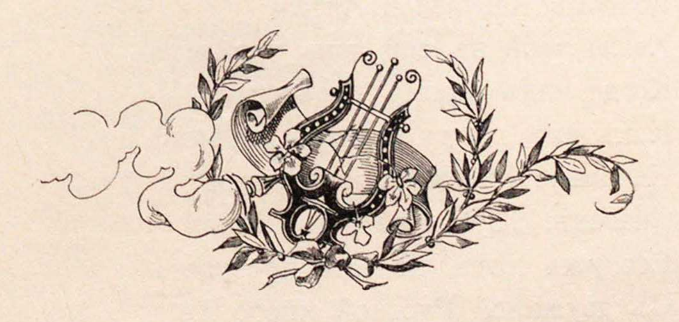
Промчались годы, какъ мечтанье,
Оставивъ слѣдъ въ столѣтней мглѣ,
Но о тебѣ воспоминанье
Жить будетъ вѣчно на землѣ!

Тебя узнаетъ сынъ Тавриды,
И скалъ Финляндскихъ мрачный сынъ,
И житель пламенной Колхиды,
И горделивый славянинъ!

Пускай замолкла твоя лира,
На алтарѣ пусть огнь угасъ,
Но сердцу пламенному міра
Досель твой слышенъ вѣщій гласъ!

Въ душѣ звучатъ струны Баяна
И слышенъ дивный гласъ пѣвца,
Пѣвца Людмилы и Руслана,
Достойно требуя вѣнца!!!

Такъ воспоемъ его во славу
Великой родины его!
И пусть находится по праву
Вся слава надъ и вкругъ него!

Памяти А. В. Суворова.

„. . . . . Воевода
„Воспитанный въ огняхъ, во льдахъ;
„Вождь бурь, полночнаго народа,
„Девятый валъ въ морскихъ валахъ!

Державинъ.

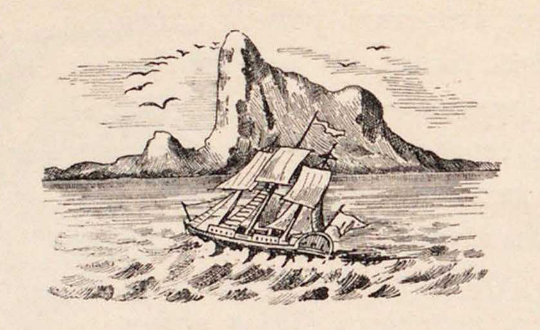
1800- 6 мая. -1900.

Богатырь страны державной!
Полночи мощный великанъ!
Зарей горитъ твой геній славный,
Гоня столѣтія туманъ!!
Сто лѣтъ прошло!... Вѣка промчатся,
Теряясь въ мракѣ бытія,
И искры въ пламень разгорятся
И въ солнце - ясная заря!
Тамъ, гдѣ звенѣлъ твой мечъ, блистая
Въ сѣни побѣднаго вѣнца,
Промчится всюду вѣковая,
Какъ Русь вся, слава безъ конца!..
И отъ Амура до Дуная,
Отъ Сѣвера холодныхъ водъ,
До горъ Кавказа и Алтая,
Хвала тебѣ въ сей день пройдетъ.
Когда надъ міромъ прокатится,
Какъ эхо, громъ былыхъ побѣдъ
Невольно Русскій прослезится,
Сказавъ: „Суворова ужъ нѣтъ“!
Его ужъ нѣтъ, но Онъ пробудетъ
Съ дружиной Русской много лѣтъ,
И имя славное всё будетъ
Орломъ на знамени побѣдъ!

Кто, Русскій, имя позабудетъ
Того, кто стягъ родной вознесъ
Всѣхъ выше?.. У кого не будитъ
То имя-гордость, что онъ Россъ?!
Чье сердце сильно не забьется,
Когда то Имя-сонмъ побѣдъ —
Надъ міромъ шумно пронесется
И грянетъ мощнымъ эхомъ вслѣдъ!?
Когда потухнетъ Праги пламя,
Съ развалинъ встанетъ Измаилъ,
Иль Рымника померкнетъ знамя
На хо́лмахъ Турціи могилъ?
Иль вѣчной силы обелиски
Могучихъ Сѣвера сыновъ
Воздвигнуты изъ горъ Альпійскихъ
Въ вѣнцахъ изъ льда, въ пыли снѣговъ?!..

. . . .

Великихъ нѣтъ! Дѣла ихъ живы,
Они о прошломъ говорятъ!!..
И будутъ жить, покуда нивы
Въ веселыхъ пажитяхъ шумятъ!...
Мечей побѣдный звонъ умолкнулъ,
Не скоро имъ звенѣть опять
И славный кликъ побѣды смолкнулъ.
„Умолкли громы.... и лежатъ!“
Но перекаты ихъ все льются
И будутъ слышны безъ конца,
Пока еще у Русскихъ бьются
Любовью къ родинѣ сердца!....

Палящій день въ пучинѣ моря догоралъ,
Надъ островомъ спускалась тьма ночная,
У скалъ, главу свою на грудь склоняя,
Герой развѣнчанный недвижимо стоялъ.

Святая Елена.

Среди пустыни океана,
Гдѣ мраченъ нѣжный небосклонъ,
Сокрыта въ пеленѣ тумана
Скала, гдѣ гасъ Наполеонъ.
Одна, какъ онъ,—какъ онъ, угрюма,
Какъ онъ,—велика и мала.
И на скалахъ почіетъ дума,
Печать думъ гордаго чела.
Когда развѣнчанный властитель
Бѣжалъ забытъ и одинокъ,
Его ладью, судебъ Рѣшитель
Примчалъ на скалы и песокъ;
На тѣ скалы, гдѣ вѣтеръ моря
Прощальной пѣснею шумитъ,
Гдѣ лучъ луны въ волнахъ прибоя
О человѣчествѣ груститъ!...

Гдѣ въ часъ грозы сильнѣе блещетъ
Свѣтъ неба грозный между скалъ,
Гдѣ глуше и зловѣще плещетъ
На брегъ пустой девятый валъ!
Въ пустынѣ хладныхъ волнъ почила
Скала та съ хладной красотой
И въ буряхъ моря закалила
Свой обликъ гордый и простой.
Онъ возвеличенъ былъ судьбою.
Звѣздой надъ міромъ онъ сіялъ;—
Громъ грянулъ Сѣвера съ грозою
И колоссъ вѣнчанный упалъ.
Твоя судьба съ его судьбою
Сошлися. Такъ назначилъ рокъ,
И ты изгнанному герою
Дала послѣдній уголокъ.
И какъ твоя скала ни бѣдна,
Она иныхъ богаче скалъ:
На ней лишь только, славы блѣдной
Онъ призракъ яркій разгадалъ!
На ней лишь онъ, въ тоскѣ о сынѣ,
О небѣ Франціи своей,
Среди безбрежныхъ водъ пустыни,
Въ часы своихъ послѣднихъ дней,
Онъ понялъ міръ и умилился
За свой прожитый страшный вѣкъ;
Съ судьбой и съ небомъ примирился
И понялъ слово „человѣкъ"!...

Отцу въ день Ангела.

Тебя я, папа, поздравляю
И съ чувствомъ святости въ душѣ
Тебѣ хвалу я посвящаю,
Какъ даръ на память обо-мнѣ.
И движимый одной мечтою,
Пишу теперь, Тебя любя,
Чтобы посильною хвалою,
Теперь привѣтствовать тебя.
Въ сей день отрады и мечтанья
И въ день священный для семьи
Къ тебѣ летятъ мои желанья
И думы лучшія мои.
Тебѣ желаю, папа, счастья
На трудномъ жизненномъ пути
И дни житейскаго ненастья
Да будутъ для тебя легки!
Дай Богъ, чтобъ всѣ Твои желанья,
Всѣ исполнялися тотчасъ,
И чтобъ не вѣдалъ ты страданья
И жилъ спокойно среди насъ.
Когда окончу я науку,
Работать стану для семьи,
То на мою опершись руку

Ты скажешь: „Вотъ мои труды!“
Пока жъ съ учебнымъ новымъ годомъ
Работать снова буду я
И дастъ Господь, хорошимъ всходомъ
Работа явится моя.
И дай мнѣ только выросль вольно;
На старость лѣтъ ты отдохнешь
И тихо, смирно и спокойно
Въ кругу семьи ты заживешь.

Отцу на новый 1899 годъ.

Желаю счастья и здоровья;
Желаю, папа, въ новый годъ,
Чтобъ древо всѣхъ твоихъ желаній
Носило бы хорошій плодъ.
Дай Богъ, чтобъ ты былъ бодрый, свѣжій,
Не зналъ болѣзней никогда;
И чтобы былъ ты папа прежній,
Хорошій, добрый, какъ всегда.
Въ сей новый годъ надѣюсь съ Богомъ
Учиться снова, не лѣнясь,
И небо, можетъ быть сторицей,
Просыплетъ благодать на насъ.
И дружно я съ работой скорой
Исполню, что назначилъ рокъ.
Я долженъ стать семьи опорой;—
Ты папа дубъ, а я дубокъ.

Вчера сестра меня просила
Черкнуть въ альбомъ десятокъ строкъ
И такъ усиленно молила,
Что отказаться я не могъ.

Сестрѣ Олѣ.

Жизнь твоя—пѣсня. Пусть пѣсней отрадной
Жизнь твоя вѣчно течетъ,
Пѣсней веселою, пѣснею складной,
Безъ грустныхъ и плачущихъ нотъ!

Пой свою пѣсню съ весельемъ безпечнымъ,
Вѣдь жизнь твоя вся впереди.
Съ пѣсней несись по волнамъ быстротечнымъ:
Надѣйся, и вѣруй и жди!

Разлука

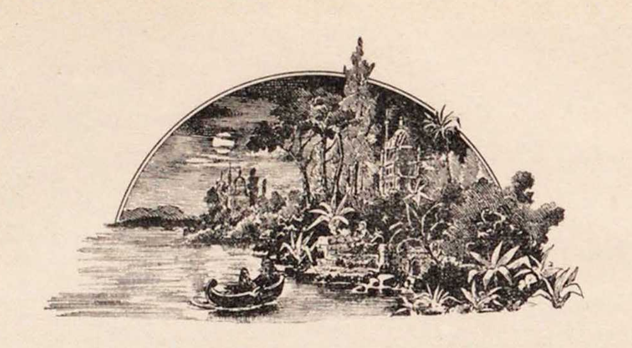
Прощай, мой другъ, пожми мнѣ руку.
Судьба сведетъ-ли снова насъ?
Или на вѣчную разлуку
Ударилъ нынѣ грозный часъ?!...

Прощай, не забывай поэта!
И помни нашей дружбы дни!!
Средь грозъ и бурь, въ волненьяхъ свѣта
Пройдутъ незыблемо они!

И дружбы нашей огнь погаснетъ,
Когда лишь кто-нибудь изъ насъ,
На склонѣ дней, вдали угаснетъ,
Какъ часъ веселія угасъ!!....

Ты мнѣ, какъ чистый духъ явилась
И звуки рая принесла;
Но скоро съ міромъ ты простилась
И пѣсни вмѣстѣ унесла.

Ты унеслася въ міръ далекій,
Я твой привѣтъ остался ждать,
И пѣснь души твоей высокой
По звукамъ сталъ припоминать.

Ночь на Босфорѣ

Посвящ. Сестрѣ Нинѣ.

Луна плыветъ на небѣ темномъ
Въ просвѣтахъ хмурыхъ, черныхъ тучъ;
На лонѣ водъ Босфора сонномъ
Скользитъ ея сребристый лучъ,
Съ волною бьется и трепещетъ....
Далеко слышенъ шумъ валовъ,
И съ вѣчнымъ рокотомъ все плещетъ
Волна у сонныхъ береговъ....
Босфоръ заснулъ, и спятъ твердыни
На стражѣ у турецкихъ вратъ,
И съ мусульманскою святыней
Спокойно дремлетъ Цареградъ.
Морская пристань въ тихой сѣни
Спокойно дремлетъ подъ луной,
И бѣло-мраморны ступени
Чуть заливаются волной....
Съ лучомъ волны рѣзвясь, играя,
Шумитъ у берега прибой,
И пѣна на волнѣ сѣдая
Волшебной блещетъ красотой.

. . . .

Плыветъ луна, и надъ Босфоромъ,
Съ мерцаньемъ слабымъ южныхъ звѣздъ,
Обходитъ сонный міръ дозоромъ,
И будитъ рой крылатыхъ грезъ...

Родина.

И садъ съ его „Бесѣдкой мысли“
И „Гротъ Варенья“ у пруда.
Вотъ и тропа, зовется „лисьей“
Въ „Прудочкѣ“ мутная вода.
Все такъ здѣсь мило и прекрасно,
Прелестно и любимо страстно...

Грецiя и Римъ.

Земля классическихъ, прекрасныхъ созиданiй!
Аѳины, вижу васъ въ туманѣ старины.
О древнiй градъ Эллиновъ обожанiй!
Герои здѣсь твои погребены.
На площадяхъ вездѣ народъ толпится,
Ораторъ Демосѳенъ благую рѣчь ведетъ.
Народу, баловню, ужъ счастье вѣчно мнится,
Когда ихъ Ѳемистоклъ на сѣчу поведетъ.
Эллины храбрые! Ужъ вашими мечами
Покорены морскiе острова . . . .
И солнце яркими лучами . . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Но кто-же побѣдилъ?—Все тотъ же Римъ чудесный,
Ему и слава и порокъ:
Порокъ, что разрушилъ мѣста земли прелестной
И слава, что судьбу, онъ Грецiи предрекъ.

Мартъ—Апрѣль.

Сыны Украины.

. . . .

. . . .

. . . .

Украина, царица славы,
Воспомни древнія права!
Твои сыны не платятъ дани,
Ихъ домъ—Днѣпровски острова.
То грабятъ берегъ Византіи,
То жгутъ Очаковъ или Крымъ,
То бьютъ черкесовъ въ Имертіи,
То шлютъ проклятье къ Папѣ въ Римъ...

Три столицы.

Славяне въ древности сѣдой
Себѣ столицу основали.
Кій, Щекъ, Хоривъ съ сестрою Лыбедой.
Столицу Кіевомъ назвали.
Сей древній градъ въ рукахъ могучихъ,
Удѣлы русскіе держалъ

. . . .

Но при Иванѣ первомъ—палъ.
И надъ Россіей засіяла,
Какъ солнце—русская Москва.
Возставши вновь, она упала
Къ ногамъ Великаго Петра.
Но передъ младшею столицей
Склонилась гордая Москва,
Какъ передъ гордою царицей,—
Какъ передъ геніемъ Петра.

Памятнику Богдана Хмельницкаго

1898 г. въ Кіевѣ.

Передъ Софіевскимъ соборомъ,
На каменной крутой горѣ,
Со взглядомъ царскимъ, мощнымъ взоромъ
Сидитъ Хмельницкій на конѣ.
Тебѣ, о гетманъ украинскій,
Хвалу и честь я воздаю!
Ты какъ великій Цезарь Римскій
Прославилъ родину свою!
О, запорожскій гладіаторъ,
О, мощный властелинъ судьбы,
Ты, какъ Великій Императоръ,
Украйну вздернулъ на дыбы.

. . . .

. . . .

И высоко передо мною,
Въ лазурно-синей вышинѣ,
Богданъ, съ поднятой булавою,
Скакалъ на бронзовомъ конѣ.

Я.

Для васъ небольше, какъ глупецъ я;
Вы правы, что и говорить,
И въ вашихъ всѣхъ глазахъ,—друзья,
Другимъ я немогу и быть.
Но есть во мнѣ два человѣка:
Одинъ наружный—для всѣхъ я,
Но не узнаете до вѣка
Вы настоящаго меня.

Къ А. В. С.

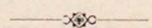
Когда ты вспомнишь на многовенье
О стѣнахъ корпуса сего,
Ты припомнишь, безъ сомнѣнья,
Любовь и друга твоего.
Я испытаю тоже скуку,
Разсудкомъ буду вспоминать
О дружбы дняхъ, и друга руку
Въ тоскѣ заочно пожимать.

Портрету Лорда Байрона.

О ты не признанный всѣмъ свѣтомъ,
Гонимый міромъ и людьми;
Явился ты въ сей міръ поэтомъ
Глашатаемъ своей земли.

Опять душа моя тоскуетъ,
Опять поникъ главою я,
Но кто же грусть мнѣ истолкуетъ
И кто пойметъ въ сей мигъ меня?

Разлука.

И наступилъ часъ разставанья.
Не скоро свидишься со мной,
Но дай въ послѣдній мигъ страданья
Проститься искренно съ тобой.
Настанутъ времена иныя,
И распростишься ты со мной;
Ты улетишь въ края чужіе
И будешь ты въ странѣ другой;
Ты увлечешься.... Ты забудешь
О другѣ прежнихъ, давнихъ дней,
Ты помнить обо мнѣ не будешь,
Ты изберешь другихъ друзей!

——————

Е. В—у.

Когда на мигъ, средь блеска шумной
Великосвѣтской суеты,
Забудешь рёвъ толпы безумной,
Ты вспоминай мои черты.

Когда друзей толпой продажной
Ты въ жизни будешь окруженъ,
Внимать ихъ лести безобразной
Съ отрадой будешь принужденъ;

Когда тебѣ въ пути случится
Цѣль мыслей чистыхъ потерять,
Въ дорогѣ скользской оступиться
И въ битвахъ силы потерять;

Когда отъ всѣхъ надеждъ, желанiй
Мечты останутся одни,
Когда настанетъ день страданiй,
Ты другу руку протяни.

Какъ въ день печальнаго завѣта
Ко мнѣ съ рыданьемъ упади,
И встрѣтишь теплый лучъ привѣта
На братской любящей груди.

Элегія.

Въ стекла дождь стучитъ и ноетъ
Сердце въ горестной тоскѣ;
Вѣтеръ плачетъ иль завоетъ,
Разрывая сердце мнѣ.
Небо темно. Тучи черны.
Нѣту звѣздъ, луна во мглѣ.
Умъ и сердце страха полны,
Мысли грустны на душѣ.
Дождь шумитъ и вѣтеръ стонетъ.
Какъ бѣглецъ страны родной.
Вѣтеръ небо хмарой кроетъ,
Заглушая бури вой.
Грустно вѣтра завыванье
Слушать дома у окна,
Слышать дерева стенанье,
Слышать, какъ скрипитъ сосна.
Въ сердцѣ такъ, какъ и въ могилѣ,
Не видать ли, что во тьмѣ;
Радость—грусть—тоска смѣнила
И не видно свѣта мнѣ!

31 Мая.

А. М. З.

Мы въ вихрѣ безумномъ съ тобою неслись
Въ разгарѣ веселаго бала.
Мнѣ въ душу мечтанья толпой ворвались,
Но пропасть межъ нами лежала.
. . . .
А звуки все дальше и дальше лились,
То жили, то вновь умирали,
То вдругъ подымались въ небесную высь
И тамъ въ вышинѣ исчезали;
То вдругъ налетали широкой волной,
И страсти съ собой приносили,
И все поглощали вослѣдъ за собой;
И въ море страстей уносили,
То тихо и нѣжно, какъ вѣтеръ ночной,
Неслись полны грусти и зноя . . . .
. . . .

1900 годъ.

Съ новымъ годомъ! Поздравляю
Всей душой мою семью,
И бокалъ я подымаю
Навстрѣчу радостному дню.
Въ кругу семьи родной встрѣчаю
Я новый 900 годъ,
И вамъ его душой желаю
Провесть безъ горя и заботъ

. . . .

Я предлагаю тостъ за счастье,
Намъ осушить бокалъ пора,
И да минутъ насъ всѣ ненастья,
Такъ съ новымъ годомъ-же—Ура!

Онъ любилъ ее пылко и нѣжно
Первой страстью любви молодой,
И на крыльяхъ любви безмятежной
Отдыхалъ наболѣвшей душой;
Но сказать ей о томъ, что такъ ныло,
Что такъ грудь раскаляло тоской,
Что такъ жизнь молодую сушило
И терзало такъ умъ молодой,
Не имѣлъ онъ ни воли, ни силы,
Ея онъ боялся очей.
Онъ боялся, какъ ни были милы
Звуки дивныхъ, волшебныхъ рѣчей.
Она же,—она не слыхала
Слабый звукъ его пѣсни простой;
Но, какъ онъ, и она испытала
Сердца юнаго, пламень живой.
Они были другъ другу чужіе,
Каждый жилъ изъ нихъ жизнью другой,
Души жъ были имъ даны родныя
И данъ умъ имъ былъ вмѣстѣ родной.
Творецъ ихъ не создалъ для міра,—
Они для небесъ рождены;
Небеснымъ Творцомъ суждены
Имъ въ мірѣ скорбей и печали;
Судьба ихъ пути не свела,—

Гдѣ жили они и страдали,
Отъ нихъ не осталось слѣда.
Они промелькнули, какъ тѣни,
Какъ звукъ угасавшій вдали,....

Первому Тріумвирату.

Когда промчатся дни стремленья
Дни заточенья юныхъ лѣтъ,
То вспомните-ль хоть на мгновенье
Вы дружбы сладостный завѣтъ?
Иль онъ къ забвенью путь направитъ,
Чуть виднымъ пламенемъ горя . . . .
Слѣда ужели не оставитъ
Въ васъ дружбы яркая заря? . . . .

Второму Тріумвирату.

Куда-бъ судьба насъ не умчала,
Окутавъ мракомъ бытія,
Мы будемъ три, какъ и сначала...
И будетъ дружба намъ,—заря!!...

5 Апрѣля 1900 г.

A. B. C.

Промчатся дни, какъ звукъ печальный!
Съ тобой прощусь я навсегда . . . . . .
Направишь въ мглѣ на берегъ дальній
Ты бѣгъ усталый, корабля.

Прости, прощай, утѣшься вскорѣ,
Топи заботы и труды
Въ житейскомъ, хладномъ, бурномъ морѣ,
Топи ихъ мрачные слѣды!

Ты жизнью новой веселися!
Забудь несчастія и зло
И съ вѣрой новою молися!
Все то, что было,—то прошло!!

А. Г—у.

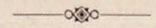
Что я могу тебѣ писать?
Съ тобой мы не друзья, не братья....
И такъ прошу не забывать
Руки товарища пожатья!

В. Н. П.

Въ лѣсахъ таинственной Эллады
Алтарь воздвигнулъ Гименей.
Любовь онъ пѣлъ, разбивъ преграды,
Его сжигая въ жертву ей.
Но нынѣ алтари разбиты;
Теперь потухъ огонь святой,
И жертвы тайныя забыты,
Но въ пеплѣ пламень есть сокрытый.
Алтарь все-жъ есть, но гдѣ, какой?

В. Б.

Протяни мнѣ руку,
Помирись со мной.
Неужели въ ссорѣ
Будемъ мы съ тобой?
Неужели вмѣстѣ
Намъ ужъ не бывать
И мнѣ одиноко
Время коротать?
Позабудь, что было,
На меня взгляни,
И, ужъ мирно, руку
Ты мнѣ протяни.

Какъ часто критики берутся
Судить о томъ, что не подъ силу имъ,
Потомъ-же всѣ вокругъ смѣются
Надъ ихъ сужденіемъ плохимъ.

Начало сказки.

То не черна злая хмара
Заслонила солнца ликъ,
Не отъ коршуна удара
Лебедь бѣлый вдругъ поникъ.
То не мѣсяцъ серебристый
Съ свѣтлыхъ вдругъ исчезъ небесъ,
То не солнца золотистый
За горою лучъ исчезъ.
То не красная дѣвица
Плачетъ въ теремѣ своемъ,
Словно сиза голубица,
Бьется въ клѣткѣ день за днемъ.
Не заря потухла въ морѣ,
И не громъ то прогремѣлъ,
То не вѣтеръ мчался въ полѣ
И въ лѣсу вдругъ прошумѣлъ.
Это царь въ своей палатѣ
Брови сдвинулъ—осерчалъ...

Таковъ ужъ мнѣ судьбою строгой
Крестъ предназначено нести
И трудной жизненной дорогой
Мнѣ Небомъ велѣно итти.

Кавказа горныя вершины,
Свободный край! О сколько разъ
Меня спасалъ отъ злой кручины
Сѣдой и царственный Кавказъ!

Христосъ Воскресъ! Христосъ Воскресъ!
Гремитъ привѣтъ; природой всею
Родится онъ въ сѣни небесъ
И звономъ таетъ надъ землею.
И человѣкъ съ нимъ воскрешаетъ
Стремленья полныя чудесъ,
И вмѣстѣ съ небомъ восклицаетъ
Христосъ Воскресъ! Христосъ Воскресъ!

Дружба.

Что дружба есть? Минутное блаженство,
Минутное спокойствіе души.
И есть ли въ мірѣ совершенство,
И всѣ ли дружбы хороши?
Нѣтъ, не крѣпка земная дружба
И лучшій другъ продастъ тебя,
Забудетъ; выйдетъ только служба
И станетъ проклинать себя
За то, что другу былъ онъ вѣренъ,
За то, что другу все открылъ,
За то, что съ нимъ не лицемѣрилъ
И что когда то онъ любилъ!

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

Мои воспоминанія.

Однажды разсказывая своимъ дѣтямъ о парадныхъ похоронахъ бывшаго Генер.-Губ. князя Васильчикова, на которыхъ участвовалъ и я въ составѣ роты Кіевскихъ кадетъ, и восторгаясь девизомъ князей Васильчиковыхъ на ихъ гербахъ, украшавшихъ траурную колесницу *„Жизнь Царю, честь никому“*, я былъ спрошенъ дѣтьми о нашемъ гербѣ и нашей родословной. Въ тонѣ вопроса мнѣ показалось, что мои дѣти уже набрались дворянской гордости и спѣси. Отвѣтилъ я имъ цитатой изъ Крылова тоже, что въ свою очередь слыхалъ отъ своего отца, отставного поручика, Прокофія Степановича Котлярова, заслужившаго потомственное дворянство своей кровью:

„Оставьте предковъ вы въ покоѣ“,
„А вы, друзья, годны лишь на жаркое“.

Прежде всего надо быть человѣкомъ, тѣмъ болѣе дворянину, носить дворянство надо умѣючи, но отнюдь не носиться съ дворянствомъ, продолжалъ я, разсказавъ дѣтямъ о своемъ отцѣ и тогда-же рѣшилъ въ свободное время составить для нихъ записку о нашей не сложной родословной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о Четвериковыхъ, такъ какъ моя жизнь сложилась и протекала въ связи съ этой замѣчательной семьей. Къ тому-же подтолкнуло меня и слѣдующее обстоятельство. Въ Январьской книжкѣ „Кіевской старины“ за 1900 годъ была напечатана *„Любка или*

сватаньи въ Рыхмахъ“ съ оговоркой редакціи о неизвѣстности ея автора.

Вѣдь „Любка“ дѣтище моего отца. Я почти на память ее зналъ еще ребенкомъ, а брату моему, Федору Прокофьевичу, она стоила многихъ слезъ при ее перепискѣ подъ диктовку строгаго автора. Братъ, главнымъ образомъ, и воскресилъ ее, написавъ по памяти, ибо какъ подлинникъ такъ и дѣтскую копію писанную братомъ зачитали знакомые. Повторяю ни у брата, ни у меня ничего не сохранилось изъ рукописей отца, все растерялось въ нашихъ скитаніяхъ по бѣлу свѣту въ ранней нашей молодости, лишь память удержала все то, что я буду писать. Все что осталось отъ покойнаго отца, это формуляръ о его службѣ.

Прочтя „Любку“ въ Кіевской Старинѣ я поѣхалъ къ редактору съ заявленіемъ что ея авторъ—мой отецъ и Г-нъ Науменко просилъ меня сообщить ему подробности, какія мнѣ извѣстно, равно и другія стихотворенія отца, какія я помню, для напечатанія въ „Кіевской Старинѣ“.

Это послѣднее обстоятельство дало мнѣ и окончательный толчекъ взяться за перо. Я началъ писать свои записки, но внезапная гроза надъ моей семьей, потеря дорогого сына выбила меня изъ колеи. Оправясь и согрѣтый воспоминаніемъ о дорогомъ прошломъ я снова взялся за перо, теперь тѣмъ болѣе, что и явилась мысль принести маленькую лепту „нашему обществу“, выпускомъ въ его пользу отдѣльнаго изданія.

Покойный нашъ отецъ былъ безъ всякаго научнаго образованія, выучивъ въ школѣ у дьяка только „Граматку и Псалтырь“, но въ безконечныхъ походахъ научился многому, благодаря своимъ отличнымъ способностямъ, замѣчательной памяти и наблюдательности. Онъ зналъ всѣ славянскія нарѣчія, говорилъ по молдовански, по турецки, отлично зналъ Коранъ и даже еврейскій талмудъ. Исторія и мифологія были его конькомъ.

Между прочимъ замѣчу, что его судьба какъ нельзя болѣе убѣждаетъ меня въ высшемъ предназначенiи земной участи человѣка на землѣ; а ему-ли не грозила смерть на каждомъ шагу въ безконечныхъ походахъ и дѣлахъ съ непрiятелемъ.

Въ пятнадцать лѣтъ отъ роду, круглый сирота, буквально нищiй, въ отечественную войну 1812 года онъ поступилъ волонтеромъ или какъ тогда назывались „товарищемъ" въ Волынскiй уланскiй полкъ. Слухи о грозѣ надвигавшiеся на Россiю въ лицѣ Наполеона I-го, и общiй подъемъ народнаго духа коснулись чуткаго мальчика въ м. Воронежѣ Черниговской губернiи, и онъ рѣшилъ стать въ ряды защитниковъ отечества. Заявивъ о своемъ намѣренiи дядѣ или родственнику, у котораго жилъ скорѣе въ качествѣ дарового работника чѣмъ племянника, бѣдный мой отецъ былъ осыпанъ бранью и упреками; но, молчаливо снося оскорбленiя, стоялъ на своемъ. Тогда дядя измѣнилъ тактику и началъ уговаривать, рисуя другую картину, предлагая женить племянника и сдѣлать его самостоятельнымъ хозяиномъ. Когда-же и на эту заманчивую удочку юный партизанъ не поддался, дядя безъ церемонiи прогналъ его вонъ со двора.

И вотъ несчастный сирота, оскорбленный въ лучшихъ своихъ чувствахъ, выброшенный на улицу, яко нагъ, яко благъ, пошелъ куда глаза глядятъ. Первымъ побужденiемъ его было пойти на базаръ, попросить у „перепечаекъ" (торговки печенымъ хлѣбомъ) кусокъ хлѣба на дорогу. Дѣло было утромъ. Идя по направленiю къ базару, онъ встрѣтилъ свою тетку или по малороссiйски „дядыну" (жену другого дяди) по фамилiи—Гладкую, возвращавшуюся съ базара. Съ вопросомъ: „куды йдешь Прокоша"? Гладкая поздоровалась съ племянникомъ, но видя его слезы, спросила съ тревогой о ихъ причинѣ. Бѣдный мальчикъ объяснилъ свое отчаянное положенiе и надежды на службу. Тетка тутъ же на улицѣ благословила его, и со словами:

„нехай тоби Богъ помогае“ отдала все что было у нее въ карманѣ—восемнадцать мѣдныхъ пятаковъ и трогательно съ нимъ простилась. Не трудно себѣ представить съ какой горечью въ сердцѣ бѣдный мой отецъ покидалъ родину; все его имущество заключалось въ девяноста копѣйкахъ ассигнаціями и единственнымъ, въ воспоминаніи суроваго дѣтства, свѣтлымъ лучемъ, какъ-бы витавшимъ надъ нимъ и охранявшимъ его во всю послѣдующую жизнь было благословеніе доброй тетки-Гладкой, пережившей его. Къ ней онъ питалъ всегда особое уваженіе, какъ къ родной матери и одну ее признавалъ за родню. Я ее тоже помню. Это была, что называется, бой-баба. Конечно, зналъ я ее уже пожилой старухой, но все еще охотящейся съ гончими и недурно стрѣлявшей. Отецъ мой, какъ ярый охотникъ, никогда не разстававшійся съ ружьемъ, собираясь къ ней, бралъ всегда запасъ пороху и дроби, зная на передъ, что любезная тетушка не пропуститъ удобнаго случая, покормивши и уложивши спать племянника, обревизовать его патронташъ, вытрясетъ бывало всѣ его патроны и аккуратно заткнетъ ихъ той-же паклей, которой были заткнуты заряды въ патронахъ. Случайность или судьба, но знаменательно, что старушка, ничего не подозрѣвая, пріѣхала къ намъ во время похоронъ отца. Поражена и огорчена была до крайности. Это было 21 Декабря 1856 года. Помню, какъ сейчасъ ея тихія слезы и прощальныя слова: „Прощай, Прокоша! колысь провожала тебе на службу, не сподивалась, що буду провожать и въ домовину“! и дѣйствительно, кромѣ нее на похоронахъ отца никого не было изъ родни. Отца схоронили въ с. Грузкой Кролевецкаго уѣзда Черниговской губ. около бывшей нашей усадьбы, въ лѣсу. Тамъ-же, около него, похоронена и наша добрая мать, спустя два года; но насъ съ братомъ уже не было въ родномъ гнѣздѣ. Братъ былъ въ Черниговѣ на гражданской службѣ, а я въ Кіевскомъ кадетскомъ корпусѣ. Но возвращусь къ формуляру отца, въ

коемъ значится что онъ „въ службу вступилъ, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, товарищемъ, въ 1812 году Іюня 25 въ Волынскій уланскій полкъ. Произведенъ въ унтеръ-офицеры 1817 г. Іюня 1-го; произведенъ въ вахмистра 1818 г. Февраля 17".

„По выслуженіи капитуляціи, на основаніи указа, объявленнаго Государственной коллегіи военнымъ министерствомъ 1811 г. Февраля 10 дня, былъ уволенъ отъ службы 1818 г. Мая 31".

„По прошенію опредѣленъ на службу въ Митавскій драгунскій полкъ тѣмъ-же чиномъ въ 1819 г. Генваря 10".

„Въ 1827 году 22 Апрѣля за выслугу лѣтъ произведенъ въ прапорщики съ переводомъ въ 16 Егерскій полкъ, въ 1833 г. Февраля 13 произведенъ въ подпоручики, въ 1834 г. Декабря 3 въ поручики, въ 1835 г. Апрѣля 7 уволенъ въ отставку съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья за ранами".

Въ графѣ о прохожденіи службы говорится: „Во время службы въ походахъ и дѣлахъ противъ непріятеля находился: 1812 г. въ Малдавіи, Бесарабіи и Валахіи, а по заключеніи съ Отоманскою портою мира, обратно въ Россійскіе предѣлы; того-же года Ноября 12 во время преслѣдованія непріятельскихъ французскихъ войскъ отъ р. Березины до Нѣмана, 14 и 16 въ лѣсу во время переправы французской большой арміи; съ Декабря занемогъ въ Варшавскомъ Герцогствѣ, а оттоль въ Россійскіе предѣлы; 1814 г. Генваря 20 въ Пруссіи Саксоніи и Вестфаліи до р. Рейна, а оттоль обратно въ Россійскіе предѣлы; 1815 г. Апрѣля съ 13 въ Галицію, Силезію, Моравію, Богемію, Баварію, Баденское владѣніе и во Францію, а оттоль обратно въ Россійскіе предѣлы".

1828 г. Мая 31 переправясь черезъ Дунай въ Болгарію, Іюня 6 при преслѣдованіи непріятеля подъ Янибазаромъ, 8-го въ сраженіи при занятіи высотъ подъ Шумлою, 16-го въ дѣйствительномъ сраженіи подъ Шумлою про-

тивъ многочисленной турецкой кавалеріи и при овладѣніи высотами на лѣвомъ непріятельскомъ флангѣ ею занимаемыми, 17-го при построеніи на овладѣвшихъ высотахъ редутовъ подъ сильнымъ перекрестнымъ пушечнымъ огнемъ, продолжавшимся отъ 6 часовъ утра до 4 час. пополудни. Августа 14 во время внезапнаго нападенія многочисленной непріятельской кавалеріи и пѣхоты на редутъ № 5 въ дѣйствительномъ сраженіи подъ сильнымъ пушечнымъ огнемъ, въ семъ дѣлѣ, того-жъ числа раненъ два раза въ грудь штыками и въ правую ногу близь большого пальца ружейною пулею и тогда-же захваченъ турками въ плѣнъ, въ томъ плѣну находился съ 14 августа 1828 г., а по заключеніи мира, изъ онаго 1829 г. Сентября 22 дня возвратился къ полку, находящемуся въ крѣпости Силистріи. Сверхъ настоящей обязанности особыхъ порученій по Высочайшимъ Повелѣніямъ и отъ своего начальства не имѣлъ. Въ продолженіи службы своей получилъ награды нижеслѣдующіе: 1-ую—1828 г. за отличіе въ сраженіи противу турокъ награжденъ орденомъ Св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость" и 2-ую за турецкую войну 1828—1829 годахъ бывшую, установленную серебряную медаль. Удостоился получить въ числѣ прочихъ Высочайшія благоволенія: 1-е) 1828 г. Мая 20 дня за совершенную исправность, найденную при осмотрѣ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ 3-го пѣхотнаго корпуса въ лагерѣ подъ Бѣлградомъ. 2-е) того-же года Іюня 18 за произведенный при озерѣ Карасу маневръ въ присутствіи Вашего Императорскаго Величества войсками 3-го пѣхотнаго корпуса. 3-е) 25 числа за особенный порядокъ и устройство во время слѣдованія 8-й пѣхотной дивизіи къ селенію Шусобей и 4-е) того-же года Іюля 8 дня за отличіе въ сраженіи при занятіи высотъ подъ крѣпостью Шумлою".

Какъ видно изъ этого перечня походовъ, суровая лямка досталась отцу, но особенно тяжелъ для него былъ плѣнъ въ Турціи. Кромѣ ранъ поименованныхъ въ форму-

ляр̀ѣ, онъ былъ жестоко избитъ прикладами въ голову при взятіи въ плѣнъ, о чемъ говорится въ медицинскихъ свидѣтельствахъ. Затѣмъ, по его словамъ, одинъ турокъ, схватя за волосы, нагнулъ его голову, а другой готовился отрубить ее саблей. Предвидя свой конецъ, отецъ перекрестился; но въ это время какой-то начальникъ закричалъ на турокъ и тѣ остановили свою казнь.

Сначала въ оковахъ, а за тѣмъ для безопасности отъ побѣга, бѣдный мой отецъ заброшенъ былъ на какой-то островокъ Мраморнаго моря, гдѣ вмѣстѣ съ другимъ офицеромъ товарищемъ по плѣну, перенесъ слишкомъ много лишеній, горя и ужъ ни какъ не чаялъ остаться въ живыхъ. Бѣдствовали они ужасно, не говоря о ненависти магометанъ, при встрѣчахъ съ которыми ихъ плевки съ возгласомъ „невѣрный“ они привыкли принимать какъ привѣтствіе; имѣли какое-то лохмотье вмѣсто одѣяла, ложились спать всегда вмѣстѣ, согрѣваясь болѣе другъ другомъ, чѣмъ тѣмъ одѣяломъ, а къ довершенію всѣхъ бѣдъ, товарищъ заболѣлъ чумой.

Видя свое отчаянное положеніе и сознавая опасность заразы, больной сказалъ: „что-же Котляровъ, ты спать теперь со мной не будешь, вѣдь я чумной“?! Отецъ отвѣтилъ, что напротивъ ляжетъ вмѣстѣ и дѣйствительно легъ и заснулъ крѣпко, уповая на Бога. Проснувшись къ ужасу своему увидѣлъ товарища уже мертвымъ, а у себя подъ мышкой чумной нарывъ!..

Но,—никто—какъ Богъ! говоритъ русская пословица,—выздоровѣлъ! Не знаю когда, вѣроятнѣе всего послѣ чумы, отецъ былъ такъ слабъ и безпомощенъ, что у него вся спина была изъѣдена червями, представляясь какъ-бы мраморною отъ сплошныхъ рубцевъ и шрамовъ, что онъ намъ съ братомъ и показывалъ, какъ-бы въ назиданіе потомству.

Благодаря продолжительному плѣну, отецъ отлично зналъ турецкій языкъ, въ чемъ я лично убѣдился, когда къ намъ въ Кролевецъ пригнали партію плѣнныхъ турокъ

во время Крымской войны. На этотъ случай и мы съ отцомъ были въ городѣ. Какъ вдругъ шумъ около острога, помѣщавшагося въ то время въ частномъ домѣ на базарной площади, привлекъ наше вниманіе. Увидя фески, отецъ со словами: „да, это турки“, обрадовался точно братьямъ и мы сейчасъ-же подъѣхали къ толпѣ. Громкое привѣтствіе произнесенное отцомъ по турецки обрадовало чуткія уши мусульманъ къ родному звуку; прорвавъ толпу ихъ окружавшую, они бросились къ нему. Какъ сейчасъ вижу ихъ смуглыя оживленныя лица и слышу бѣглую рѣчь отца по турецки. Замѣчательная при этомъ выказалась память отца. Послѣ 25 лѣтней паузы, въ теченіе которой онъ не произносилъ ни одного турецкаго слова и вдругъ такая бѣглая рѣчь! Бесѣда длилась, казалось мнѣ, безъ конца.

Плѣнныхъ было около ста человѣкъ.

Любопытныхъ была огромная толпа и въ числѣ ихъ жидки первые. Тутъ-же какой-то шутникъ, знавшій отца, на распросы жидка: „що воно таке, що такъ говорить по турецькому“? отвѣчалъ: „видишь-ли, онъ былъ сначала изъ вашихъ, потомъ принялъ турецкую вѣру и поступилъ на турецкую службу, затѣмъ перешелъ на службу къ намъ и принялъ нашу вѣру, заслужилъ чины, награды и пенсію“. Жидокъ, выслушавъ повѣствованіе, глубокомысленно рѣшилъ: „слухайте, хочъ винъ и заслуженный чоловикъ, але винъ... выбачайте,.. гиршъ собаки! Бо собака, за тымъ собака, що собакою родилась. А якъ винъ спершу бувъ изъ нашихъ, а потимъ изъ турецькихъ, а потимъ изъ вашихъ... то винъ, тьфу, гиршъ собаки“! сплюнувъ съ отвращеніемъ закончилъ еврей. Помню, что это рѣшеніе очень понравилось отцу и приговоръ этотъ отецъ находилъ совершенно правильнымъ.

Послѣ всѣхъ бѣдъ, выйдя въ отставку въ 1835 году, отецъ вернулся на родину, въ м. Воронежъ, гордый сознаніемъ своихъ заслугъ и не пѣшкомъ уже, какъ когда-то

ушелъ оттуда, а на лихой почтовой тройкѣ о чемъ говоритъ самъ:

Такъ за тридцать верстъ отъ дому взялъ я тройку почтовыхъ,
Разудалыхъ, курьерскихъ, одной масти,—вороныхъ.
Ямщикъ былъ парень хватскій лѣтъ за двадцать—молодой,
Перекрестясь сѣлъ на козлы и встряхнувши головой,
Быстро возжи разбирая, сказалъ конямъ: „шевелись"!
Коренная бойкой рысью, вкругъ пристяжки завились;
Ой, разсыпьтеся злодѣи! закричалъ... и понеслись!..

Взмыленная тройка, бѣшено пронесясь по тихимъ улицамъ богоспасаемаго Воронежа, надѣлала шуму на все мѣстечко.

Это вернулся на родину, послѣ безконечныхъ походовъ, сраженій, тяжкаго плѣна и чумы, чуть не съ того свѣта, когда-то выброшенный на улицу, несчастный сирота, буквально нищій, Прокоша Котляровъ. Теперь поручикъ, кавалеръ и пенсіонеръ Прокофій Степановичъ Котляровъ, много видѣвшій и испытавшій, многому научившійся, остроумный, занимательный и неистощимый разсказчикъ, наконецъ, поэтъ. Такъ о немъ передавалъ мнѣ очень недавно покойный Ген.-Лейт. Викторъ Алексѣевичъ Иващенко, пріѣзжавшій въ тѣ времена изъ образцовой батареи на родину въ м. Воронежъ. Будучи родней моей матери, онъ познакомился съ отцомъ моимъ и говорилъ, что „никакъ не ожидалъ встрѣтить въ такомъ захолустьи такого энциклопедиста, какимъ былъ вашъ отецъ".

Въ м. Воронежѣ отставной поручикъ зажилъ почти припѣваючи, имѣя однако всего только шестьсотъ рублей ассигнаціями пенсіи въ годъ. Но при тогдашней дешевизнѣ

и принимая во вниманіе болѣе чѣмъ скромныя привычки суровой жизни солдата, этой суммы было для него вполнѣ достаточно.

Въ тѣ блаженныя времена жилось патріархально, въ образованіи и болѣе зажиточные люди далѣе школы у дьяка т. е. изученія грамматки, псалтыря и часослова не шли. Интересно было опредѣленіе успѣховъ просвѣщенія того времени: такъ батько хвалился успѣхами своего сына, говоря: „мій сынъ добре учився,—якъ отдавъ дванадцяты годъ у школу, то такъ, якъ разъ, черезъ симъ годъ и на тяблыцю пійшовъ"! т. е. началъ учиться писать. Первое начало просвѣщенія т. е. окончаніе многотрудной грамматки праздновалось въ семьѣ съ нѣкоторой торжественностью. Устраивался семейный обѣдъ, за которымъ на почетномъ мѣстѣ возсѣдалъ дьякъ со своимъ питомцемъ. Въ концѣ обѣда торжественно подавался горшокъ сладкой, съ изюмомъ, пшенной каши, утыканной сверху мѣдными пятаками, предназначенными, конечно, просвѣтителю юношества. Сладкая каша при этомъ олицетворяла сладость плода науки, въ противуположность горечи достиженія оной чрезъ посредство каши березовой, сирѣчъ, розокъ, какъ неизбѣжнаго атрибута всякой науки, отсюда и старинная поговорка, что „за битаго (ученаго) двухъ не битыхъ (не ученыхъ) даютъ".

Что за наукой не очень гонялись, лучшимъ доказательствомъ служитъ графа въ офицерскомъ формулярѣ того времени, въ коей значится: „Россійской граммотѣ читать и писать и другія какія науки знаетъ-ли"? Довольствовались отмѣткой, не упоминая ни о какихъ другихъ наукахъ; „Россійской грамотѣ читать и писать умѣетъ". Указывая на это обстоятельство, покойный отецъ мой добавлялъ: „а какъ читать и какъ писать, про то одинъ Господь вѣдаетъ". Ибо часто, подъ разными предлогами, товарищи просили отца росписываться за нихъ въ полученіи жалованья. Особенное затрудненіе испытывали произведенные въ слѣдующій чинъ, ихъ привычная рука, довольно сво-

бодно выводившая напримѣръ „прапорщика“, встрѣчала огромное препятствіе въ „подпоручикѣ“ и продолжая упражняться въ „прапорщикѣ“, оправдывалась, яко-бы привычкой.

Устроившись въ м. Воронежѣ на квартирѣ, по своему комфортабельно, отецъ зажилъ холостякомъ, посвящая весь свой огромный досугъ любимой охотѣ съ гончими въ окружающихъ Воронежъ лѣсахъ, то ловлѣ соловьевъ, которыхъ онъ очень любилъ, какъ и другихъ пѣвчихъ птицъ. Въ карты не игралъ и не танцовалъ. Однако, полагать надо, что пернатые друзья и охота не могли наполнить одиночество и, не смотря на не очень лестное мнѣніе поэта о прекрасной половинѣ нашего рода, выраженное въ слѣдующихъ двухъ басняхъ, онъ началъ искать себѣ невѣсту.

Котъ и Сороки.

Навѣрное не знаю право гдѣ,
Въ городѣ, хуторѣ или селѣ,
Богатъ довольно баринъ жилъ
И до птицъ охотникъ былъ.
Можно сказать, что у него
Больше ста клѣтокъ было.
Синички, соколы, чижи,
Скворчики, дроздики, стрижи
И что въ природѣ только есть.
Но предъ всѣми баринъ честь
Лишь попугаю отдавалъ,
Въ клѣткѣ серебряной держалъ,
Изъ собственныхъ рукъ кормилъ
И больше жены любилъ.
Ибо у него жена
Непомѣрно была зла:
Съ утра до ночи, чѣмъ свѣтъ,
Угомону вѣкъ ей нѣтъ.

А въ странѣ того народа
Завелась такая мода,
Чтобы всякая жена,
Какъ-бы глупа не была,
Да умѣла-бы кричать,
Драться, ссориться, ворчать,
Слугъ безъ толку колотить,
За карты мужа бранить;
То всякъ ее почиталъ,
Хозяйкой дома называлъ.
Вотъ времени одного,
Какъ-то изъ дому того,
Вышелъ въ садъ котъ погулять,
Иль по истинѣ сказать,
Что наскучило ему
Слушать вздорную жену.
На верхъ дерева взобрался,
Къ вѣткѣ толстой онъ прижался,
Чтобы видѣть всю страну.
Здѣсь, подумалъ, отдохну
Отъ содома съ госпожей.
А межъ тѣмъ сорокъ станицы,
Какъ подъ часъ на балъ дѣвицы,
Шумной, пышною толпой,
Гордяся длиннымъ хвостомъ,
Являются предъ котомъ.
Скажи, Васинька, котокъ,
Кошки сѣренькой сынокъ,
Справедливы-ль слухи тѣ:
У насъ въ воздушной высотѣ,
Несутся тоже по лѣсамъ,
И царь пернатыхъ орелъ самъ
Удивляется тому,
Какъ докладуютъ ему
Что у барина твоего

Живетъ какая-то птица
Не дроздъ, сова и не синица
Ты вѣдь самъ видѣлъ его,
Онъ какой-то попугай,
Что дурачитъ цѣлый край.
Чѣмъ онъ нравится людямъ,
Разскажи, пожалуй, намъ?
Да, сударыни мои,
Уймите крики свои,
Котъ сорокамъ отвѣчалъ
И разсказывать началъ:

Не помню описанія ума и всѣхъ достоинствъ попугая передаваемыхъ котомъ, но заканчивается его разсказъ такъ:

Исторію всѣхъ вѣковъ
Разсказать всегда готовъ.
Кротокъ, часто молчаливъ
И перомъ очень красивъ.
Рѣчь сороки перебили
И еще кота спросили:
А скажи на этотъ разъ,
Ну а прыгать онъ горазд?
Котъ, нахмурясь, замолчалъ
И про себя бормоталъ:
По прыганью умъ цѣнить?!..
Имъ такъ свойственно судить.
Простите, друзья, меня,
Не прибавлю слова я.

Козы.

Съ прогулки, средь луговъ,
По жерди черезъ ровъ,
Шла цѣпкая коза.
На встрѣчу ей другая.
Ахъ, дерзкая какая,

Ну, гдѣ твои глаза!
Зачѣмъ ты тамъ не обождала?
Такъ первая второй сказала.
Не видишь развѣ ты,
Что предъ тобою дама?
Оставь мирскіе суеты
И я не менѣе упряма,
Принявши строгій видъ,
Вторая говоритъ.
Но первая вновь наступаетъ
И гордо продолжаетъ:
Не вылѣзли твои глаза?
Я вѣдь исправника коза.
Пойми-же, что хозяинъ мой,
Кажись не съ малыми чинами:
Маіоръ, заслуженный герой
И весь увѣшанъ орденами!
Да вѣдь и мой восьмого класса,
Умнѣй такого драмобаса,
Да и честнѣй чѣмъ твой—
Прославленный герой.
Мой: операторъ, акушеръ,
Онъ—не простой вѣдь лекарь,
Всѣмъ лекарямъ, даже въ примѣръ,
Его ставитъ—аптекарь.
А твой исправникъ: то ѓоловою очень слабъ,
То по дѣламъ свѣдущъ меньше бабъ,
Лишь мастеръ драться—съ мужиками.
Такъ я-жъ тебя сейчасъ рогами!
Держись, бодаемся мы сами!
Сошлись, столкнулись козы лбами
И полетѣли вверхъ ногами.
А, какъ преданіе гласитъ,
Во рву, на днѣ, лежалъ гранитъ,
Бухъ, козы объ него и—поминай, какъ звали!

Сороки и вороны тамъ долго пировали.
Что до меня, то я, ей Богу,
Дамъ всякому скоту дорогу.
Признаться, братцы, я вѣдь трусъ,—
Скотовъ и козъ, особенно боюсь.

П. К.

Кстати, лучше сказать къ мѣсту, приведу еще три басни покойнаго отца, заученныя мною подъ его диктовку, мнѣ, еще неграмотному ребенку, которыя заставлялъ онъ меня часто декламировать, а потому и лучше другихъ сохранившіяся въ моей памяти.

Лисица и волкъ.

Въ лѣсу мужикъ нагнулъ дубину
И сдѣлавъ изъ нее пружину,
Съ петлею навязалъ шнурокъ
И положилъ мяса кусокъ.
И тою-жъ самою тропой
Возвратился онъ домой.
Лишь пошелъ запахъ по лѣсу,
Привлекъ онъ чуткую лису.
А, какъ вѣдомо натурѣ,
Что лисицы всѣ не дуры.
Подбѣжавъ лиса стоитъ,
То понюхаетъ, то поглядитъ,
Вильнетъ хвостомъ, снова назадъ,
Кусокъ приманиваетъ взглядъ.
Кругомъ-же видная бѣда,
Что съ нею станется тогда?!
И мяса-бы хотѣлось ей.
Да вѣдь и жаль шкуры своей.

Не приберетъ лисица толкъ;
Но видитъ, что подходитъ волкъ.
Лисицѣ вмигъ пришло на умъ:
А, говоритъ, почтенный кумъ!
Давно я видѣлась съ тобою,
Да, помнится, ни какъ весною,
Волкъ лисицѣ отвѣчалъ
И распрашивать началъ:
Ну, каково, кума, живешь,
Гдѣ бывала, куда идешь,
Что такъ задумчива стоишь
И, какъ больная, говоришь?
Не знаешь, кумъ, бѣду мою,—
Я потеряла всю семью!
Согрѣшила, несчастна я,
Богини утра—соловья,
Пѣвца любимаго поймала
И тѣмъ подъ гнѣвъ ея попала.
Лишилась я любезныхъ чадъ
И неминуемъ вижу адъ.
Но чтобъ богиню ублажить,
Себѣ я правиломъ постить
Чту пятницу и середу.
На грѣхъ, иль на мою бѣду,
Иль ненавистникъ души—врагъ,
Прельщая мясомъ, въ сей оврагъ
Кусокъ нарочно бросилъ онъ,
Чтобы нарушить мнѣ законъ.
Но прежде съ голода умру,
Чѣмъ обѣтъ мой преступлю!
—Нашла, кума, и какъ давно,
Скажи-ка мнѣ, да гдѣ-жъ оно?
Да вотъ, въ оврагѣ, тамъ лежитъ,
Лисица волку говоритъ.
Волкъ мясо только увидалъ,

Какъ философствовать началъ:
Пустое, глупость, что за боги,
Ну, кто, изъ смертныхъ, ихъ видалъ
И кто надъ нами власть имъ далъ?
Спроси меня, я все знаю
И словомъ волчьимъ увѣряю,
Что натурой созданъ свѣтъ
И ни боговъ, ни ада нѣтъ!
Сказавши, къ мясу подступилъ
И только зубомъ зацѣпилъ,
Какъ вмигъ, петлей, его рвануло,
Пружиной къ верху потянуло.
Тогда висящій въ петлѣ волкъ,
Весь потерявши вольный толкъ,
То свернется, то растянется,
То кричитъ: о, кума, пятница,
Берегись, кума, грѣха,
О, смерть грѣшниковъ лиха!
А постница—его кума
Какъ будто-бы и не она,
Мясо, сидя, доѣдаетъ
И съ улыбкой отвѣчаетъ:
Теперь ты, кумъ, пости
И кумѣ шутки прости!

П. К.

Блоха.

Изъ гривы льва блоха упала,
Когда онъ ею началъ тресть,
Въ пустынѣ маялась, тощала,
Ея всѣхъ бѣдъ не перечесть.
А крови негдѣ взять на полѣ,

Хоть этотъ постъ и по неволѣ,
Его должна была терпѣть.
Не перебьетъ обуха плеть.
И такъ, блоха вдоль по дорогѣ,
Едва подъемля хилы ноги,
Уже не прыгаетъ—ползетъ.
Голодныхъ муки кто пойметъ?
Къ тому-жъ настала ночь ненастна,
А смерть голодная ужасна
И хуже тысячи смертей!
Блоху мою голодъ терзаетъ
И что начать блоха не знаетъ,
Къ кому прибѣгнуть въ бѣдѣ сей?
Конецъ ужъ видя предъ глазами,
Начинаетъ она роптать
И непристойными словами
Боговъ въ ихъ славѣ упрекать:
Къ чему вы, боги, львовъ создали,
Ихъ пасть зубами унизали
И силу лапъ въ когтяхъ имъ дали,
Чтобы беззащитныхъ лишь терзали,
Чтобъ кровь ручьями проливали,
Не въ томъ-ли мудрость показали?
Однихъ вы слишкомъ наградили,
И силой, и величиной,
А насъ на свѣтъ затѣмъ пустили,
Чтобъ мы скитались—сиротой!
Тѣ изъ лѣса въ лѣсъ перебѣгаютъ,
А тѣ животныхъ раздираютъ,
А намъ голоднымъ умирать,
Терпѣть и безъ конца страдать?
Если-жъ вамъ сладокъ вопль несчастныхъ
Или-же ревъ звѣрей ужасныхъ
Васъ только можетъ веселить,
То опрокинуть престолъ вашъ съ трономъ,

Чтобъ не были суровы такъ закономъ
И не стоитъ богами чтить!
Тутъ бабочка блохѣ въ отвѣтъ:
Полно, говоритъ, мой свѣтъ,
Порочить небо и роптать,
Боговъ въ ихъ славѣ упрекать:
Давно-ли я тебя видала,
Когда у льва ты кровь сосала,
Бывъ крошкою. Клянусь, ей-ей,
Что съ кровожадностью твоей,
Да ростомъ будь, какъ слонъ—верзила,
Ты сотни львовъ-бы проглотила.
А я скажу, помилуй Богъ,
Межъ нами много такихъ блохъ;
Но насъ на двое не дерутъ,
Лишь потому, что не могутъ.

П. К.

Старуха Пахомовна

Не дай Богъ, съ дуракомъ связаться,
Такъ намъ сказалъ, Иванъ Андреевичъ Крыловъ.
Но съ дурою—могу признаться,
Что дуры во сто разъ опаснѣй дураковъ.
Боюсь дуръ молодыхъ,
Пригожихъ—не люблю,
Но старыхъ и дурныхъ,
По чести не терплю.
Пахомовны—старухи родной сынъ,
Изъ купца сдѣлавшійся мѣщанинъ,
Ѣздившій послѣ маркитантомъ,
И сталъ онъ, наконецъ,
Уже бумажнымъ фабрикантомъ—

Такой-то молодецъ!
Весь нужный инструментъ досталъ
И по ночамъ работать сталъ.
Для опыта поддѣлавши синюшку, *)
Онъ матушку свою—старушку
Послалъ, немедля, размѣнять.
Вотъ въ лавкѣ, та и размѣняла,
Хоть въ деньгахъ счетъ не такъ-то знала.
Да для чего старухѣ знать,—
Сынъ матушку фальшивыми снабжаетъ,
А матушка усердно ихъ мѣняетъ.
Съ удачей все, прошло штукъ шесть.
Ну, знать-бы надобно и честь;
Нѣтъ, дай седьмую ей принесть.
Откуда, старая, бумажечки таскаешь?
Воскликнулъ лавочникъ Егоръ,
Вѣдь сынъ твой пьяница и голъ!
Ты, чай, фальшивыя сбываешь?
Фальшивыя? Козлиная ты борода,
Ругнувъ Егора, безъ натяжки,
Старуха гордо брякнула ему тогда,
Мой сынъ самъ дѣлаетъ бумажки!
Не ужь-ли самъ?
Чета не вамъ!
Фадѣичъ! Лавочникъ съ испугу закричалъ
И за воротъ старуху крѣпко взялъ.
Явился Фадѣичъ съ миной очень важной,
Съ сѣкирой на шестѣ, въ бронѣ сермяжной **)
Онъ въ грамотѣ, быть можетъ, и немного
знаЛъ,
Но ассигнацію, фальшивою призналъ.

---

*) Синюшками въ простонародіи назывались кредитные билеты 5-ти руб. достоинства.

**) Въ тѣ времена полицейскіе имѣли алебарды, а обмундировку изъ сермяги—сѣраго толстаго сукна.

Мгновенно учинивъ свое распоряженье
Пахомовну разъ пять ругнулъ,
Назадъ ей руки завернулъ
И къ надзирателю отправилъ донесенье.
Потомъ къ Пахомовнѣ гурьбою въ домъ пошли
И, за работою, сынка ея нашли.
Связали, судили, наказали,
И слезы тутъ не помогли.
А бѣдная Пахомовна-то выла, выла,
Что съ дуру и себя и сына погубила.

П. К.

Литературныя упражненія отца надо отнести, главнымъ образомъ, ко времени его холостого досуга 1835—1838 г. Несомнѣнно, что во время службы въ безпрерывныхъ походахъ для этого ему не было времени, а въ 1838 г. 18 Апрѣля онъ женился, какъ значится въ его формулярѣ; „отставной поручикъ и кавалеръ Прокофій Степановъ сынъ Котляровъ вступилъ въ супружество съ дочерью умершаго коллежскаго асессора Бориса Подобѣдова, дѣвицею Александрою Борисовою дочерью Подобѣдовою и обвѣнчанъ въ Середино-Будянской Свято-Николаевской церквѣ“.

Такимъ образомъ мой отецъ обзавелся семьей, продолжая жить въ томъ же м. Воронежѣ. Тамъ же родился мой старшій братъ 1840 г. 16 Февраля наканунѣ св. Феодора Тирона, неживымъ. Больная мать, сокрушаясь о своемъ первенцѣ, призывала въ мысляхъ св. Феодора Тирона и въ честь его нарекла сына Федоромъ; Повитуха-же (тогда акушерокъ не было) въ это время гукала, т. е. кричала младенцу въ уши: „Хведя гу“! и ребенокъ закричалъ!..

Къ этому-же времени жизни въ Воронежѣ относится и дружба отца а за тѣмъ полный разрывъ съ извѣстнымъ П. А. Кулишомъ, съ которымъ отецъ состоялъ даже въ

какомъ-то родствѣ. Ссора началась по поводу какой-то поэмы Кулиша подъ названіемъ „Ткачъ Бурдюгъ“.

Въ этой поэмѣ говорится, что Ткачъ Бурдюгъ вмѣстѣ съ своей женой якшается съ чертями и у себя на пасѣкѣ, какъ съ близкими друзьями, въ пріятельской бесѣдѣ, пьютъ съ ними варенуху. Кулишъ поднесъ поэму эту своему отцу, какъ посвященіе. Старикъ носился съ книжкой какъ котъ съ саломъ, хвастая; „Оце мій сынъ написавъ!“ Но мой отецъ увидѣлъ въ поэмѣ злую насмѣшку сына надъ своими родителями. Возмущенный за нихъ, при строгихъ взглядахъ того времени на семейное начало, онъ написалъ отвѣтъ отъ имени ткача Бурдюга, гдѣ Бурдюгъ укоряетъ автора за непочтеніе къ родителямъ ибо осмѣянъ въ поэмѣ не онъ,—Бурдюгъ, а „батько и маты того паныча“, на что указываетъ вся обстановка въ поэмѣ, что у него Бурдюга даже и пасѣки никогда не было. Къ сожалѣнію, ни поэмы той, ни отвѣта Бурдюга я не помню. Слыхалъ только въ разговорѣ отца со знакомымъ, что это обстоятельство было началомъ ссоры съ Кулишомъ и два стиха приводимыхъ изъ отвѣта Бурдюга:

Да ивъ, якъ кажуть, борщъ съ грибами,
А языкъ довгій за зубами,
Хоть прикусывши, придержавъ.

И далѣе:

А на мій ладъ такого сына,
Колы не зможе своя сыла,
То хоть у стани отпороть,

Когда послѣдовалъ окончательный разрывъ, отецъ мой сказалъ Кулишу: „Прощай, прощай и прощай“!

На вопросъ что это значитъ, отецъ отвѣтилъ:

Прощаюсь я съ тобой сейчасъ,
Прощаюсь въ смертный часъ,
За сына я прощался,
Чтобъ вѣкъ съ тобою не встрѣчался!

Меня въ то время еще не было на свѣтѣ. Очевидно ихъ взгляды расходились на столько, что отецъ нашъ боялся даже его вліянія на свое поколѣніе. Такъ или иначе, но намъ не пришлось въ жизни встрѣтиться съ Кулишомъ ни мнѣ, ни брату, не смотря на то, что братъ, живя въ Петербургѣ, пытался два раза быть у Кулиша съ цѣлью посовѣтоваться объ изданіи „Любки". Въ первый разъ, не засталъ его дома. Во второй разъ, сказали, что Кулишъ уѣхалъ изъ Петербурга и неизвѣстно когда вернется. Братъ подумалъ, видно не судьба, поддался воспоминанію ссоры отца съ Кулишомъ и бросилъ мысль объ изданіи и свиданіи съ Кулишемъ.

Отецъ однако разсказывалъ, что его уговорилъ издать „Любку" какой-то Китченко или Кащенко, ѣхавшій изъ Воронежа въ Петербургъ (фамиліи точно не помню) и бравшійся представить ее въ цензурный комитетъ. Но не Китченка или Кащенка, ни своей „Любки" отецъ больше не видалъ. Такимъ образомъ подлинникъ пропалъ еще до появленія меня на свѣтъ. Послѣ первой неудачи отецъ отказался навсегда отъ дальнѣйшихъ попытокъ изданія, тѣмъ болѣе, что издательство требовало расходовъ и поѣздки въ Петербургъ, а при его скудныхъ средствахъ это было не мыслимо, къ тому-же явились другія заботы-- семья. Въ м. Воронежѣ жили не долго. На приданое матери *), кажется пять тысячъ руб. ассигнаціями, было куплено маленькое имѣнійце въ с. Грузкой Кролевецкаго уѣзда. Тамъ въ 1842 г. 27 августа родился я и названъ Александромъ въ честь дяди, брата матери Александра

---

*) Мать наша, уроженка тѣхъ-же мѣстъ, несомнѣнно имѣла совмѣстное владѣніе съ братомъ и сестрой, Надеждой, на что указываетъ сохранившаяся въ Ставянскомъ архивѣ (имѣніе бывшее Четвериковыхъ, нынѣ Преснухиныхъ) довѣренность выданная въ 1817 году Александромъ Борисовичемъ Подобѣдовымъ сестрѣ Надеждѣ Борисовнѣ на управленіе имѣніемъ „Малороссійской Черниговской губерніи, Глуховскаго повѣта въ с. Сопичѣ, оставшееся послѣ смерти отца, коллежскаго ассесора Бориса Козьмича сына Подобѣдова и матери Ульяны Александровой дочери, урожденной Карпекиной".

Борисовича Подобѣдова, который, получивъ образованіе въ Дворянскомъ полку въ Петербургѣ, командовалъ тамъ-же образцовой батареей и былъ примѣрно добрымъ и любящимъ братомъ для нашей матери. Онъ настаивалъ, чтобы насъ обоихъ отецъ отдалъ ему на попеченіе, расчитывая обоихъ опредѣлить въ кадетскій корпусъ, что ему легко было устроить, живя въ Петербургѣ и на что отецъ нашъ даже имѣлъ право, состоя подъ особымъ покровительствомъ комитета о раненыхъ. Но опыты собственнаго дѣтства заставляли отца слишкомъ мрачно смотрѣть на родственное участіе и онъ, говоря, что на себѣ испыталъ „ласковый хлѣбъ“, пока живъ, будетъ самъ заботиться о своихъ дѣтяхъ. Однако братъ дальше уѣзднаго училища не пошелъ, а я попалъ въ Кіевскій кадетскій корпусъ уже послѣ смерти отца. Говорю это, отнюдь не желая ставить упрекъ доброй памяти моего родителя, а просто къ слову пришлось.

Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ помнить себя и окружающее, прошло болѣе пятидесяти лѣтъ, но у меня живо сохранились въ памяти стихотворенія отца, которыя отецъ, отъ нечего дѣлать, въ деревенской глуши мнѣ, еще не граммотному ребенку, декламировалъ; повторяя за нимъ, я живо запоминалъ ихъ, при чемъ даже старался уловить всѣ оттѣнки декламаціи. Отца это очень забавляло, а моя память укрѣплялась на столько, что я схватывалъ, какъ говорится, на лету. Въ свою очередь, я дѣлалъ такія-же упражненія съ покойнымъ сыномъ незабвеннымъ моимъ Сережей, чѣмъ, можетъ быть, и развилъ въ немъ вкусъ къ поэзіи.

Къ развлеченіямъ отца принадлежала, какъ уже сказано, охота съ гончими и пѣвчія птицы, главное соловьи, которыхъ онъ очень любилъ и мастерски ловилъ подъ сѣтку на черныхъ таракановъ, —лакомство соловья.

У меня въ памяти сохранились два его разсказа о чижѣ и соловьѣ.

Былъ у него въ Воронежѣ еще до женитьбы ручной чижикъ, летавшій на волѣ въ комнатѣ. Въ ночь подъ Св. Христово Воскресеніе, когда уже былъ убранъ столъ съ куличами, неизбѣжнымъ поросенкомъ и прочей снѣдью, отецъ прилегъ на диванъ и задремалъ. Дверь въ комнату не была плотно притворена, вошла собака и прямо къ столу Чижъ бросился съ крикомъ на голову отца и началъ клевать спящаго. Отецъ проснулся, выгналъ собаку и страстно привязался къ чижу, за необыкновенную смѣтливость птички, но любимца вскорѣ задавила кошка. Отецъ сдѣлался такимъ врагомъ кошекъ, что у насъ не только въ домѣ, но дажѣ во дворѣ никогда не появлялась кошка, гончія были всегда на сторожѣ, и какъ только появлялась откуда нибудь кошка, происходила цѣлая облава на нее и злосчастной не было спасенія.

Съ соловьемъ было еще интереснѣе. Отецъ уже былъ женатъ. Вскорѣ послѣ рожденія первенца—моего брата, выслушавъ великолѣпнаго пѣвца, отецъ поставилъ сѣтку съ обыкновенной приманкой—чернымъ тараканомъ и подстерегалъ не долго, соловей попался въ ловушку. Вынувъ и посадивъ соловья въ банку, онъ всегда такимъ образомъ носилъ плѣнника, счастливый охотникъ возвращался домой, что называется, земли не слыша подъ собой.

И вдругъ ему блеснула оригинальная мысль: если мой сынъ будетъ генераломъ, — соловей запоетъ въ банкѣ. Не успѣлъ псдумать какъ соловей „защелкалъ-засвисталъ"... Духъ замеръ у охотника! Чуть не бѣгомъ чувствуя себя на верху блаженства, отецъ вернулся домой и разсказалъ все случившееся матери. Между тѣмъ соловей посаженый въ клѣтку, снова запѣлъ. Восторгамъ не было конца. По всей вѣроятности, соловей былъ изъ ручныхъ и случайно попавъ на волю, также случайно достался счастливому обладателю. Далѣе при перемѣнѣ корма и чисткѣ клѣтки ни сколько не дичился и, наконецъ, былъ на полной свободѣ, бѣгая по комнатѣ постоянно просилъ своего лаком-

ства—чернаго таракана; но таковаго вообще давать не полагается болѣе одного—двухъ въ день, потому что отъ черныхъ таракановъ соловьи скоро жирѣютъ, а главное теряютъ голосъ. Однажды соловей бѣгалъ за матерью по комнатѣ въ надеждѣ получить таракана. Отецъ предупредилъ ее словами: „не задави соловья, онъ сзади тебя“. Неуспѣла мать повернуться, какъ прямо наступила на несчастную птичку!..

Трудно вообразить горе обоихъ!

Хотя и очевидно была случайность, тѣмъ не менѣе въ воображенiи отца уже рисовался будущiй генералъ и когда мы подросли, брату была сшита черная венгерка и ребенокъ всѣмъ рекомендовался: „Чернаго, безпардоннаго, гусарскаго полка командиръ“. Я же напротивъ, привлеченный блескомъ ризъ священника въ церкви, мечталъ быть священникомъ и, преподавая всѣмъ благословенiе, рекомендовался: „я, батюшка, священникъ, отецъ Александръ“. У меня были хорошiя способности къ живописи и ваянiю и я очень не дурно лѣпилъ изъ воску, это занятiе почти цѣликомъ наполняло мой дѣтскiй досугъ. Братъ-же мой выказывалъ музыкальныя способности и мечталъ играть на скрипкѣ.

Профессоромъ у него по этой части былъ „Микифоръ Ивановичъ Маслянка“, сподвижникъ нашего отца по охотѣ съ гончими. Это былъ типъ, на которомъ стоитъ остановиться. Старикъ, лѣтъ за шестьдесятъ, громаднаго роста, косая сажень въ плечахъ, силой—Геркулесъ. Костюмъ онъ носилъ такой точно, какъ теперь рисуютъ въ Гоголевскихъ типахъ, приказчика Бабы. Нависшiя брови, носъ, нѣтъ, вѣрнѣе сказать, на мѣстѣ носа—просто какая-то лопата, при этомъ красновато-сизаго цвѣта. Глядя на этотъ носъ, вы подумали-бы, что его обладатель—горькiй пьяница? Упаси Богъ! нѣтъ. Почему былъ такой предательскiй цвѣтъ у носа Микифора Ивановича? не знаю. Быть можетъ, продолжительное знакомство и, можно ска-

зать, тѣсная дружба съ тавлинкой оказываютъ тоже вліяніе на цвѣтъ столь виднаго органа у человѣка, какъ и тѣсная дружба съ Бахусомъ, дѣло не моей компетенціи. Знаю только одно, что Микифоръ Ивановичъ пьяницей не былъ. Былъ онъ отчаяннымъ табаконюхомъ и не менѣе, если не болѣе, курильщикомъ. Добавьте неизмѣнную люльку въ зубахъ и получите полный портретъ Микифира Ивановича Маслянки. Люльку, по нѣкоторымъ моимъ теперь соображеніямъ, пожалуй онъ больше любилъ чѣмъ тавлинку, ибо для удобства ношенія первой онъ даже пожертвовалъ собственнымъ нижнимъ боковымъ зубомъ съ лѣвой стороны, выломавъ его собственноручно, находя что такъ „здашнійше“ — (удобнѣе); ибо въ образовавшейся щербинѣ чубукъ люльки былъ утвержденъ разъ на всегда, на мѣстѣ безжалостно выломаннаго зуба.

Люлька Микифора Ивановича была щегольская; коренковая, въ мѣдной оправѣ, прикованая къ изогнутому не длинному чубуку мѣдной цѣпочкой, и всегда покоилась на богатырской груди хозяина, не мѣшая ему нисколько разговаривать, смѣяться играть на скрипкѣ, даже стрѣлять изъ ружья, составляя какъ-бы одно существо вмѣстѣ съ хозяиномъ.

Видя такія безспорныя доказательства практическихъ удобствъ, каждый изъ знакомыхъ Микифора Ивановича, долженъ былъ невольно согласиться, что такъ дѣйствительно „здашнійше“,

Ружье-одностволка вполнѣ соотвѣтствовало по размѣрамъ его владѣльцу и было, не смотря на только что появившуюся въ тѣ времена пистонную систему, вытѣснявшую изъ употребленія кремневыя ружья, „пудстонне“, чѣмъ и гордился Микифоръ Ивановичъ.

Горячимъ охотникомъ онъ не былъ. Всю прелесть охоты составляла для него „пуща“ (сосновый боръ). Объ этой прелести онъ говаривалъ: „нема тоби въ свити, якъ пуща! Стоишъ соби пидъ хвоякою (сосной), у низу-тихо,-а

ни телень; а пуща тоби гуде". Рѣчь его была спокойна, увѣрена, какъ и характеръ. Свиду суровый, въ сущности онъ былъ большой добрякъ, какъ и всѣ богатыри. Въ разговорѣ, для большей убѣдительности своихъ словъ, Микифоръ Ивановичъ употреблялъ при случаѣ оригинальную божбу. Такъ вспоминая не разъ о своей замѣчательной гончей, какомъ-то „чижикѣ", говорилъ: „вирите, Богъ мене скарай, ей-еже-то, Богу-жъ-то, якъ бувъ у мене собачка-чижикъ; бувало, якъ визьме тую бисову моцапуру (зайца) тягать; то вже винъ его тягае, тягае, а Микифоръ стоить соби пидъ хвоякою, а винъ тоби тяхъ, да тяхъ, таки дотягае, таки нажене. Ну, бувало якъ сиконешъ ему мижи очи, то въ него ажъ очи зъ лоба повыскакують".

— Неудивительно, замѣчалъ мой отецъ, при такихъ зарядахъ какъ вы кладете, можно и вола убить. Да отъ большихъ зарядовъ и отдача порядочная. Вонъ у Васъ отъ прошлой охоты ссадина на щекѣ.

„Воно правда, трохи переложивъ, але загоиться", успокоительно отвѣчалъ Микифоръ Ивановичъ.

Маслянка былъ управителемъ близкаго нашего сосѣда Трусевича, усадьба котораго лежала черезъ болото отъ нашей и Никифоръ Ивановичъ, живя въ усадьбѣ владѣльца холостякомъ тѣмъ чаще бывалъ у насъ. Онъ тоже какъ и нашъ отецъ былъ Воронежскимъ уроженцемъ, имѣлъ-ли онъ тамъ семью и осѣдлость не знаю, но годовые праздники всегда проводилъ въ Воронежѣ.

Мы бывали въ м. Воронежѣ, кромѣ Гладкой и у Алексѣя Даниловича Иващенка. Это былъ тоже своего рода типъ, но объ немъ послѣ, закончу разсказъ о Никифорѣ Ивановичѣ. Однажды на Рождественскихъ праздникахъ мы ѣхали къ Иващенкѣ и, увидя въ мѣстечкѣ на льду пруда кулачный бой, остановились изъ любопытства, тутъ-же стоялъ въ числѣ зрителей и Маслянка съ неизмѣнной люлькой въ зубахъ. Здороваясь съ нимъ, отецъ мой спросилъ: а „что-же Вы, Никифоръ Ивановичъ, не принимаете

участія?“ и указалъ на горячій бой молодцовъ. Маслянка флегматически отвѣтилъ: „никого бить. Першъ бувало не таки молодци выходылы“, продолжалъ онъ, видимо оживляясь, „тай-то, бувало, якъ дасы ухналя (ухналь-подковный гвоздь), дакъ вирите, Прокопъ Степановичъ, Богъ мене скарай, ей, еже-то-Богу-жъ-то, ступеней (шаговъ) пятьнадцать летыть, поки знайде мисце (мѣсто) де впасты! А теперь,—никого быть“! закончилъ онъ съ видимымъ сожалѣніемъ.

Какъ сказано, Микифоръ Ивановичъ былъ и музыкантъ и первымъ знакомствомъ со скрипкой братъ мой обязанъ этому виртуозу. Правда изъ его репертуара, не смотря на мою отличную память, она удержала только одну „вербунку“ (вербованіе охотниковъ въ войска).

Но что это была за вербунка! Куда Винявскому. говорившему, что каждый ударъ смычка долженъ бить въ сердце слушателя. Это, быть можетъ, и не всегда удавалось знаменитому скрипачу.

Но „вербунка“ Микифора Ивановича била по всѣмъ нервамъ, она захватывала все существо и увлекала, рисуя въ воображаніи весь просторъ безшабашной удали, какъ толпа вербующихъ. Исполняя мастерски свою вербунку онъ подпѣвалъ хриплымъ басомъ:

Пристань, пристань до вербунку,
Будешъ исты зъ масломъ курку,
Будешъ исты, будешъ пыты,
Довбешками воши быты.

При этомъ интересенъ былъ самъ исполнитель со скрипкою, которую держалъ не такъ какъ всѣ скрипачи— у подбородка, а гдѣ-то ниже груди, чуть не на животѣ; при его громадной фигурѣ скрипка казалась какой-то игрушечкой; смычка размаха почти не было, работала имъ только одна кисть руки. Упиваясь вербункой, я ее слушалъ чуть не сотни разъ, и постоянно находилъ новыя прелести въ ея звукахъ.

Шли годы. Мы подростали. Когда у брата оказался красивый почеркъ, тутъ-то и настали его муки при перепискѣ „Любки“ и другихъ стихотвореній отца подъ его диктовку. Отецъ былъ горячъ, нетерпѣливъ и даже жестокъ. Мы его ужасно боялись. Малѣйшая шалость, даже совсѣмъ дѣтская, сейчасъ раздавалось: „Иванъ, розогъ!“ И брату, какъ болѣе рѣзвому, несравненно больше доставалось чѣмъ мнѣ, болѣе кроткому и тихому отъ природы. Особенно отецъ преслѣдовалъ ложь. Но, какъ быть? Покаялся чистосердечно,—розги! Совралъ, началъ выпутываться, очевидность лжи всплываетъ наружу сама собой,—розги! Словомъ. „перевернешься—бьють! недовернешься—бьють!“

Пройдя суровую школу дисциплины, отецъ и въ домашнемъ быту вводилъ ее неукоснительно. Повторять приказаній не любилъ. Помню разъ, отецъ собирался куда-то ѣхать и мнѣ, шестилѣтнему мальчику, хотѣлось ему сопутствовать. На просьбу взять меня съ собою, онъ, садясь въ бричку, сказалъ—„нельзя“ и выѣхалъ со двора. Вслѣдъ за нимъ съ крикомъ: „и меня, и меня“, я бѣжалъ по улицѣ. Вижу бричка останавливается, отецъ сходитъ съ нее. Радуясь, въ предположеніи, что просьба моя уважена, прибавляю ходу; но не замѣтилъ, на свою бѣду, что у отца въ рукѣ кнутъ, начавшій хлестать меня безжалостно, вмѣсто родительскихъ объятій. Не ожидая объясненія причинъ такого краснорѣчиваго внушенія, я съ большей энергіей повернулъ обратно; но съ тѣхъ поръ былъ образцомъ исполнительности отцовскаго приказа. Впослѣдствіи-же, часто слыша себѣ похвалы со стороны знакомыхъ за примѣрное благонравіе, думалъ: попробовалъ-бы ты папенькинаго кнута! пожалуй, тоже сталъ-бы сразу „шелковымъ“!

Заговоривъ о типахъ, не могу обойти молчаніемъ, своего рода спартанца, Алексѣя Даниловича Иващенко, родственника нашего со стороны матери. (А. Д. И. родной

дѣдъ полковника Иващенка—зятя Терещенка и Евгенія Кириловича Макарова извѣстнаго художника, такъ безвременно сошедшаго въ могилу, не смотря на его Иващенковскую богатырскую натуру). А. Д. Иващенко въ свое время служилъ, кажется, губернскимъ стряпчимъ, но я его помню старикомъ въ отставкѣ въ его усадьбѣ въ м. Воронежѣ, гдѣ я бывалъ не разъ съ родителями. Начать съ того, что Иващенко не признавалъ ни какихъ докторовъ и лекарствъ, кромѣ холодной воды, составлявшей все его леченіе. Бывало заговорятъ о больномъ, о леченіи; Алексѣй Даниловичъ всѣхъ остановитъ возгласомъ: „все пустяки, нѣжности, стаканъ холодной воды"!..

— Да позвольте, Алексѣй, Даниловичъ, ему возражаютъ, какой тутъ стаканъ воды...

Тотъ снова крикнетъ нетерпѣливо: „ну два, ну три и будетъ здоровъ"!

Когда съ нимъ самимъ случился параличъ, поднялась понятная тревога, бросились за докторомъ.

„Не надо"! остановилъ больной. „Давай льду, растирайте".

Терли до того, что кожу на немъ стерли въ кровь. „Три" настаиваетъ больной. И терли пока не всталъ съ постели!

Суровый, крайне воздержный, А. Д. былъ большимъ любителемъ—садоводомъ. Лѣтомъ, съ разсвѣтомъ, онъ уже въ своемъ саду: чиститъ, поливаетъ, мететъ, щепитъ, колируетъ, все собственными руками и, не смотря на средства, работника не держалъ.

Зимою столярничалъ. Помню его мастерскую,—большую, свѣтлую комнату и оригинальную работу—гробы для себя и жены. Примѣряя свой гробъ, онъ ложился въ него и звалъ жену посмотрѣть: „Ладно-ли будетъ"? При примѣркѣ жена замѣчала, напримѣръ: „кажется Алексѣй, Даниловичъ. (она всегда такъ называла мужу) ручкамъ тѣсно"? —„Раздамъ" отвѣчаетъ А. Д.

Такимъ-же манеромъ происходила пригонка гроба и женѣ.

Вполнѣ пригнанные по мѣркѣ гробы А. Д. я самолично видѣлъ въ его мастерской. Себѣ собственно онъ дѣлалъ нѣсколько гробовъ, такъ какъ часто отдавалъ готовый гробъ бѣднымъ, въ такой печальной нуждѣ обращавшимся къ нему и знавшимъ, что тамъ всегда есть гробъ въ запасѣ.

Въ такой просьбѣ Алексѣй Даниловичъ никогда не отказывалъ, говоря: „ну возьмите, я можетъ еще успѣю сдѣлать для себя". И принимался за работу. Гробъ-же отдѣланный болѣе роскошно, съ рѣзьбой, для жены, хранился у нее въ кладовой и пока исполнялъ назначеніе ларя, гдѣ помѣщались мука, крупа и проч. провизія.

Недавно умершій ген. лейт. въ отставкѣ Викторъ Алексѣевичъ Иващенко (сынъ А. Д.) бывши у меня, при воспоминаніяхъ о старинѣ, разсказывалъ о своемъ впечатлѣніи, когда пріѣхавъ въ отпускъ къ родителямъ въ Воронежъ и зайдя съ матерью въ кладовую растерялся при видѣ гроба, но мать спокойно подняла крышку, чтобы взять изъ него провизіи.

У нашего отца былъ знаменитый Иванъ, молодой видный парень, собственный крѣпостной, страстный охотникъ и мастеръ на всѣ руки. Его очень жаловалъ Алексѣй Даниловичъ.

Какъ-то зашелъ разговоръ между моей матерью, женой Алексѣя Даниловича и другими бывшими тутъ дамами о блондовыхъ чепчикахъ, тогда носимыхъ дамами; шляпки въ тѣ времена еще не проникали въ м. Воронежъ, сожалѣли, что въ Воронежѣ нѣтъ модницы (модистки) и не кому отдать исправить или перешить чепчикъ.

Ивану! самымъ серьезнымъ образомъ вставляетъ свое слово Алексѣй Даниловичъ.

— Помилуйте, Алек. Данил., восклицаютъ дамы, вѣдь это такая тонкая даже, деликатная, можно сказать, вещь!...

— Если онъ хомуты починяетъ, — какъ-же ему этой дряни не починить, продолжаетъ А. Д. тономъ, не допускающимъ возраженій.

Покойный мой отецъ дожилъ до шестидесяти четырехъ лѣтъ съ хорошо сохранившимися курчавыми волосами, съ чуть замѣтной сѣдиной. Прекрасно помню его большой открытый лобъ и бодрый Николаевскій взглядъ, молодившій его. Росту средняго, онъ не былъ здоровякомъ, но и не хилымъ человѣкомъ. Вся его пагуба заключалась въ частомъ кровопусканіи.

То и дѣло, бывало, то пьявки, то банки, и даже жильную чуть не каждый мѣсяцъ пускаютъ кровь.

Страдая приливами къ головѣ, онъ считалъ большимъ для себя облегченіемъ—кровопусканіе, и въ тѣ времена дѣйствительно кровь, ни сколько не жалѣя, выливали какъ помои.

Таково было заблужденіе нашихъ отцовъ.

Въ наше время хотя и не льютъ своей крови такъ охотно, какъ предки, но за то портятъ ее условіями современной общественной жизни. Что хуже? Это еще вопросъ.

Тѣ, создавъ потомство, выливали подъ старость свою кровь, какъ ненужныя помои; а эти испортивъ ее въ разгулѣ молодой жизни, передаютъ потомству ввидѣ помоевъ свою испорченную кровь!

Въ дни нездоровья помню отца съ уксусной повязкой на головѣ или съ мушкой на затылкѣ, играющаго молчаливо въ шашки съ матерью. Когда-же онъ чувствовалъ себя лучше, былъ веселъ, шутилъ надъ кацапами въ лицѣ матери; а та отшучивалась, прохаживаясь на счетъ хохловъ; писалъ стихи въ такихъ торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ, какъ на смерть убитаго волка или заколотаго, кормленнаго, кабана, а чаще всего развлекался охотой.

Въ домашнемъ быту все таки былъ, что называется, крутымъ человѣкомъ. Оригинально, что въ пылу гнѣва онъ всегда выпивалъ, смотря по степени вспышки, рюмку а то

и другую водки, хотя обыкновенно ее не пилъ, и быстро ходилъ по комнатѣ. Затѣмъ успокаивался и смягчался до того, что шелъ къ матери просить прощенія за свою горячность.

Крестьянъ не рѣдко поколачивалъ за пьянство и нерадивость; но къ ихъ нуждамъ былъ внимателенъ и всегда заботился о ихъ собственномъ хозяйствѣ. Поданныхъ у него было всего душъ пятьнадцать обоего пола, но домохозяевъ собственно три двора. Помню въ неурожайный годъ такую картину: пришли эти домохозяева съ поклономъ. Здороваясь, отецъ спрашиваетъ: „что, братцы, скажете“?

— „Усе добре, баринъ, що прикажете робить, якъ хлиба нема“?

„Иванъ“! раздается голосъ отца.

Является Иванъ, идетъ подсчетъ сколько кому надо хлѣба до новаго урожая, и Иванъ отпускаетъ нужное количество изъ амбара подъ личнымъ наблюденіемъ владѣльца.

Разсказъ объ Иванѣ и Кролевецкая ярмарка.

Какъ сказано, Иванъ былъ молодецъ и мастеръ на всѣ руки, при томъ-же страстный охотникъ. Почти ребенкомъ онъ обратилъ на себя вниманіе владѣльца мѣткостью бросаемыхъ камушковъ по воробьямъ и былъ взятъ во дворъ. А въ двѣнадцать лѣтъ уже былъ неизмѣннымъ сподвижникомъ барина на охотахъ. Особенно привязался къ нему нашъ отецъ послѣ выдающагося событія въ жизни Ивана какъ малолѣтка.

Въ числѣ черезполосныхъ владѣній у насъ было урочище „Гутка“. Оно представляло собою огромную сѣнокосную поляну, окруженную дремучимъ сосновымъ лѣсомъ, по серединѣ ея протекала рѣчка, образуя небольшой прудъ. Дѣло происходило во время уборки сѣна—второго укоса. Отпустивъ крестьянъ съ работъ, отецъ остался съ Иваномъ посидѣть у пруда въ ожиданіи вечерняго перелета дикихъ утокъ. Охотники размѣстились по обѣ стороны рѣчки въ заранѣе приготовленныхъ шалашахъ. Вдругъ раздался не подалеку волчій концертъ. Со стороны отца выбѣжалъ огромный матерой волкъ и усѣвшись на копнѣ сѣна, но внѣ выстрѣла, завылъ. Ему откликнулись много голосовъ со стороны Ивана и стая молодыхъ волковъ счетомъ тринадцать высыпала на поляну. Рѣзвясь и играя волки приблизились къ Ивану на короткое разстояніе. Боясь за своего любимца, мой отецъ, по его разсказу, уже

поднялъ ружье, намѣреваясь дать два выстрѣла, чтобы, испугавъ волковъ, освободить отъ опасности мальчика. Не успѣлъ баринъ привести въ исполненіе своего намѣренія, какъ грянули два выстрѣла и Иванъ, положивъ одного волка на мѣстѣ, не другого-же, сильно раненаго, бросился изъ засады и началъ его колотить попавшимся подъ руку полѣномъ, крича: „го, ру, ру, пидправъ“! техническое выраженіе на охотничьемъ языкѣ, требующее немедленной помощи. Вся волчья компанія въ переполохѣ конечно размѣталась во всѣ стороны, отецъ былъ въ восторгѣ, а Иванъ прослылъ неустрашимымъ героемъ. Къ несчастью этотъ талантливый самородокъ не долго жилъ. Онъ умеръ въ самомъ разцвѣтѣ молодыхъ силъ, вѣроятно, отъ скоротечной чахотки. Говорили, однако, что его опоили мѣстныя красавицы, желавшія, на перерывъ, очаровать и приворожить его къ себѣ.

Имѣнійце наше было маленькое однако былъ и лѣсъ строевой и дровяной и сѣнокосы и пахотныя поля, хотя все въ разныхъ мѣстахъ и клочкахъ; была прекрасная пасѣка, на которой отецъ собственноручно работалъ съ неизмѣннымъ своимъ помощникомъ и любимцемъ Иваномъ. Нашъ домъ или домикъ по своимъ размѣрамъ, крытый соломой, состоялъ изъ четырехъ комнатъ и кухни, въ нее изъ передней было небольшое, вродѣ слуховаго, окно, выходившее прямо къ варистой печкѣ, для удобства хозяйки. Подъ окнами залы (она-же гостинная, столовая и кабинетъ отца, смотря по времени дня и обстоятельствъ) находился единственный кустъ розъ, груши „кислыця“ да нѣсколько кустовъ черной и красной смородины. Подальше отъ дома стояли двѣ вѣковыя березы, поившія насъ своимъ сладкимъ сокомъ, для его добыванія каждую весну безжалостно сверлилась невысоко надъ землею дыра и чрезъ вбитый въ нее желобокъ, вытекалъ жизненный сокъ страдалицъ березъ въ подставленное ведро. Однако усадьба была на столько обширна, что заѣхавшему во время ко-

совицы сосѣду и хваставшему, что у него цвѣтетъ полторасто кустовъ розъ, отецъ скромно отвѣтилъ: „а у меня стоитъ уже полторасто копицъ сѣна“. Количества десятинъ во всемъ имѣніи, полагаю, отецъ самъ не зналъ навѣрное, счетъ былъ на „нивы“ и урочища и доходы отъ хозяйства были ничтожны; ибо отецъ не рѣдко говаривалъ, что только пенсіонъ и поддерживаетъ наше существованіе— это четырнадцать рублей серебромъ въ мѣсяцъ! Тѣмъ не менѣе долговъ, какъ ипотечныхъ такъ и частныхъ, не было. Отецъ даже прикупалъ клочки земли—„нивы“, безъ опредѣленія впрочемъ ихъ пространства, указывались только границы, вродѣ нашихъ уроковъ: „отсюда и досюда“. Какъбы то ни было, а все-жъ таки хозяинъ чувствовалъ подъ ногами собственную почву, не заботясь о просрочкѣ платежа процентовъ въ банкъ, о которомъ въ тѣ блаженныя времена даже и понятія не имѣлось. Жили только за наличный расчетъ. Объясняется все это тогдашней дешевизной жизни вообще и скромными требованіями въ особенности. Такъ чай пили въ прикуску. По этому поводу привожу мой разговоръ, спустя много лѣтъ послѣ описываемаго времени, съ однимъ старикомъ огородникомъ. Бѣсѣдуя съ нимъ о разныхъ житейскихъ нуждахъ за чаемъ, при чемъ онъ пилъ его въ прикуску, но видя, что я кладу три куска сахару себѣ, онъ указывая рукой на мой стаканъ, добавилъ: „вотъ то-то оно и есть, тутъ нехватка, тамъ нехватка, а привыкли-те въ накладку“!

Въ этихъ простыхъ словахъ было сказано все наблюдательнымъ старикомъ. Въ доброе старое время о теперешней роскоши, винахъ и разныхъ гастрономическихъ деликатессахъ, создающихъ катарръ желудка, къ слову сказать, не было даже и помину.

Насъ, школьниковъ, между которыми были многіе, судя по ихъ разсказамъ, съ гораздо большими средствами, баловали тѣми-же лакомствами, бубликами, булками а главное „сластенами“, какъ и насъ грѣшныхъ, бѣднѣй-

шихъ товарищей, главное сластенами! Если ты, читатель, Великороссъ, то навѣрное не имѣешь понятія объ этой прелести, какъ и я напримѣръ о „Калужскомъ тѣстѣ". Сластены, при имени которыхъ разыгрывался аппетитъ и текли слюнки у кролевецкихъ школьниковъ, это маленькіе кусочки жидкаго, дрождеваго тѣста, по пяти штукъ вмѣстѣ поджареныхъ въ обильно кипящемъ на сковородѣ конопляномъ маслѣ. Правда, приготовленіе ихъ тутъ-же на базарѣ въ маленькомъ балаганчикѣ, на миніатюрной печкѣ и видъ мастерицы, страдавшей отъ разницы температуръ постояннымъ насмаркомъ и никогда не употреблявшей носоваго платка, равно и полотенца для рукъ. Эти необходимые предметы чистоплотности замѣнялъ вполнѣ ея передникъ. Такая обстановка, пожалуй, могла у брезгливаго человѣка нѣсколько охладить аппетитъ къ сластенамъ, но мы, конечно игнорировали такія мелочи, и видѣли только одно: кипящую „олію" (конопляное масло) и плавающія въ ней сластены, которыя мастерица вилкой складывала на тарелку, тщательно вытертую несмѣняемымъ передникомъ. Десятка два такихъ пятерокъ „сластенъ" за двѣ копѣйки вполнѣ успокаивали алчный, какъ у саранчи, аппетитъ школьниковъ. Наслажденія эти однако не часто намъ доставались. Карманныхъ денегъ намъ не полагалось и только въ базарные дни, въ пріѣздъ родителей случалось полакомиться „сластенами".

Родители не любили бросать денегъ безъ надобности, а хозяева, при дешевизнѣ продуктовъ, кормили насъ хорошо. Да и всѣ предметы первой необходимости были очень дешевы. Такъ напримѣръ, дѣтскіе сапоги по заказу (готовой обуви тогда въ продажѣ не было) шились за сорокъ копѣекъ; за меня, во время ученья въ Кролевецкомъ уѣздномъ училищѣ, платили за квартиру—отдѣльная комната, гдѣ насъ помѣщалось только двое, со столомъ, отопленіемъ и освѣщеніемъ, хотя послѣднимъ бывалъ часто „каганецъ" (вродѣ плошки) повторяю, платили два рубля

серебромъ въ мѣсяцъ за каждаго. Бывши въ 3-мъ классѣ, я репетировалъ первоклассника за 50 коп. въ мѣсяцъ, что однако считалось дорого. Надо замѣтить, что Кролевецъ, знаменитый въ то время своею Воздвиженскою ярмаркой, былъ выдающимся городомъ въ Черниговской губ. и цѣны въ немъ стояли выше чѣмъ въ другихъ уѣздныхъ городахъ, хотя правда вслѣдъ за сентябрьскимъ оживленіемъ онъ дремалъ снова, какъ котъ—послѣ удачной охоты на цѣлый выводокъ мышей, жмуря глаза и мечтая о новой удачной охотѣ.

Но вотъ конецъ Августа. Городъ точно просыпается. Открываются ставни и окна большинства домовъ, стоявшихъ цѣлый годъ запертыми и имѣвшихъ спеціальное назначеніе служить ярмарочному наплыву гостей; идетъ чистка, уборка, провѣтриваніе. На пустынной городской площади появляются русскіе плотники, свозятся бревна, доски, копаются вездѣ ямы для столбовъ, идетъ спѣшная работа, постройка балагановъ. По большому Московскому тракту, на которомъ лежитъ Кролевецъ, съ Сѣвера и Юга, тянутся сюда большіе транспорты съ разнымъ товаромъ на крѣпкихъ русскихъ телѣгахъ, запряженныхъ тройками сильныхъ и красивыхъ битюговъ въ наборной сбруѣ, подъ росписными дугами. Это знаменитые Великорусскіе троечники, совершающіе, круглый годъ на колесахъ, свои правильные рейсы по ярмаркамъ, перевозя товары. Они спеціализировались въ этомъ промыслѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе уже много лѣтъ. Какъ желанныхъ гостей, ихъ встрѣчаютъ у раскрытыхъ воротъ хозяева постоялыхъ дворовъ, сосѣди между собою, братья Тюри, давно осѣвшіе въ Кролевцѣ, но не утратившіе своихъ великорусскихъ манеръ и рѣчи. Троечники располагаются у нихъ, какъ дома, въ полной неприкосновенности сдаютъ товары, принятые на свой страхъ, и отдыхаютъ въ ожиданіи его увоза по новому назначенію. Любо было посмотрѣть на эти типы. Силачи и богатыри—одинъ лучше другого, все хозяева, часто одинъ—

владѣлецъ двухъ троекъ, управлявшійся съ товаромъ, перебрасывая его тюки, какъ мячи, нерѣдко путешествовалъ въ одиночку на своихъ тройкахъ и такихъ не трогали на большихъ дорогахъ въ то время „пошаливавшіе ребята“ зная по опыту, что въ ихъ медвѣжьи лапы не попадайся.

Почтовая гоньба усиливалась. Ее поддерживали обрусѣлые Кролевчане, братья Жуки, содержатели „вольной почты“, щеголявшіе своими лихими тройками. Ихъ кони тоже знали что „ребята пошаливаютъ“, ибо при одномъ возгласѣ ямщика: „Грабятъ“! Тройка дружно подхвативъ, стрѣлой проносилась черезъ „неблагополучное мѣсто“. И тороватый купецъ, избѣжавшій опасности со своимъ неизмѣннымъ спутникомъ—ларцемъ на цѣпи, замѣнявшимъ теперешнія несгораемыя кассы, набожно осѣняя себя крестомъ, давалъ ямщику цѣлый двугривенный на водку. Жизнь закипала ключемъ въ тихомъ Кролевцѣ и въ Сентябрѣ онъ обращался своего рода въ столицу.

Здѣсь появлялся театръ, помѣщавшійся правда въ самомъ простомъ, обыкновенномъ сараѣ, но у подъѣзда, если назвать подъѣздомъ его простые ворота, подмазанные дегтемъ, чтобы во время представленія не скрипѣли какъ татарская арба, стояли внушительные жандармы, разгоняя праздную толпу любопытныхъ

Неподалеку, на угловомъ пустопорожнемъ мѣстѣ, обнесенномъ заборомъ, помѣщался циркъ, ему кровлей служилъ небесный сводъ, а блистательное освѣщеніе зависѣло отъ милости солнца, ибо представленія давались только днемъ, клоуны-же разъѣзжавшіе по городу служили какъ-бы живыми афишами. Въ городѣ открывались нѣсколько гостинницъ. Вся площадь среди города обращалась въ нескончаемые крытые ряды магазиновъ, конечно безъ зеркальныхъ оконъ и даже безъ дверей и похожихъ скорѣе на открытую сцену театра, гдѣ привлекались взоры модными предметами, пожалуй, болѣе чѣмъ дѣйствительная

сцена храма Мельпомены. Сюда наѣзжало именитое московское купечество, щеголяя изящными дорогими цилиндрами, надѣтыми на бекрень на ихъ обильно-напомаженныхъ кудряхъ, въ длинныхъ, купеческаго покроя, изъ тончайшаго сукна сюртукахъ, красиво облегавшихъ ихъ коренастыя фигуры и въ блестящихъ какъ зеркало, франтовскихъ сапогахъ-бутылками. При видѣ такого франтовства, пожалуй, самъ гоголевскій женихъ прикусилъ-бы языкъ, завидуя ихъ сукну и ваксѣ. Сюда наѣзжало дворянство изъ далекихъ окрестностей въ тарантасахъ, кол':скахъ, каретахъ разныхъ фасоновъ и повидимому разныхъ эпохъ, начиная чуть не съ Петровской или, по крайней мѣрѣ, Екатерининской. Появлялись ремонтеры—душа общества, особливо холостого. Повсюду слышалась музыка, и шло нескончаемое веселье, сама погода почти всегда ясная и теплая, какъ бы принимала дѣятельное участіе въ знаменитой ярмаркѣ. Къ общему удовольствію наѣзжавшіе изъ Шостки артиллеристы участвуя въ пикникахъ, происходящихъ на горахъ „Дулинаго Гая“, (урочище за городомъ видное прекрасно съ ярмарки) сжигали не одинъ фейерверкъ. Достаточно сказать, что Кролевецкая ярмарка, какъ значилось по нашему учебнику географіи, дѣлала обороты на пять милліоновъ рублей.

Стояла она почти весь Сентябрь, хотя официальное ея открытіе происходило только 14 Сентября, въ день Воздвиженія Креста Господня, съ большой торжественностью при крестномъ ходѣ духовенства.

При такомъ громадномъ наплывѣ чуждаго и разнообразнаго элемента, мѣстный, даже чиновный людъ, не говоря о судовикахъ и казначейскихъ чиновникахъ, слывшихъ подъ общимъ наименованіемъ „панычей“, но и болѣе крупныя единицы аборигеновъ города дѣлались незамѣтными, какъ бы исчезали совершенно. Такъ напримѣръ, уѣздный судья, часто дававшій даже „панычамъ“ отеческое наставленіе, оставляя ихъ безъ обѣда, для чего тамъ-же

въ присутствіи, снимался одинъ сапогъ съ виновнаго, въ предупрежденіе съ его стороны возможнаго побѣга, и отдавался сторожу на храненіе съ лаконическимъ приказомъ: „до вечера“.

Тоже почетный смотритель уѣзднаго училища, гроза самыхъ нашихъ учителей, которые изъ окна завидя его, идущаго въ училище, начинали оглядывать себя, застегивая пуговицы (вицмундира) и послюнивъ пальцы, приглаживая свои николаевскіе височки, произносили: „господа, потише, смотритель!“ И всѣ школьники, хотя въ числѣ ихъ было не мало и такихъ, которые давно извѣдали всю прелесть „досвитокъ и вечерныць“, но и тѣ притихали, горбясь надъ книгами, а при почтительномъ вставаньи передъ грознымъ начальствомъ, подгибали колѣни, чтобы не выдаваться своимъ ростомъ и быть менѣе замѣтными, „не ровенъ часъ!“ Нерѣдкія посѣщенія смотрителя, всегда величественно обходившаго классы инспекторскимъ смотромъ, едва протягивая два пальца на робко-почтительные поклоны учителей, рѣдко обходились безъ „царя Пòра“ т. е. розогъ, съ которыми, незримый до тѣхъ поръ нашъ сторожъ, старикъ Осипъ выросталъ какъ изъ земли, покинувъ свою конурку, гдѣ мирно ковырялъ шиломъ старыя подметки своихъ сапогъ.

Популярный „царь Поръ“ часто появлялся, казалось, безъ всякой видимой причины, а просто такъ, чтобы объ немъ не забывали, и потому всегда при появленіи грознаго смотрителя души наши уходили прямо въ пятки.

Такъ же точно и уѣздный казначей, имѣвшій кличку „гримъ“ (громъ), хотя это внушительное прозвище было ему дано по причинамъ совершенно мирнаго свойства. Дѣло въ томъ, что его единственные въ Кролевцѣ дрожки, несшіе добросовѣстно вмѣстѣ съ владѣльцемъ лѣтъ тридцать безпорочную службу, въ неярмарочное время на пустынныхъ улицахъ Кролевца производили впечатлѣніе грома.

Даже самъ городничій, напоминавшій безъ преувеличенія, въ буквальномъ смыслѣ, Коломенскую версту, дѣлался какъ будто ниже ростомъ. Словомъ, весь персоналъ представителей города, повторяю, стушевывался и дѣлался незамѣтнымъ въ разгарѣ ярмарки, такъ же точно, какъ въ наше время какая нибудь значительная, провинціальная особа, появляясь въ Петербургѣ, сразу теряетъ весь свой апломбъ, заставлявшій маленькаго человѣчка дрожать, шепча про себя извѣстную молитву: „помяни, Господи, Царя Давида и всю кротость его!"

Но проносилась ярмарочная феерія, очищалась площадь отъ построекъ и оставляла уже только одни непріятныя послѣдствія ярмарки въ видѣ разбросанныхъ вездѣ ямокъ, часто служившихъ запоздалому путнику, при непроглядной темнотѣ осенней ночи, неожиданнымъ препятствіемъ, даже съ такими печальными результатами, какъ вывихъ ноги или руки. А въ болѣе благополучномъ случаѣ невольное подражаніе завсегдатаямъ площади, которые имѣютъ, во первыхъ странную привычку изслѣдовать досконально своимъ собственнымъ носомъ все, что по пути имъ встрѣчается, несмотря на видимый у нихъ хроническій насморкъ, не вліяющій, однако, противъ обыкновенія, на ихъ обоняніе, чему служитъ доказательствомъ то, что они легко находятъ даже самые потаенные уголки человѣческаго жилья, такъ сказать, верхнимъ чутьемъ; во вторыхъ обладаютъ особымъ гастрономическимъ вкусомъ, хотя, конечно, вопросъ о вкусѣ рѣшенъ давно, что на него, какъ и на цвѣтъ, товарища нѣтъ.

Тѣмъ не менѣе данный субъектъ, рискнувшій поздней порой пройти Кролевецкую площадь послѣ ярмарки, если не свернетъ себѣ шею и не попробуетъ вкуса, то навѣрное изслѣдуетъ своимъ носомъ, чѣмъ пахнутъ остатки послѣ долговременной и многолюдной Кролевецкой ярмарки. А при болѣе остромъ обоняніи, пожалуй, опредѣлитъ какіе тутъ были ряды, а стало быть и какая тутъ часть пло-

щади, чтобы оріентироваться въ дальнѣйшемъ путешествіи.

Послѣ ярмарочнаго разъѣзда, снова вступали въ свои права, мирно предаваясь своимъ занятіямъ на опустѣвшей площади, ея завсегдатаи—свиньи, козы и коровы, не нарушая тишины и общественнаго порядка. Главнѣйшими нарушительницами таковаго являлись торговки—перепечайки, перебраниваясь, а то и вступая въ рукопашную изъ за появившагося покупателя на ихъ дѣйствительно вкусные, румяные кролевецкіе бублики. Да еще, пожалуй, по субботамъ герольдъ отъ бани съ атрибутомъ въ рукахъ—вѣникомъ, поднятымъ высоко надъ головой, громко призывая любителей попариться, крича на всю площадь: „Гей,— у баню, у баню!....“ нарушалъ общественную тишину. Къ вечеру-же, когда стихалъ вѣтеръ, что давно замѣчено старожилами, и расходились дневные обитатели по своимъ домамъ, на той-же площади появлялась мѣстная интеллигентная молодежь—панычи и барышни „у проходку“. Такъ назывались вечернія прогулки до сумерекъ и никакъ не долѣе, какъ потому что строгія маменьки приказывали „барышнямъ“ неукоснительно возвращаться съ „проходки“ своевременно, такъ и во избѣжаніе вышесказанныхъ сюрпризовъ въ видѣ ямъ и прочихъ неудобствъ нечистоплотной, но единственной въ Кролевцѣ мѣстности для прогулокъ, столь симпатичныхъ молодому поколѣнію. Барышни, конечно, во всеоруженіи своего туалета включительно до зонтика, не исполнявшаго, впрочемъ, своего прямого назначенія по случаю сумерекъ, но безъ него нельзя было придумать что дѣлать съ руками, излишними во время „проходки“, которыя и занимались исключительно несчастнымъ зонтикомъ. „Панычи“ съ той-же цѣлью вертѣли тросточки и, въ упражненіяхъ съ ними, нѣкоторые доходили до такого совершенства, что вертѣли ихъ между пальцами какъ вѣтрянная мельница своими крыльями въ сильный вѣтеръ. При встрѣчахъ, чаянныхъ и нечаянныхъ, „панычи“, имѣя въ карма-

нахъ популярныя тогда конфекты со стишками, преимущественно амурнаго содержанія и ухаживая за „барышнями“, затѣвали игру—„загадывать на судьбу“. Игра состояла въ слѣдующемъ: съ какимъ стишкомъ попадется конфекта, при чемъ, конечно, конфекты уже были раньше размѣщены въ карманахъ соотвѣтственно данному случаю. При такой подтасовкѣ всегда вынималась конфекта со стишкомъ, ясно указывающимъ на нѣжныя чувства кавалера къ своему „предмету“, въ такомъ родѣ напримѣръ:

„Ты сама тому виною,
„Что плѣнился я тобою.

И „предметъ“ скромно потупляя глазки, рдѣлся какъ маковъ цвѣтъ.

Въ краснорѣчивыхъ и остроумныхъ переговорахъ стишками, дѣло доходило иногда до желаемой развязки; а иногда до крупной сплетни, неизбѣжной, конечно, и въ наши дни, особенно въ захолустьи.

Послѣ проходки публика мирно расходилась по домамъ, съ надеждой новыхъ встрѣчъ и пріятныхъ впечатлѣній. Городъ рано засыпалъ и только кое-гдѣ, до поздна, тускло свѣтящееся окно, отъ сальной казенной свѣчки, экономно сбереженной дежурившимъ наканунѣ канцеляристомъ, а то и просто отъ хозяйскаго каганца, служило указаніемъ, что тамъ „паничи рижутця у прохверанца,“ да громкое, протяжно-заунывное „слу—шай!“, нарушая ночную тишину, доказывало бдительность стражи спящаго города.

Ярмарочное время лишало однако квартирныхъ удобствъ не только насъ—малышей, съ которыми не очень церемонились, но и болѣе требовательныхъ „паничей“. На это время жильцы отдѣльныхъ комнатъ какъ и сами домовладѣльцы бивуакировали, кто въ коморѣ, кто на чердакѣ, такъ какъ все отдавалось пріѣзжимъ за цѣну въ десять и двадцать разъ большую противъ обыкновенной; но никто не претендовалъ, во первыхъ, зная о предстоящемъ стѣсненіи заранѣе по традиціи; во вторыхъ самъ въ высшей

степени заинтересованный перспективой кипучей ярмарки, охотно уступалъ мѣсто пріѣзжимъ. Въ октябрѣ, взбаламученное ярмаркой, Кролевецкое житейское море успокаивалось, давъ, однако, горожанамъ порядочный барышъ.

Послѣ ярмарочной тѣсноты годовые жильцы вступали въ свои владѣнія, занимая у мѣщанъ собственно парадныя комнаты, гдѣ, никому не мѣшая, появлялись на стѣнахъ знаменитые Кролевецкіе „рушныки"—-какъ несомнѣнный признакъ дѣвицы невѣсты въ домѣ. Наставалъ свадебный періодъ въ жизни Кролевчанъ. Тамъ, на этихъ свадьбахъ, „панычи" были первыми кавалерами—танцорами и обыкновенно глиняные полы сильно страдали отъ ихъ энергичныхъ ,,закаблуковъ" при соревнованіи въ вихрѣ „Метелыци", „козака—вальца" и другихъ горячихъ и увлекательныхъ танцевъ въ угарѣ свадебнаго веселья.

Будучи двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, я присутствовалъ на одной подобной свадьбѣ, какъ милостиво допущенный зритель, при протекціи моей квартирной хозяйки, доброй старушки Ризнычихи и мнѣ врѣзались въ памяти полные глубокаго смысла ея слова.

Видя плачущую невѣсту, снаряжаемую къ вѣнцу въ церковь и зная, что она идетъ замужъ по любви, тѣмъ болѣе удивленный, я спросилъ мою милую старушку: чого-жъ вона плаче? Старушка отвѣтила: „у Бога доли просыть." И я сразу понялъ и нераздѣльно проникся страхомъ невѣсты предъ ожидавшимъ ее, за родительскимъ порогомъ, неизвѣстнымъ—будущимъ. Этотъ страхъ за ея будущее охватилъ меня и я не могъ отвязаться отъ мысли съ неотступнымъ вопросомъ: выпросила-ли она у Бога доли и что ее ждетъ впереди? мягкая-ли ласка, или безконечныя слезы и жестокіе побои пьянаго мужа.... Опечаленный слезами невѣсты, я поспѣшилъ уйти подальше отъ шумной свадьбы.

Моя квартирная хозяйка, старушка, мѣщанка Ризникова или какъ ее называли—Ризничыха очень меня любила

и по своему заботилась о моемъ ученьи, такъ, замѣтивъ, что я долго не занимаюсь своимъ дѣломъ, или ввязываюсь въ ея семейные разговоры, спѣшитъ, бывало, напомнить мнѣ о моихъ обязанностяхъ, говоря: „це зовсимъ не ваше дило, идить читать у кныжку.“ И я покорно шелъ зубрить заданные уроки „отсюда и до сюда.“ Осмѣянная позднѣйшими поколѣніями, пресловутая „зубряжка“ имѣла, однако, и свою хорошую сторону, прекрасно развивая и укрѣпляя дѣтскую память. А вызубренное, мало понятное въ моментъ его зубренія, но фотографически запечатлѣнное въ памяти ребенка, чрезъ годъ, много—два, въ одно прекрасное утро уяснялось само собою до такой очевидности, какъ дважды два. Гимнастикой же дѣтскаго языка усвоивались цѣлые періоды красивыхъ фразъ и выраженій. Новѣйшую систему изученія уроковъ „своими словами“ я сравниваю съ незакрѣпленнымъ негативомъ, который, быстро сливаясь въ одно черное пятно, дѣлается похожимъ на сильно закопченное стекло, на которомъ и чрезъ которое, какъ не напрягай зрѣніе, все равно ничего не увидишь. Спросите любого изъ теперешней молодежи, не говоря объ общей, а изъ отечественной исторіи или географіи, и на предложенный вопросъ онъ отвѣтитъ простодушно: „забылъ.“ А мы помнимъ свои уроки по истеченіи полу-вѣка. Мы отбарабанивали какъ „Отче нашъ“ свои уроки, а онъ ихъ училъ и отвѣчалъ „своими словами“. Но въ скудномъ его лексиконѣ „своихъ словъ“ была ничтожная наличность, а потому въ отвѣтахъ происходило одно до тошноты заиканье и безконечное: э....э....э....

Это: „э“ приросшее къ ученику на школьной скамейкѣ, сопутствуетъ ему и въ дальнѣйшей его жизни; и въ рѣчи защитника, и въ рѣчи прокурора и даже на профессорской кафедрѣ. Подите послушать!

Отсюда, однако, не слѣдуетъ, чтобы я проповѣдывалъ „зубряжку.“ Далеко нѣтъ. Но дѣло въ томъ, что, осмѣявъ „зубряжку“, къ осмысленному изученію уроковъ новое по-

колѣніе не перешло, а стало ихъ отвѣчать со „шпаргалками“, подсказками и т. п. нелегальными суррогатами. При такихъ условіяхъ въ результатѣ знанія получается одинъ только огромный минусъ.

Припоминая далекіе годы и мою добрую хозяйку Рѣзнычиху, не забуду ея золотыхъ словъ при разговорѣ съ моей матерью: „любить дитей такъ, щобъ воны про те не зналы“. Теперь, будучи отцомъ, я часто вспоминаю эти умныя слова простой женщины. Смыслъ ихъ, конечно, тотъ, что дѣтей отнюдь не слѣдуетъ баловать и потакать ихъ капризамъ. Мои родители очень ее уважали. Пожалуй, современный пшютъ не пойметъ даже, какъ можно уважать „простую, необразованную мѣщанку?!...“

Прекраснымъ принципомъ старушки Рѣзниковой руководились и мы, воспитывая своихъ дѣтей. Всѣ они были дисциплинированы съ пеленокъ. И только съ пеленокъ ее можно ввести, замѣчу при этомъ. Начать съ того что всѣ наши дѣти со дня рожденія спали безъ колыбели и убаюкиванія. Съ пеленокъ они не смѣли проявлять капризовъ. Плачетъ—пусть плачетъ, конечно, исключая случаевъ нездоровья; но разъ сказанное долженъ исполнить—во чтобы то не стало.

Бывало ребенокъ закапризничаетъ—расплачется; тутъже я или мать предлагаемъ, ему выйти въ другую комнату и плакать сколько угодно при закрытыхъ дверяхъ, а когда, молъ, наплачешься приходи къ намъ. И дѣти сразу бросали капризы, понявъ что никакія слезы, на капризной подкладкѣ, не разжалобятъ родителей. Такимъ образомъ, уже съ младенчества вырабатывалась у нихъ сдержанность и благоразуміе. Хуже всего для ребенка поблажка и безнаказанность. Наказаніе въ видѣ побоевъ и розогъ у насъ никогда не практиковалось, все наказаніе, для малютокъ даже, заключалось въ лишеніи развлеченій и удовольствій.

Я не могу забыть великихъ словъ выдающагося человѣка, епископа одесскаго Никанора. Онъ, умирая и про-

щаясь съ окружающими, просилъ прощенія у тѣхъ „кого забывалъ строгостію!“ Это говорилъ человѣкъ въ высшей степени гуманный, глубоко и многосторонне образованный и въ высшей степени наблюдательный. Долгимъ опытомъ жизни онъ дошелъ до той аксіомы, что безнаказанность развращаетъ людей.

Возьми, мой юный читатель, примѣръ изъ окружающей тебя среды. Присмотрись къ товарищамъ. Если между ними есть маменькинъ сынокъ,—навѣрно дрянь. Онъ ту—же маменьку—баловницу уже въ грошъ не ставитъ, а впослѣдствіи, навѣрно, будетъ ее проклинать въ душѣ за то, что не дисциплинировала его съ дѣтства. Правда, дисциплина въ данную минуту намъ сильно не нравится, но какъ мы ей благодарны впослѣдствіи—всю жизнь.

Я далеко не поклонникъ нѣмцевъ, но предъ ихъ дисциплиной преклоняюсь. У нихъ дисциплина существуетъ фактически, выработанная съ пеленокъ, въ самомъ широкомъ значеніи слова. И потому они культурный народъ. Они глубоко проникнуты уваженіемъ къ чужому праву, отнюдь не поступаясь своимъ. А мы, къ сожалѣнію, требуемъ только себѣ правъ, не желая даже признавать своихъ обязанностей и плюемъ на чужое право. А намъ живется далеко привольнѣе и просторнѣе чѣмъ нѣмцу. Но каждый нѣмецъ отлично сознаетъ свою рамку дѣятельности и изъ нея, отнюдь, не выступаетъ. Мы же, съ „широкой натурой“, ни въ какой рамкѣ не помѣщаемся. Въ какую широкую рамку не попадетъ нашъ русакъ, непремѣнно шагнетъ за ея бортъ. Вездѣ ему тѣсно.

Въ громадномъ русскомъ муравейникѣ, раскинувшемся на десятки тысячъ верстъ, каждому, какъ будто, тѣсно, мало того каждый мнитъ себя великимъ вершителемъ судебъ! И выходитъ одно безобразіе.

Мнѣ сейчасъ припомнился анекдотъ незабвеннаго разсказчика Горбунова: дворникъ, отсидѣвшій подъ арестомъ,

на вопросы прiятеля, за какiя дѣла попалъ въ кутузку, отвѣчалъ: „съ куфаркой подрамшись“ на второй вопросъ— за что? отвѣчалъ: „потому какъ она выше понимать себя стала“.

Возьмите кого угодно отъ лакея, писаря до высшихъ ступеней общественнаго положенiя, всѣ „выше себя понимаютъ“, какъ Горбуновская кухарка. Эта манiя величiя всосалось въ плоть и кровь современнаго общества. Приглядитесь, каждый какъ-бы стыдится своего настоящаго положенiя и состоянiя, пыжится и тянется куда-то вверхъ; живетъ всю жизнь не по средствамъ, воображая что никто не замѣчаетъ въ немъ Крыловской лягушки. И лопаются эти лягушки, какъ мыльные пузыри. Всѣ помѣшаны на представительствѣ, вся жизнь проходитъ безъ расчета, всѣ гоняются только за развлеченiемъ и наслажденiемъ. Вы не найдете человѣка въ наше время маломальски мирящагося со своимъ положенiемъ, какъ-бы стыдясь его.

А между тѣмъ этотъ ложный стыдъ туманитъ намъ глаза и не даетъ здраво и просто взглянуть на жизнь. Намъ, напримѣръ, почему-то стыдно пойти въ театръ за рубль и изъ послѣдняго мы тянемся въ первый рядъ. Знай, молъ нашихъ!

То съ нахмуреннымъ челомъ и кислой миной выразимъ недовольство всему видѣнному, хотя правильная оцѣнка зрѣлища часто намъ не по мозгамъ. За тѣмъ оканчиваемъ вечеръ, конечно, въ лучшемъ ресторанѣ, гдѣ не ограничимся скромной закуской и кружкой пива, или, упаси Богъ, стаканомъ чая. Лакеи засмѣютъ! Подавай шампанскаго! Лакеи сейчасъ забѣгаютъ подобострастно. Оно и лестно, хотя завтра, быть можетъ, придется голодать. Сдерживать свои аппетиты и желанiя мы не привыкли; унижаться до просьбы, не позволяетъ намъ самолюбiе и гордость. Отсюда полное разочарованiе и недовольство жизнiю, доходящее иногда до такихъ печальныхъ результатовъ, какъ самоубiйство!

Бросивъ бѣглый взглядъ на современную жизнь, невольно вспоминаешь прошлое, сравнивая его съ настоящимъ. Говорятъ, старики всегда хвалятъ прошлое. И они правы, потому что въ доброе старое время проще и сердечнѣе жили люди, безискуственнѣе были ихъ отношенія, а, главное, рѣдко кто вылезалъ изъ своей рамки. Такого отщепенца, бывало, поднимали на смѣхъ, часто не стѣсняясь его присутствіемъ. Теперь-же изъ-за угла судачатъ и перемываютъ всѣ косточки, а, встрѣтясь, лебезятъ, съ улыбкой жмутъ руку, и самымъ задушевнымъ тономъ завѣряютъ въ искренности чувствъ. Добро-бы нужда заставляла, нѣтъ, сплошь и рядомъ, безъ всякой нужды, а просто по привычкѣ подличать и лакействовать. Бобчинскій и Добчинскій не переводятся и по настоящій часъ. Правда, явилась уже и привычка никому и ничему не вѣрить и если встрѣтится оригиналъ, который искренно отнесется къ нуждѣ ближняго, на него посмотрятъ какъ на ненормальнаго субъекта, а то и проще, обзовутъ дуракомъ.

Не забуду одного близко мнѣ знакомаго въ Петербургѣ, занимавшаго значительный постъ въ одномъ изъ министерствъ, человѣка съ прекрасной чуткой душой, нѣкоего Г.....

Проходя по улицѣ, Г., будучи охотникомъ, засмотрѣлся на оружейный магазинъ. За его спиной встрѣтились два пріятеля неожиданно; пошли разспросы: какъ, почему, давно-ли въ Петербургѣ? Одинъ изъ нихъ жалуется другому, что сидитъ въ Петербургѣ давно, хлопочетъ въ министерствѣ (гдѣ служилъ Г.) по своему дѣлу и просто приходитъ въ отчаяніе.

Попавъ въ нечаянные слушатели, Г., обернувшись къ разговаривающимъ, заявилъ, что онъ служитъ въ томъ министерствѣ, и предложилъ истцу зайти въ министерство, сказавъ: „можетъ быть, я вамъ помогу, спросите тамъ меня, я—Г.“.

Въ полномъ недоумѣніи, боясь даже какой нибудь ловушки, истецъ отправился на другой день въ Министер-

ство и къ великому своему удивленію увидѣлъ въ Г. не послѣднюю сошку, а человѣка дѣйствительно могущаго помочь въ бѣдѣ. Дѣло подвинулось быстро и Г. чрезъ небольшой срокъ времени поздравилъ истца, явившагося въ министерство снова, съ благополучнымъ окончаніемъ его дѣла.

Справившись въ Министерствѣ о квартирѣ Г. истецъ рѣшилъ пойти къ нему на домъ, поблагодарить за дѣятельное участіе съ мыслію, при удобномъ случаѣ, предложить дѣйствительную благодарность. Понявъ намеки, Г. наотрѣзъ отказался отъ вещественной благодарности и, наконецъ, на неотступныя просьбы, хотя-бы чѣмъ нибудь выразить признательность, Г., наконецъ, сказалъ; „вы Костромской помѣщикъ, при случаѣ, если будете въ Петербургѣ, привезите мнѣ пару костромскихъ гончихъ щенятъ", имѣя въ виду сдѣлать сюрпризъ моему брату Ф. П., какъ горячему охотнику. На бѣду Г., ему благодарный кліентъ прислалъ не щенятъ, а цѣлую стаю костромскихъ гончихъ, съ которыми Г. не зналъ куда дѣваться и отдалъ ихъ намъ.

Замѣчательная доброта, и чуткость къ нуждѣ ближняго, самое искреннее желаніе помочь всякому, всѣ эти прекрасныя душевныя качества ставились, однако, чуть не въ упрекъ незабвенному Г., служа подчасъ ему насмѣшкой! Таковы люди!

Я уже упоминалъ о братѣ нашей матери Александрѣ Борисовичѣ Подобѣдовѣ, командовавшемъ образцовой батареей въ тридцатыхъ, кажется, годахъ.

Онъ былъ женатъ на Четвериковой, сестрѣ помѣщиковъ Четвериковыхъ. Имъ принадлежали имѣнія: въ Звенигородскомъ уѣздѣ-Почапинцы съ сахарнымъ заводомъ, современникомъ завода Гр. Бобринскаго т. к. въ одной польской повѣсти упоминается о контрактовой ярмаркѣ, бывшей до Кіева въ Дубно, Волынской губ., куда Четвериковы привозили свой сахаръ для продажи; а въ Кіевскомъ уѣздѣ с. Ставы съ винокуреннымъ заводомъ.

Четвериковыхъ было пять братьевъ: Михаилъ, Александръ, Павелъ, Василій и Филиппъ и три сестры: Варвара, Александра и Екатерина. Ихъ отецъ Филиппъ Прохоровичъ былъ вице-губернаторомъ въ Кіевѣ въ Александровскую эпоху. Всѣ братья Четвериковы умерли холостыми, если не считать Василія Филипповича, бывшаго нач. XI окр. Пут. Сообщ. въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, женатаго на Шафонской, потерявшаго вскорѣ жену, затѣмъ ребенка и умершаго въ своемъ тоже родовомъ Четвериковыхъ имѣніи Куракинѣ, Калужской губ.

Мать Четвериковыхъ была изъ рода Дурасовыхъ, вотъ почему у нихъ были имѣнія и въ Великороссіи, кромѣ Куракина и другія, но о тѣхъ я только слыхалъ, въ Куракинѣ-же былъ лично. До чего было укоренившееся предубѣжденіе и недовѣріе крестьянъ къ помѣщику служитъ тотъ фактъ, что В. Ф. Четвериковъ будучи добрымъ, заботливымъ помѣщикомъ, при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, дарилъ на добрую о себѣ память своимъ курокинцамъ пятьсотъ десятинъ заливныхъ луговъ сверхъ надѣла. Крестьяне сначала горячо начали благодарить, а потомъ наотрѣзъ отказались принять великодушный подарокъ. Мотивомъ отказа было подозрѣніе, что если даритъ 500, то навѣрно по закону слѣдуетъ вдвое. Имѣніе это впослѣдствіи было продано послѣднимъ изъ братьевъ—Филиппомъ Филипповичемъ. Изъ трехъ сестеръ только одна Варвара Филипповна была замужемъ за нашимъ дядей А. Б. Подобѣдовымъ, жила не долго, оставивъ двухъ дѣвочекъ Екатерину и Варвару на попеченіи своихъ сестеръ Александры и Екатерины Четвериковыхъ. Принявъ на себя этотъ долгъ, онѣ свято его выполнили, несмотря на блестящія партіи, замужъ не вышли, всецѣло посвятивъ себя воспитанію племянницъ. Меня это тѣмъ болѣе удивляло что младшая Четверикова Екатерина Филипповна была замѣчательно красива, симпатична и безконечно добра. Онѣ жили въ Петербургѣ съ малютками племянницами и ихъ отцомъ,

пока онъ служилъ, а по выходѣ его въ отставку, переселились вмѣстѣ съ нимъ въ свои „милыя Ставы“.

Живя въ Петербургѣ, дядя былъ еще не старымъ вдовцомъ; переписываясь съ нимъ, мой отецъ, шутя предлагалъ себя ему въ сваты и вотъ изъ подъ его пера явился:

„Икаръ Украины“ *).

Чи вдастця гарно, чи не гарно,
А вже тоби не спать, Ганно,
Колы взялася мишокъ шить.
Такъ и мини теперь пришлося,
Бо таке дило завелося,
Що й сонъ моихъ очей бижыть.

Бачь, зативаю те зробыты,
Щобъ всихъ на дыво удывыты,
Начудыть Питеръ и Москву.
И всю Нимоту, що литае,
Да изъ гасивъ шари пускае
Посадыть, якъ на леду.

Задумавъ я, по сій дорози,
Постановыты пичь на вози,
А воламъ крыла пидвязать.
Волы будуть зъ пичью летиты,
А люде бигтымуть гледиты,
А я—цобе, да цобъ, казать.

А жинка буде пичь топыты,
Готовить, стряпать и варыты,
Щобъ голоду не постричать.
Бо край у Васъ, кажуть, прохладный,
А москали до грошей жадны,
Хохливъ готовы обдырать.

---

*) Икаръ—воздухоплаватель.

Дакъ щобъ не тратыть дармо грошы,
Запасъ узявши мы хорошы
Нагрянемо просто до Васъ.

Самъ, парывши у проси спыну
И, просто виконъ, коло тыну,
Спыню волывъ своихъ, якъ разъ.

Тай буду зъ печи вызыраты,
Якъ насъ Вы будете стричаты,
И на мою дивитысь пичь.

За тымъ, кожухъ пидперезавшы,
Пучки до козыря прижавши
Скажу привитлыву Вамъ ричъ;

Могай—Бигъ, здраствуйте, панове,
Почетны, дорогы--сватове,
Чи рады, чи не рады намъ?

Я не пріихавъ исты, пыты,
А зъ тимъ, щобъ дило говорыты
И радисть повистыты Вамъ.

Якъ депутатъ изъ Украины,
Вамъ розскажу про ти новины,
Що тамо діетця у насъ.

Крутня, возня, да крыкъ усюду,
И на юлыци стильки люду,
Трохи не бильше якъ у Васъ!

Колыжъ не можете вгадаты,
То звольте ме́не запытаты,
Зъ чого наставъ веселы часъ?

Це, бачъ, Пылыпивка минула,
Лягла, упала и заснула
И свитъ очей іи погасъ.

Спыть, не дригае ногою,
А мясоидъ изъ ковбасою
На дзыглыку іи седыть.

За мысь воды, смальцемъ умывся,
Въ таки нарядъ принарядывся,
Нема якого и въ панивъ.

Изъ хлякъ въ кирею одягнувся,
Печенымъ саломъ застебнувся,
На бакирь шапка изъ драгливъ.

Сей властелынъ, нехай здоровы,
Давъ свій указъ, законы новы,
Для всихъ звеливъ публиковать:

Дивкамъ звеливъ колядоваты,
А хлопцямъ виршъ слебезоваты
И дило кинувши, гулять.

Вода жъ якъ, каже, освятытця,
То вси хапайтеся женытця,
Законы, бачъ, мои строгы.

Которы-жъ тильки опизнытця,
То масныця, моя сестриця
Колоду вчепыть до ногы.

Хто смилъ, хто дужь женытця хоче,
И хто объ дивчини хлопоче?
Мене поклычъ у старосты!

Мы облетымъ всю Украину,
Таку нагледымо дивчыну,
Якой у Васъ и не найты.

Буде гарна и здорова,
Кругленька, повна, чернброва
И буде скрынька грошотвы.

Хто смилъ, хто дужъ сидай зо мною,
Харчей не бравши изъ собою,
Въ печи моій усе стоить.

Тутъ борщъ до шпундривъ зъ буряками,
У юсци потрухъ зъ галушкàми,
До шкварокъ зъ кашою горщокъ.

Печутця въ ней и паляныци,
Зъ пидлевою въ мисци кислыци
И може съ сотню пампушóкъ.

На припечку-жъ, въ легкому дуси,
Солодки груши въ варенуси
Изъ медомъ у глеку киплять.

Тай пичь моя дуже простирна,
Тéпла, гладисинька и ривна,
Можна лежаты, пыть и спать.

Дядя А. Б. Подобѣдовъ продолжалъ по зимамъ жить въ Петербургѣ уже отставнымъ генераломъ для воспитанія дочерей. Приведу забавный случай недоразумѣнія съ нимъ, благодаря его фамиліи. Заѣхавъ однажды къ своимъ хорошимъ знакомымъ во время ихъ обѣда, онъ приказалъ о себѣ доложить. Лакей былъ новый, не зналъ дяди и на вопросъ, какъ прикажете доложить, велѣлъ сказать: „генералъ Подобѣдовъ". Новый лакей, не разслыхавъ, доложилъ, что пріѣхалъ генералъ обѣдать. Недоумѣвая, господа приказали просить и увидя входящаго Подобѣдова, разразились смѣхомъ. Въ свою очередь, дядя, не понимая такого пріема, обидѣлся; но когда дѣло объяснилось, дѣйствительно пообѣдалъ, пославъ записку домой о случившемся.

Подобѣдовъ жилъ въ тѣсной дружбѣ со всѣми Четвериковыми, какъ и всѣ Четвериковы между собою, но главное съ Михаиломъ Филипповичемъ, съ которымъ они были товарищами по гвардейской батареѣ и Михаилъ Филипповичъ былъ устроителемъ свадьбы своей сестры съ Подобѣдовымъ. Однако, въ отношеніяхъ членовъ семьи между собою съ виду казалась натянутость и холодность на столько они были корректны. Братья Четвериковы хотя и были на „ты", но именовали другъ друга по имени и отчеству, съ сестрами-же почти всегда на „вы", внимательны и предупредительны точно посторонніе. Имѣнія были нераздѣльны: въ пользованіи братьевъ Почапинцы, а у сестеръ—Ставы. Дядя Подобѣдовъ рас-

поряжался Ставами, какъ опекунъ въ части своихъ дочерей, такъ и по довѣренности частей свояченницъ. Раза два онъ навѣщалъ насъ въ Грузской и гостилъ по нѣсколько дней. У насъ тоже произошелъ инцидентъ по поводу обѣда: его почти каждый день кормили перепелками, составлявшими его любимое блюдо. Не имѣя понятія объ охотѣ, онъ обратился къ отцу съ укоромъ, говоря, что пріѣзжаетъ не за тѣмъ, чтобы разорять родныхъ, что онъ и побогаче, однако не позволяетъ себѣ каждый день такой роскоши, какъ перепелки.

Отецъ всталъ изъ-за стола, принесъ перепилиный монокъ, и показавъ его употребленіе, разсказалъ объ этой охотѣ. Дядѣ такъ это понравилось что въ тотъ-же вечеръ онъ отправился съ отцомъ на ловлю перепеловъ, а уѣзжая выпросилъ у отца монокъ, надѣясь у себя въ Ставахъ примѣнить его. Спустя много лѣтъ, тотъ монокъ отдалъ мнѣ дворецкій Ставянскаго дома, старикъ изъ крѣпостныхъ Антонъ Петровичъ, говоря: „вотъ вамъ память вашего батюшки и разсказалъ исторію какъ покойный генералъ привезъ его, но не умѣлъ передать его употребленія Антону Петровичу, и монокъ оставался безъ употребленія до моего появленія въ Ставахъ.

Важно, какъ старые слуги берегли господское добро и А. П. былъ образцомъ вѣрнаго слуги. При этомъ случаѣ скажу нѣсколько словъ о многочисленной ставянской дворнѣ и ея представителѣ Антонѣ Петровичѣ.

Это былъ своего рода типъ, какихъ теперь, пожалуй, не встрѣтишь. Всѣ они были великороссы, безъ исключенія грамотные, прекрасно сохранившіе великорусскій языкъ, держались особнякомъ отъ мѣстныхъ крестьянъ, относившихся къ нимъ какъ къ высшему сословію. Въ ихъ манерѣ и отношеніяхъ къ господамъ не было и тѣни раболѣпія и низкопоклонничества, къ сожалѣнію, исторически сложившагося у мѣстнаго крестьянства. Эта великорусская колонія бросалась въ глаза каждому, кто бывалъ въ Ставахъ.

Швеи и портнихи помимо своего искусства представляли собою рѣдкій цвѣтникъ. А. П., какъ дворецкій, былъ, конечно, первымъ лицомъ въ господской усадьбѣ, о его безграничной преданности и священномъ отношеніи къ господскому добру, конечно, нечего и говорить. Держась съ большимъ достоинствомъ, скупой на слова, онъ питалъ большую слабость къ перепискѣ. Доклады по своему управленію излагалъ всегда въ рапортичкахъ, неукоснительно помѣченныхъ датой съ собственноручной подписью «Антонъ Петровъ», хотя-бы дѣло шло о присылкѣ фуры соломы изъ экономіи.

Скупъ на господское добро былъ до крайности, даже для самихъ господъ. Бывало на приказаніе подать къ столу бутылку вина или портера, кротко отвѣчаетъ: «нѣту-съ», и наровитъ скрыться; но на другой-же день случится гость, заслуживающій по мнѣнію А. П. вниманія, онъ тутъ-какъ тутъ и улучивъ минуту въ полъ-голоса предлагаетъ хозяину: „не прикажите-ли подать портера?“.

— Да вѣдь ты-же говорилъ вчера что портеръ вышелъ, отвѣчаетъ хозяинъ.

— „Бутылочка найдется-съ“ отвѣчаетъ невозмутимо А. П.

Такихъ бутылочекъ и чего угодно у него всегда „найдется“, какъ въ мѣшкѣ фокусника, когда дѣйствительно нужно.

Помню его душевныя терзанія въ 1863 году, когда, боясь безпорядковъ Польскаго возстанія, Четвериковы (сестры) выѣхали изъ Ставовъ въ Кіевъ, поручивъ, конечно, А. П. всю усадьбу. Преданный дворецкій, боясь за цѣлость фамильнаго серебра, рѣшилъ его закопать въ саду. Въ глухую темную ночь, конечно, безъ фонаря, ощупью, понесъ онъ драгоцѣнность и закопалъ подъ деревомъ въ цѣлой группѣ тополей.

Когда-же господа вернулись въ усадьбу, старикъ, къ ужасу своему, не могъ найти то дерево, подъ которымъ

былъ его кладъ. Боязнь, что господа заподозрятъ его въ утайкѣ серебра, не давала старику спать и доводила его до отчаянія. На неоднократное приказаніе доставить серебро, трепеща въ душѣ, но сохраняя наружное спокойствіе, отвѣчалъ свое обычное: „слушаю-съ“, продолжая по ночамъ рыться подъ тополями и, наконецъ, нашелъ свой кладъ. Много лѣтъ спустя онъ мнѣ разсказывалъ о своемъ злоключеніи и пережитыхъ волненіяхъ.

Миръ праху твоему, честная душа!

Равно какъ и твоей кроткой подругѣ жизни, Аннѣ Никитичнѣ. Вы оба были вѣрны своему долгу до могилы.

Современное барство сплошь и рядомъ жалуется, что такихъ вѣрныхъ слугъ, какъ были въ доброе, старое время,—нѣтъ! И совершенно вѣрно, нѣтъ! Но нѣтъ и тѣхъ баръ! Нынѣшніе господа не хотятъ и не умѣютъ воспитать себѣ прислугу. Пословица говоритъ; „терпѣніе и трудъ все перетрутъ“. Отюда—надо быть терпѣливѣе и снисходительнѣе къ людямъ и строже къ самимъ себѣ.

Всмотритесь въ личность, явившуюся на вашъ зовъ, занять мѣсто лакея или горничной, въ ея глазахъ свѣтится готовность служить вамъ всей душой. Не говорю, конечно, объ исключеніяхъ, нерѣдко являются даже злоумышленники подъ видомъ прислуги, но большинство идетъ на службу съ самыми искренними желаніями. Не забывайте, что трудъ домашней прислуги, обязанной быть на чеку всѣ двадцать четыре часа въ сутки,—каторжный трудъ! Вы-же съ перваго дня службы требуете совершенства, не давая даже оглядѣться ему въ новомъ своемъ положеніи, присмотрѣться къ порядкамъ вашего дома, вашимъ требованіямъ, вкусамъ, привычкамъ, сразу показываете нетерпѣніе, недовольство, раздражаетесь его неловкостью и, такимъ образомъ, сразу уже охлаждаете его готовность ревностно служить вамъ, мало того вы становитесь чуть не во враждебныя отношенія. Помимо охлажденія, у него является увѣренность, что вамъ невозможно угодить и дѣло испорчено въ конецъ. Сверхъ того, часто

мѣняясь, прислуга разноситъ о васъ дурную славу, какъ о капризномъ и сердитомъ баринѣ. Нанимая прислугу, вы неизбѣжно спросите у кого и сколько данный субъектъ прослужилъ. Рѣдко получите отвѣтъ: нѣсколько лѣтъ; обыкновенно-же—полъ-года, много—годъ. На замѣчаніе, что такъ мало, отвѣчаетъ: на него не угодишь. Я видѣлъ много примѣровъ, гдѣ вначалѣ плохая прислуга, при терпѣніи и снисходительности господъ, вырабатывается до неузнаваемости, она сливается постепенно съ вами, проникается вашими интересами до нераздѣльности ихъ и уже говоритъ: „мы, у насъ“, и когда обстоятельства заставятъ его покинуть васъ, горе неподдѣльно. Въ большинствѣ случаевъ такимъ примѣромъ служатъ деньщики, а они поступаютъ въ услуженіе къ офицерамъ очень часто не по своей охотѣ.

Возвращаясь къ прошлому, раскажу какъ я попалъ въ Ставы. Мать наша много лѣтъ раньше дала обѣтъ во чтобы то не стало сходить пѣшкомъ въ Кіевъ, поклониться св. Угодникамъ и вотъ по какому важному въ ея жизни событію и поводу. Мы съ братомъ были лѣтъ 5 и 7 когда мать заболѣла водяной, болѣзнь продолжалась около года. Отецъ, что называется, выбился изъ силъ, возилъ докторовъ, которыхъ въ тѣ времена было мало, но гдѣ только бывало не услышитъ о докторѣ, спѣшитъ за нимъ. Наконецъ, одинъ какой-то, говорили, генералъ-докторъ, по неотступной просьбѣ отца пріѣхавшій, осмотрѣвъ больную, сказалъ, безъ обиняковъ: „оставьте всѣ хлопоты, покоритесь неизбѣжной участи, больная должна умереть, а мы — не Боги“. Отчаяніе отца, было ужасно. Но вотъ, кто-то изъ знакомыхъ порекомендовалъ обратиться въ с. Пироговку, (теперь ст. ж. д.), гдѣ жила простая баба, имѣвшая, однако, извѣстность по искусству вылѣчивать отъ водяной. Отецъ, какъ потомъ часто вспоминалъ, поѣхалъ за бабой, такъ сказать, для очищенія совѣсти, и, при трудности, положенія больной, боясь даже, что возвратясь, можетъ не застать ее въ живыхъ, поручилъ домъ сосѣдямъ старикамъ Скоби-

чевскимъ—мужу и женѣ. Отлично помню картину при возвращеніи отца съ лѣкаркой: у постели больной горѣла восковая свѣча, только что окончилось чтеніе отходной; встрѣтя священника, отецъ подумалъ, что все кончено и, вопросительно глядя на него, пріостановился. Священникъ поспѣшилъ успокоить его, что мать наша еще жива. Лѣкарка тотъ-же часъ просила позволенія взглянуть на больную и ушла къ ней; отецъ облокотился на столъ и задумался. Баба скоро вышла отъ больной и съ бодрымъ видомъ произнесла: „якъ вона вмре,—дамъ свою голову одрубать на порози“! (порогѣ). Отецъ отвѣчалъ: а де-жъ моя голова буде, якъ твою одрубаю? Баба весело продолжала: „ну, на пятьдесятъ нагаекъ!“ Отецъ поддался веселому настроенію бабы, говоря: „це друге дило, личи, побачимъ“. Наваривъ своего зелья, которое всегда имѣлось у нея въ запасѣ (корень какой-то травы, исключительно растущей на мѣловыхъ горахъ, около Пироговки) и дала выпить больной небольшую чайную чашку. Лѣкарство немедленно оказало свое дѣйствіе: вода буквально полилась въ видѣ мочи въ огромномъ количествѣ, опухоль отъ головы видимо отпала, но само лѣкарство такъ было отвратительно для больной, что бѣдная мать, несмотря на свой кроткій нравъ, отказалась не только принимать лѣкарство, но даже видѣть не хотѣла бабу, а съ ней и отца, привезшаго эту мучительницу, говоря, что лучше смерть, чѣмъ муки отъ лѣкарства. Такъ прошла недѣля. Бабѣ надоѣло сидѣть у насъ и она заявила отцу, что ей нечего дѣлать, если больная не желаетъ лѣчиться. Помню, какъ отецъ ставъ у кровати больной на колѣни вмѣстѣ съ нами просилъ ее продолжать пріемы, хотя-бы по чайной ложкѣ. Внявъ нашимъ просьбамъ, да и острота перваго впечатлѣнія пріема лѣкарства, вѣроятно, нѣсколько изгладилась, мать начала пить по чайной ложкѣ. Вода продолжала отходить, и мать чрезъ мѣсяцъ поднялась на постели, а чрезъ два уже ходила по комнатѣ. Отецъ плакалъ отъ радости. Едва передвигая ноги, поддерживае-

мая отцомъ, мать подошла къ образу и набожно крестясь, дала обѣтъ сходить на богомолье въ Кіевъ. Интересно, что лѣкарка завѣщаетъ своимъ паціентамъ во всю жизнь не ѣсть рыбы—щуки, свѣжихъ огурцовъ и чеснока, предупреждая что болѣзнь вернется и ея чудное лѣкарство уже не поможетъ. Старуха пользовалась большою извѣстностью.

Одинъ помѣщикъ, ея паціентъ, выкупилъ ее изъ крѣпостной зависимости, подарилъ ей кусокъ земли и устроилъ ей полное хозяйство.

Приведу слѣдующій опытъ съ тѣмъ лѣкарствомъ лѣтъ чрезъ тридцать, если не болѣе. Въ Петербургѣ жилъ нашъ хорошій знакомый, человѣкъ со средствами, Н. В. Вельяшевъ, охотникъ.

Его любимецъ пойнтеръ заболѣлъ, по опредѣленію ветеринаровъ, водянкой. Зайдя къ нему, при видѣ больной собаки, братъ мой предложилъ Вельяшеву попробовать лѣкарство изъ Пироговки, разсказавъ исторію болѣзни и лѣченія нашей покойной матери. Тутъ-же было написано письмо въ Пироговку волост. старшинѣ съ приложеніемъ десяти руб. и просьбой о лѣкарствѣ. Въ скоромъ отвѣтѣ старшины говорилось, что лѣкарка существуетъ — дочь знаменитости, но что лѣкарство почти все израсходовано, по случаю зимы его достать нельзя, а посылается только небольшой его пакетикъ, остатокъ запаса. Братъ мой сейчасъ-же приступилъ къ лѣченію. Сварили лѣкарство и залили въ ротъ больной собакѣ. И вотъ, странное явленіе: во всѣхъ четырехъ пяткахъ прорвалась кожа и вода обильно потекла. Опухоль уменьшилась но, увы, лѣкарства больше не было и собака околѣла. При этомъ удобномъ случаѣ поставлю упрекъ нашимъ врачамъ, кому изъ нихъ я только не разсказывалъ объ этомъ чудодѣйственномъ лѣченіи? Вѣдь, кажется, Пироговка не за горами, да еще со ст. ж. д. Ради страждущаго человѣчества, даже ради собственнаго любопытства почему не поѣхать? Мой совѣтъ врачу, рѣшивше-

муся ѣхать въ Пироговку не называться докторомъ. Я помню старуху, лѣчившую мою мать и говорившую: „самого чорта не такъ боюсь, якъ тихъ ликарствъ.“ Вѣроятно, у нея были основанія боязни и полагаю что вмѣстѣ съ секретомъ лѣченія она передала своей наслѣдницѣ и страхъ предъ докторами.

Помимо практическаго значенія разсказа о болѣзни и лѣченіи моей покойной матери, даю понять и о томъ сердечномъ ея влеченіи съ какимъ она стремилась, глубоко вѣрующая, исполнить свой обѣтъ, поклониться Кіевской Святынѣ. При жизни отца это ей не удавалось, но послѣ его смерти, ее неудержимо потянуло въ Кіевъ, она только ожидала окончанія моихъ экзаменовъ и ученія. Уѣздное Кролевецкое училище я окончилъ съ наградой, которую и представилъ матери въ видѣ Краткаго учебника Рус. Исторіи Устрялова, но аттестатъ смотритель задержалъ, сказавъ мнѣ: „скажи матери, чтобы сама пріѣхала за аттестатомъ да кстати и мѣшокъ борошна (муки) привезла“. Мать отвѣтила мнѣ, что это успѣется по возвращеніи изъ Кіева, а на богомолье можно ѣхать и безъ аттестата. Слава Богу, что окончилъ. Теперь въ Кіевъ. Сборы были не долги и мы отправились въ дальній путь съ одной пожилой сосѣдкой, ея фамилію, не скажу, чтобы я забылъ, а, вѣроятно, никогда и не слыхалъ. Звали ее Варвара Степановна, я же въ дѣтствѣ называлъ ее Варваровна Степановна. За нами шла собственная подвода въ одну лошадку (буланчикъ, симпатичный былъ конекъ) съ крѣпостнымъ парнемъ Гордіемъ, простоватымъ и глуховатымъ. Путешествіе тянулось очень долго, мать была слабосильна, тѣмъ не менѣе во всю дорогу ни разу не присѣла на повозку и пришла въ самую Лавру, какъ обѣщала, пѣшкомъ. Въ Лаврѣ мы прожили недѣлю, говѣли, затѣмъ поѣхали съ матерью представляться въ качествѣ родственниковъ къ Павлу Филипповичу Четверикову, бывшему въ то время начальникомъ X окр. Пут. Сообщ. въ Кіевѣ. Приняты были

очень внимательно. П. Ф. какъ и вся семья Четвериковыхъ зналъ мою мать еще дѣвушкой въ Петербургѣ, когда она жила у брата своего А. Б. Подобѣдова и уѣхала оттуда на родину только потому, что не выносила Петербургскаго климата. По совѣту Четверикова, мать свою подводу и компаніонку „Варваровну Степановну,“ какъ я ее называлъ, отправила домой, а насъ съ матерью Четвериковъ на своихъ лошадяхъ отправилъ въ Ставы, гдѣ въ то время жили сестры Четвериковы Александра и Екатерина Филипповны съ племянницами Екатериной и Варварой Александровнами Подобѣдовыми, послѣ смерти ихъ отца послѣдовавшей отъ холеры въ 1852 г., навсегда покинувъ столицу. Здѣсь послѣ Грузской мнѣ все показалось раемъ. Послѣ двухъ недѣль, сплошного для меня праздника въ Ставахъ, промелькнувшихъ какъ волшебный сонъ, пришло время отправляться во свояси. Насъ провожала до Кіева незабвенная Екатерина Филипповна. Наконецъ, настала минута сказать послѣднее прости всему, что меня такъ очаровало. Какъ нельзя болѣе рельефно представилась мнѣ вся наша будничная, сѣренькая неприглядность Кролевца и Грузской послѣ Кіева и Ставовъ и я, что называется, ударился въ слезы.

Видя мое горе, добрая Екатерина Филипповна быстро вышла въ кабинетъ къ Павлу Филипповичу, вскорѣ вернулась и обратясь къ моей матери сказала: „Александра Борисовна, оставьте Сашу у насъ, мы говорили съ П. Ф. и, можетъ быть, что нибудь сдѣлаемъ для него.“ Я просіялъ. За то бѣдная мать задумалась. Дорогая моя, добрая мать! Ей ясно представлялась будущность для ея сына здѣсь и тамъ! минута колебанія, она заплакала, проговоривъ: „можетъ такъ лучше, оставайся,“ обняла и благословила меня. Слишкомъ очарованный я не чувствовалъ, не подозрѣвалъ что это было послѣднее благословеніе, послѣдній поцѣлуй моей дорогой матери. Она уѣхала одна и я больше уже ее не видалъ! Даже въ родное наше гнѣздо, покинутое мною съ

юныхъ лѣтъ, я только одинъ разъ заглянулъ и то при самыхъ несчастныхъ обстоятельствахъ. Пріѣхавъ въ отпускъ изъ Корпуса на Свѣтлый Праздникъ, я даже не подозрѣвалъ, что не застану въ живыхъ дорогой моей матери! Ударъ былъ такъ неожиданъ, что я почти онѣмѣлъ и рыдая упалъ въ объятія тоже рыдающаго брата, встрѣтившаго меня на порогѣ.

Братъ, извѣщенный о тяжелой утратѣ мѣстнымъ священникомъ, пріѣхалъ днемъ раньше меня изъ Чернигова, гдѣ онъ уже состоялъ на гражданской службѣ.

Тяжелъ для насъ былъ Свѣтлый Праздникъ!

Погоревавъ, поклонясь роднымъ могиламъ, мы простились, и я вернулся въ Корпусъ.

Спустя болѣе десяти лѣтъ, братъ наконецъ собрался провѣдать „батьковщину“, оставленную на произволъ судьбы. Оказалось, что въ долговременное наше отсутствіе происходило въ Черниговской губерніи пресловутое „Полюбовное Размежеваніе“. Но такъ какъ съ нашей стороны никого не было, то наше наслѣдство „полюбовно“ почти все разобрали добрые люди, и братъ мой продалъ остатки, почему-то ни кѣмъ не взятые „полюбовно“, за полторы тысячи рублей, избѣжавъ, хотя съ большимъ убыткомъ, полюбовныхъ встрѣчъ. Быть можетъ и къ лучшему. По крайней мѣрѣ я радъ за брата, потому что, при его горячности, онъ могъ очень легко попасть въ дѣйствующія лица популярной въ то время каррикатуры, изображавшей послѣдствія „Полюбовнаго Размежеванія“: встрѣчаются два пріятеля—одинъ въ истерзанномъ до невозможности видѣ, со свернутой на сторону скулой; участливо спрошенный другомъ, „откуда Вы, дорогой Иванъ Ивановичъ, въ такомъ ужасномъ видѣ?!!

Съ „Полюбовнаго!“, отвѣчалъ размежеваный, поддерживая рукой разбитую скулу!....

Возвращаясь къ Ставамъ, гдѣ вполнѣ замѣнила мнѣ родную мать добрая, сердечная и въ высшей степени де-

ликатная Екатерина Филипповна, взявшая меня подъ свое покровительство и на свою отвѣтственность. Вѣчная тебѣ память, моя вторая мать!

Такимъ образомъ я попалъ въ семью Четвериковыхъ и зажилъ что называется вольнымъ казакомъ, занимаясь въ Ставахъ только французскимъ языкомъ и то очень мало, больше гулялъ, охотился, разлѣнился и.... и распустился....

Начались хлопоты по опредѣленію меня въ Кіевскій Кадетскій Корпусъ. Время летѣло быстро пока получилось разрѣшеніе принять меня на дворянскій счетъ. По годамъ я долженъ былъ поступить уже въ 5-й общій классъ, послѣдній передъ двумя спеціальными классами, откуда кадеты выходили офицерами.

Мнѣ предстоялъ почти непосильный трудъ, въ какихъ нибудь полгода пройти чуть не весь гимназическій курсъ, чтобы приготовиться къ экзамену въ 5-й общій кл.. Пополамъ съ грѣхомъ я выдержалъ экзаменъ и надѣлъ кадетскую куртку, но безъ погонъ. Новичку—рекруту погоны давались по усвоеніи ружистики и маршировки въ „три пріема", эту рекрутскую школу я прошелъ скоро и надѣлъ погоны, получивъ крещеніе, т. е. Тушинскій (старый кадетъ) избилъ меня порядкомъ, сказавъ; „теперь ты кадетъ!" я хотя и получилъ это лестное званіе но въ классахъ совсѣмъ растерялся. Что быстро хваталъ, готовясь къ экзамену, то такъ-же быстро и испарилось. Въ головѣ стоялъ какой-то сумбуръ. Такъ прошелъ первый годъ моего пребыванія въ Корпусѣ. Въ 1860 году многихъ стариковъ, засидѣвшихся въ Корпусѣ выпускали въ гарнизонъ (бывшіе баталіоны внутренней стражи) пропорщиками изъ 5-го общ. класса и я рѣшилъ что даже недурно, пробывъ годъ въ Корпусѣ попасть въ офицеры; пристроясь къ этой партіи, въ сихъ видахъ, я пошелъ къ директору Генералу Фонъ-Вольскому проситься въ горнизонъ. Однако, директоръ принялъ меня далеко не по офицерски, ужасно раз-

сердясь, грозилъ даже выпороть и приказалъ отправиться подъ арестъ на хлѣбъ и воду, крича: „ты можешь учиться, я тебя заставлю учиться!“...

Надо было покориться, но учиться какъ слѣдуетъ при полномъ желанiи и сознанiи я не могъ. Фундамента научнаго у меня не было. Оставшись на 2-й годъ въ 5 общ. кл. я кое какъ поправился, даже получилъ ефрейтора, не оставаясь болѣе въ классахъ, окончилъ Корпусъ въ 1863 г. и былъ выпущенъ прапорщикомъ въ Каргопольскiй драгунскiй полкъ, расположенный въ Дубно и Радзивиловѣ. Послѣ Высочайшаго приказа и обмундировки, насъ выпускныхъ привели къ присягѣ предъ Корпуснымъ знаменемъ, выдали подорожныя и прогонныя съ приказанiемъ немедленно ѣхать къ своимъ частямъ, потому что Край и войска были на военномъ положенiи по случаю Польскаго Возстанiя.

Говоря о воспитанiи въ К. В. К. К., которымъ я обязанъ всецѣло семейству Четвериковыхъ и оставаясь признательнымъ во всю свою жизнь этимъ людямъ, считаю своимъ долгомъ помянуть священную для меня ихъ память добрымъ и благодарнымъ словомъ.

Это были рыцари въ полномъ значенiи слова: „безъ страха и упрека.“

Старшiй, Михаилъ Филипповичъ, другъ и товарищъ нашего дяди Подобѣдова, служилъ очень недолго и вышелъ въ отставку по настоянiю своей матери (урожденной Дурасовой), у которой были собственныя имѣнiя, въ Калужской и другихъ губернiяхъ, и для присмотра за которыми въ помощь ей, а равно и въ заботахъ по воспитанiю младшихъ братьевъ и сестеръ, онъ былъ необходимъ. Въ семейномъ архивѣ, который къ сожалѣнiю сгорѣлъ, я видѣлъ собственноручное расписанiе, (твердымъ крупнымъ почеркомъ) матери Четвериковыхъ для Мих. Фил., гдѣ, въ какихъ вотчинахъ, что сдѣлать и на что слѣдовало обратить вниманiе хозяйскаго глаза. Однако, онъ былъ скорѣе каби-

нетнымъ человѣкомъ, суровый, недоступный, недовѣрчивый, онъ долго присматривался къ тому съ кѣмъ имѣлъ дѣло; но разъ увѣрившись, готовъ былъ отдаться ему всей душой. Когда уже вся семья была на своихъ ногахъ, онъ поселился въ Москвѣ и тамъ увлекался литературой. Есть его переводъ Фауста подъ псевдонимомъ „Михаила Семперверо." Это изящное изданіе привлекало мое вниманіе своими картинками, когда я, будучи еще мальчикомъ, до поступленія въ Кадетскій Корпусъ, жилъ въ Ставахъ и заглядывалъ тамъ въ библіотечные шкафы, куда проникать офиціально имѣлъ строгій запретъ.

Однако, неожиданная смерть одного изъ братьевъ, Александра Филипповича, единоличнаго распорядителя въ Почапинцахъ, заставило М. Ф. немедленно покинуть Москву и вмѣстѣ съ младшимъ своимъ братомъ Филиппомъ Филипповичемъ переселиться на хозяйство въ Почапинцы, куда подъ ихъ начало попалъ и мой братъ Федоръ Прокофьевичъ.

При этомъ я долженъ рѣзко перейти къ разсказу о своемъ братѣ, т. к. онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ періодъ совмѣстнаго распоряженія владѣльцевъ, братьевъ Четвериковыхъ своимъ имѣніемъ—Почапинцами.

Сначала, поступивъ въ Черниговскую Казенную Палату на службу, братъ мой, Ф. П. вскорѣ убѣдился, что дослужиться какого либо обезпеченнаго положенія немыслимо для него. Отъ человѣка уже требовалось по крайней мѣрѣ гимназическаго аттестата, т. е. образовательнаго ценза, безъ котораго можно было умереть не болѣе какъ столоначальникомъ и то при условіи изученія въ совершенствѣ курса канцелярской премудрости, равно полнаго знанія на какой полкѣ, за какимъ номеромъ и противъ какой щели въ архивномъ шкафу лежитъ данное дѣло. Бросивъ службу, братъ пріѣхалъ въ Кіевъ просить П. Ф. дать ему возможность другой службы, хотя-бы частной, но обезпечивающей существованіе. П. Ф. отправилъ его въ Почапинцы къ М.

Ф. это назначеніе состоялось тоже, какъ и моя судьба при участіи доброй Екатер. Филип.

Братъ пріѣхалъ въ Кіевъ на собственной лошади, отличномъ караковомъ битюжкѣ „Шамилѣ" въ небольшой русской тележкѣ съ ружьемъ, собакой и всѣмъ своимъ небольшимъ скарбомъ. Снабженный письмами отъ П. Ф. и Е. Ф. онъ поѣхалъ въ Почапинцы; однако, несмотря на рекомендаціи былъ принятъ сухо; было приказано отвести комнату и болѣе ничего. Прошло два дня полной неизвѣстности. Братъ, хотя и предупрежденный о нравѣ М. Ф., все таки недоумѣвалъ. Наконецъ позвали къ М. Ф. сидящему на балконѣ. Явился. Указывая на лежащій въ полуверстѣ лѣсъ М. Ф. сказалъ: „потрудитесь Ф. П. пойти срубить мнѣ вотъ это дерево съ кривой толстой вѣткой вправо." Не понимая цѣли такого порученія, тѣмъ болѣе не имѣя возможности разсмотрѣть указываемое дерево, братъ отвѣтилъ: можетъ быть я и вижу то самое дерево, но пока дойду, смѣшаю деревья, тамъ оно мнѣ представится другимъ, а во избѣжаніе ошибки я принесу Вамъ шестъ, повязавъ на него носовой платокъ въ видѣ флага и когда подойду къ нужному дереву, Вы потрудитесь махнуть мнѣ тѣмъ флагомъ. Но тутъ Четвериковъ, вскочилъ со стула, крикнулъ: „не надо, не надо" и дружески трепля брата моего по плечу повторялъ: „мслодецъ, молодецъ." Оказалось, что это былъ экзаменъ смѣтливости. Затѣмъ братъ сразу завоевавъ симпатіи М. Ф. сдѣлался его атташе и безъ совѣта Фед. Прок. уже не обходилось. Неутомимый, энергичный братъ верхомъ на своемъ проворномъ Шамилѣ поспѣвалъ вездѣ. Видя въ хозяйствѣ много безпорядковъ, принялся энергично искоренять ихъ. Филиппъ Филип. тоже очень полюбилъ брата, но т. к. между Четвериковыми, братьями—хозяевами, часто бывали разногласія по управленію имѣніемъ и сахар. заводомъ, то брату моему была не легкая задача удовлетворять требованіямъ обоихъ. Большею частію, находя среднее или даже свое собствен-

ное, онъ удовлетворялъ того и другого, самъ выростая въ геніальнаго администратора въ глазахъ хозяевъ, и, правду сказать, его здравымъ смысломъ и сметкой Богъ не обидѣлъ. Филиппомъ Фил. былъ поднятъ вопросъ о назначеніи содержанія Фед. Прокоф., дѣло было въ концѣ обѣда. Обѣдали всегда всѣ трое вмѣстѣ. М. Ф. запальчиво вскрикнулъ: „какое содержаніе, кому содержаніе? онъ членъ нашей семьи!“ и обращаясь къ брату моему продолжалъ: „все! слышите Ф. П. все, все что пожелаете!“

Однако, изъ всего, братъ остался не при чемъ!

Надо замѣтить, что дѣло происходило въ 1862 г., время крупныхъ недоразумѣній между крестьянами и помѣщиками вообще. Не понявъ хорошенько уставной грамоты, крестьяне своевольничали, къ тому-же старики помнили Лысянскую гайдаматчину. Брата моего, преслѣдовавшаго безпорядки сильно не взлюбили и рѣшили съ нимъ покончить. Тѣмъ болѣе, что уже примѣръ такой былъ: въ Почапинской церкви поминается и до сихъ поръ „Григорій убіенный“, бывшій управляющій, убитый Почапинскими крестьянами. Въ темную ночь, выгнавъ на владѣльческія поля свой скотъ и расчитывая на горячность брата, что онъ первый явится туда, крестьяне сдѣлали засаду съ кольями въ рукахъ.

Такъ и случилось. Получивъ донесеніе о самовольствѣ крестьянъ, братъ съ экономомъ, вооружась револьверами и съ объѣзчиками поскакалъ туда. Первый ударъ брату дубиной благополучно проскользнулъ только по его спинѣ; и въ нѣсколько прыжковъ „Шамиль“ вынесъ его благополучно изъ опасности, другой злоумышленникъ въ это время размахнулся прямо на эконома Молодецкаго, (фамилія) но тотъ съ возгласомъ; „убью!“ спустилъ курокъ, выстрѣливъ въ упоръ. Послѣ выстрѣла нападающіе разбѣжались. Убитый остался на мѣстѣ, вскрикнувъ одно слово: „убывъ“! Ночь прошла въ тревогѣ. Рано утромъ все село собралось у дома владѣльцевъ съ требованіемъ выдать Котлярова.

Мих. Ф. вышелъ уговаривать толпу, но былъ опрокинутъ ею, толпа ворвалась въ домъ и вынесла брата на рукахъ. Несчастный буквально переходилъ изъ рукъ въ руки свирѣпой толпы, пока еще не рѣшавшей что сдѣлать съ своей жертвой, еще минута и его пожалуй разорвали бы на части. Но въ эту рѣшительную минуту подоспѣлъ волостной старшина Максимъ Лысенко, сдѣлавшій себѣ нѣкоторую извѣстность въ Звенигородскомъ уѣздѣ и наводившій безотчетный страхъ на крестьянъ. Кулаками расчистивъ себѣ дорогу къ брату, онъ взялъ его къ себѣ на бричку и увезъ въ Звенигородку.

Началось слѣдствіе. Брата и эконома Молодецкаго посадили въ тюрьму. Крестьяне подсылали къ эконому съ предложеніемъ отказаться отъ выстрѣла, сваливъ его на Котлярова, расчитывая что Котляровъ будетъ осужденъ за убійство. Но Молодецкій былъ честнымъ человѣкомъ, не сдался на предложеніе. Однако, дѣло окончилось оправданіемъ обоихъ, тѣмъ не менѣе оба изведали тюрьму.

Въ серьезныхъ дѣлахъ не обходится и безъ комизма.

Интересна претензія вдовы убитаго, явившейся хлопотать по начальству, прося самымъ наивнымъ образомъ женить на ней Молодецкаго, а въ крайнемъ случаѣ отдать ей четверку „рябыхъ коней Молодецкаго.“ убившаго ея мужа.

Послѣ этой катастрофы, братъ мой уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, при посредствѣ Павла Филип., служившаго уже тамъ, членомъ совѣта Минист. Пут. Сообщ., поступилъ на службу по Министерству Пут. Сообщ. и получилъ мѣсто кассира на Николаевской Ж. Д. сначало въ Любани, а затѣмъ былъ переведенъ въ Петербургъ, полюбившимъ его Начальникомъ Дороги, Генераломъ Серебряковымъ. Какъ энергичный человѣкъ, желавшій выбиться изъ колеи мелкаго чиновника, онъ удачно заарендовалъ за Охтой большое имѣніе Уткина, съ прекрасными сѣнокосами, и ему сначала очень повезло.

Бросивъ службу, онъ занялся въ Петербургѣ торговлею прессованнымъ сѣномъ въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, закупая его въ Новгородской губерніи, но благодаря случившейся тогда неурядицѣ на Николаевской Ж. Д. въ распредѣленіи поѣздовъ, онъ сильно пострадалъ: цѣлые поѣзда съ его сѣномъ куда-то были такъ запрятаны, что сѣно въ нихъ погнило и пропало. Потерпѣвъ крупную неудачу, покинувъ навсегда Петербургъ, послѣ нѣкоторыхъ перипетій онъ переселился въ Пятигорскъ, гдѣ предается любимому пчеловодству и коневодству и, окружаемый жеребятами, коротаетъ свой одинокій вѣкъ въ ихъ кругу, какъ между любимыми дѣтьми.

Заканчивая разсказъ о Михаилѣ Филипповичѣ скажу не много: вскорѣ послѣ отъѣзда моего брата, онъ тоже покинулъ Почапинцы, переселясь въ Петербургъ, оставивъ на хозяйствѣ меньшого брата Филиппа Филипповича, о которомъ послѣ.

Александръ Филипповичъ былъ, какъ говорится, душа—человѣкъ. Симпатичный, добрый, веселый, очень любимъ крестьянами, служилъ въ гвардейскихъ уланахъ (въ венгерскую кампанію) но не долго. Выйдя въ отставку онъ поселился въ Почапинцахъ, отдавшись хозяйству и, главное, сахарному заводу. Тамъ-же въ заводѣ даже и жилъ, имѣя двѣ комнаты съ выходомъ на прессовую. Пріѣхавъ въ Кіевъ на контракты полубольнымъ, онъ тамъ-же и умеръ. Тѣло его было отвезено послѣ отпѣванія въ Почапинцы. Все село, оплакивая добраго барина, требовало открыть гробъ чтобы проститься съ нимъ, и теперь имя его живетъ въ каждой крестьянской семьѣ с. Почапинецъ, записанное въ поминальную книжку.

Василія Филипповича я почти не зналъ, видѣлъ его нѣсколько разъ, но отлично помню его наружность. Изъ всѣхъ братьевъ онъ выдавался большимъ ростомъ и внушительнымъ своимъ видомъ. Какъ уже сказано, онъ былъ нач. XI округа Пут. Сообщ. въ Могилевѣ на Днепрѣ. Въ

числѣ наградъ, украшавшихъ грудь Василія Филипповича, былъ и крестъ Св. Побѣдон. Георгія 4-й ст. за постройку моста подъ Гроховымъ для переправы нашихъ войскъ во время польскаго возстанія 1831 года. Между прочимъ вотъ что значитъ быть безупречнымъ человѣкомъ, какими были, впрочемъ, и всѣ братья Четвериковы—смѣлы и отважны до героизма. Довольно сказать, что въ тѣ Клейнмихелевскіе времена, когда предъ именемъ могущественнаго графа все дрожало, чуть не два только человѣка не боялись грознаго Клейнмихеля, это братья Четвериковы Василій и Павелъ, находясь въ непосредственной отъ него служебной зависимости. Однажды, по очень важному служебному дѣлу Василій Фил. явился къ графу, требуя доложить о себѣ. Дежурный адъютантъ отвѣтилъ что графъ занятъ и приказалъ никого не принимать. Четвериковъ настаивалъ, повыся голосъ, наконецъ, крикнулъ; „ну я безъ вашего доклада войду“ и направился къ двери кабинета своей твердой поступью.

Вѣроятно графъ слышалъ разговоръ, какъ и грузные шаги приближающіеся къ кабинету, потому что Четвериковъ, войдя въ кабинетъ, засталъ его пустымъ. Не найдя графа въ кабинетѣ, Четвериковъ уѣхалъ. Но графъ, возвратясь въ кабинетъ такъ былъ раздраженъ дерзкой смѣлостью Четверикова, что на бумагахъ, которыя вслѣдъ за тѣмъ подписывалъ, вмѣсто своей фамиліи вездѣ написалъ: „чортъ“, очевидно думая о Четвериковѣ что это не человѣкъ а чортъ, и, къ удивленію всѣхъ, не мстилъ Четверикову. Мнѣ это разсказывалъ Алексѣй Ивановичъ Бедряга, бывшій инспекторъ Тамбовско-Саратовской Ж. Д., какъ очевидецъ тѣхъ бумагъ съ оригинальной подписью, въ архивѣ министерства.

Павелъ Филипповичъ Четвериковъ необыкновенно суровый съ виду, но только съ виду, былъ въ высшей степени добрый, снисходительный къ людямъ и строгій къ самому себѣ.

Пылкій, рѣшительный и неподкупно честный человѣкъ. Всякая ложь возмущала его до глубины души.

Въ тѣ-же Клейнмихелевскіе времена, получивъ назначеніе (въ 1850 г.) въ Кіевъ Начальн. X окр. Пут. Сообщ., онъ обратился къ графу, въ силу неотступныхъ ходатайствъ родныхъ, съ просьбой назначить ему Четверикову въ адъютанты извѣстнаго впослѣдствіи всему Кіеву подъ названіемъ „берегового капитана", начальника дистанціи Константина Константиновича Гирса. И вотъ, при всемогуществѣ графа Клейнмихеля, конноартиллеристъ преобразился въ инженера Пут. Сообщ. и въ качествѣ адъютанта пріѣхалъ съ Четвериковымъ въ Кіевъ. Но вскорѣ за тѣмъ былъ назначенъ Четвериковымъ на Кіевскую дистанцію по Днѣпру, гдѣ и провелъ всю свою долгую службу.

Павелъ Филипповичъ все время своей службы въ Кіевѣ прожилъ на квартирѣ въ Липкахъ на Лютеранской ул. въ домѣ вдовы генеральши Чумаковской; усадьба эта, уже раздробленная теперь, занимала все пространство между Лютеранской улицей, Лютеранской кирхой и винтовой горой по которой имѣла сплошную рѣшетку, чрезъ нее видѣнъ былъ весь прекрасный, хотя еще молодой и негустой, садъ въ усадьбѣ Чумаковской.

Какъ пылкій и увлекающійся человѣкъ П. Ф. весь отдавался службѣ, даже очень мало спалъ. Помощникомъ его былъ полковникъ С. С. Бобрищевъ—Пушкинъ (послѣ Четверикова былъ Нач. Окр.), котораго Четвериковъ очень уважалъ. Пушкинъ въ то время жилъ безъ семьи и каждый день обѣдалъ у П. Ф., при чемъ былъ его совѣтникомъ по гигіенѣ. Такъ помню жалобу Четверикова на недомоганье. Неудивительно, отвѣтилъ Пушкинъ, и началъ доказывать, что при такихъ усиленныхъ занятіяхъ можно совсѣмъ захворать, что необходимъ, хотя небольшой, моціонъ, но такъ какъ дѣла поглощаютъ, дѣйствительно, все время, то хотя передъ обѣдомъ слѣдуетъ походить полъ-часа, а чтобы лучше использовать такое

короткое время, то гуляя въ хозяйскомъ саду, дѣлать гимнастическія упражненія, т. сказать размять члены.

И вотъ у рѣшетки сада Чумаковской сначала мальчишки, затѣмъ взрослые собираются посмотрѣть на диковинку, какъ солидный генералъ неимовѣрно ломается, жестикулируетъ, чуть не пляшетъ въ присядку. Помимо интереснаго зрѣлища для зѣвакъ—такъ разломался что слегъ въ постель... Жалуясь въ другой разъ тому же Пушкину на желудокъ, получилъ совѣтъ, что въ этомъ случаѣ прекрасно дѣйствуетъ мороженое. Повару сейчасъ-же послѣдовалъ приказъ—готовить каждый день мороженое. Въ результатѣ—простуда желудка.

Имѣя большія работы по Днѣпру на Чертороѣ и по укрѣпленію Кіевскихъ горъ отъ сползанія, при чемъ отъ Днѣпра подъ Кіевскія горы сооружались цѣлые корридоры для собиранія и истока въ рѣку ключевыхъ водъ сильно вліявшихъ на сползаніе горъ; когда смѣтныхъ суммъ не хватило, Четвериковъ, находя невозможнымъ останавливать работы, собственною властью распорядился расходовать сверхсмѣтныя деньги. Правленіе X округа пришло въ ужасъ, боясь попасть подъ судъ, но Четвериковъ твердо распоряжался и направивъ дѣло поѣхалъ въ Петербургъ лично объясняться. Въ Кіевѣ громко говорили, что Четверикову грозитъ чуть не солдатская шинель, но онъ вернулся въ Кіевъ съ наградой.

Будучи безсребренникомъ, онъ такъ-же не церемонился съ тѣми, которые безцеремонно обращались съ казенной копѣйкой. Такъ, помню одну сцену поразившую меня чрезвычайно. Нужно замѣтить, что въ тѣ времена инженеры путей сообщенія были въ военныхъ чинахъ и играли выдающуюся роль въ обществѣ, какъ блестящіе и воспитанные офицеры. И вдругъ вижу въ щель двери изъ другой комнаты и слышу что-то, по моему понятію, невѣроятное: не говоря о безцеремонномъ „ты“, Четвериковъ осыпалъ площадною бранью капитана—начальника

дистанціи, грозя надѣть ему солдатскую шинель, махая передъ его носомъ указательнымъ пальцемъ и закончилъ восклицаніемъ: „мошенники, казнокрады, вмѣстѣ съ подрядчикомъ плутовали, вмѣстѣ и исправляйте, черезъ двѣ недѣли посмотрю!“ Вѣроятно, послѣ такого внушенія, дистанція была приведена въ надлежащій видъ.

Провѣряя всѣ смѣты самолично до послѣдней цифры, онъ поневолѣ задерживалъ по долгу бумаги, а курьеровъ изъ министерства до того, что тѣ успѣвали обзаводиться знакомствомъ и даже жениться въ Кіевѣ, въ ожиданіи отправки обратно въ Петербургъ. Но округъ былъ въ образцовомъ порядкѣ, т. к. въ 1857 году въ свой проѣздъ Государь Александръ II выразился, что „ѣхалъ не по шоссе а по паркету“, а во время осмотра работъ на Днѣпрѣ, кто-то изъ свиты Его Величества выразилъ, что для осмотра благопріятствуетъ прекрасная погода, Государь былъ въ духѣ и сказалъ: „всѣмъ этимъ мы обязаны Генералу Четверикову.“

Впослѣдствіи Павелъ Филипповичъ служилъ въ Петербургѣ членомъ совѣта Министерства Пут. Сообщ. и былъ главнымъ противникомъ извѣстнаго контракта, закабалившаго Николаевскую Ж. Д. Уайнансу. При разборѣ проекта того контракта, сторонники Уайнанса укололи Четверикова сказавъ; „Вы, Павелъ Филипповичъ, совсѣмъ не знаете желѣзно-дорожнаго дѣла“. Четвериковъ отвѣтилъ: „не спорю, можетъ быть, за то казенные интерессы понимаю отлично.“ И остался при особомъ мнѣніи.

Пріѣхавъ въ отпускъ къ себѣ въ Почапинцы, онъ простудился, захворалъ и честному борцу за правду, имѣвшему гражданское мужество всегда называть черное чернымъ не суждено было уже бороться со зломъ. Онъ угасъ и похороненъ въ фамильномъ склепѣ прекраснаго храма во имя св. Троицы въ Почапинцахъ.

Александра Филипповна Четверикова, увѣковѣчившая свое имя въ с. Почапинцахъ сооруженіемъ прекраснаго

храма, изъ чистаго дуба, съ красивымъ иконостасомъ художественной работы, была женщина властная, съ необыкновенно твердой волей и благороднымъ характеромъ, ее не только уважали, но даже и побаивались не только окружающіе, но и родные братья. Умерла она отъ карбункула. Призванный въ то время знаменитый Пироговъ, хотя и сдѣлалъ операцію но тутъ-же высказалъ безнадежность паціентки, и она скончалась въ Ставахъ, оплакиваемая семьей племянницы Преснухиной. Тѣло ея похоронено въ томъ же семейномъ склепѣ въ Почапинцахъ.

Вторая сестра Екатерина Филипповна Четверикова была идеаломъ человѣка во всѣхъ отношеніяхъ: глубоко религіозная, кроткая, отзывчивая, она привлекала и очаровывала всѣхъ,—будучи въ то-же время твердой въ своихъ благородныхъ принципахъ. Въ доброй памяти Ставянскихъ крестьянъ, я увѣренъ, она долго будетъ жить подъ именемъ „барышни Катерины“, каждое утро принимавшей ихъ, терпѣливо выслушивая всѣ ихъ горести и помогая имъ во всѣхъ нуждахъ. Она такъ-же, какъ и старшая ея сестра провела вѣкъ въ Ставахъ, окруженная семьей Преснухиныхъ, гдѣ имѣла благотворное вліяніе на подрастающее поколѣніе Преснухиныхъ и отошла въ лучшій міръ при полномъ сознаніи до послѣдней секунды своей жизни, безропотно покоряясь Волѣ Провидѣнія и, повидимому, безъ всякихъ страданій. Болѣла она не долго, но угасала видимо. Вызванный въ Кіевъ, гдѣ она находилась передъ своей кончиной, въ качествѣ ея душеприказчика, я былъ пораженъ ея спокойствіемъ на рубежѣ той грани, откуда нѣтъ возврата. Отдавая мнѣ пакетъ, она сказала: „тамъ все написано и видно, что надо сдѣлать послѣ моей смерти и только попрошу васъ распорядиться, что-бы какъ можно меньше было торжественности при похоронахъ; на дѣтей дѣлаетъ впечатлѣніе не такъ совершившійся фактъ, какъ торжественная обстановка, поэтому прошу, что-бы здѣсь же въ этой комнатѣ и все было окончено, къ похоронамъ

приступить на третій день, но, повторяю какъ, можно скромнѣе. Предвидя роковой исходъ и зная, что для нея мѣсто приготовлено въ Почапинцахъ, въ томъ-же семейномъ склепѣ подъ церковью, гдѣ уже похоронены старшіе члены семьи Четвериковыхъ, Преснухины, желавшіе имѣть ея могилу ближе къ себѣ—въ Ставахъ и боясь лично предложить такой вопросъ, просили меня спросить при случаѣ ее самоё объ этомъ. Пользуясь удобной минутой я, хотя тоже и для меня не легокъ былъ такой вопросъ, спросилъ: гдѣ? „Вы знаете что для меня есть мѣсто въ Почапинскомъ склепѣ“, былъ ея отвѣтъ. Я при этомъ замѣтилъ что т. к. всѣ ея привязанности были въ Ставахъ, то Ставянскимъ обитателямъ будетъ несравненно пріятнѣе имѣть ея могилу вблизи; она подумавъ минуту отвѣтила полнымъ согласіемъ, затѣмъ добавила: „ну, кажется обо всемъ переговорили, теперь прощайте и позовите Катюшу (племянницу, жену Преснухина). Я, сдерживая слезы, опустился на колѣни, прося ея благословенія, все еще неувѣренный что это послѣднее прости, т. к. она была слишкомъ бодра для умирающей, даже священникъ, читавшій отходную, сказалъ мнѣ при выходѣ, не безпокойтесь она будетъ жить. Взволнованный, принявъ благословеніе, я поспѣшно вышелъ. Вошедшей Преснухиной умирающая сказала, что она согласна съ удовольствіемъ удовлетворить желанію родныхъ, переданному чрезъ мое посредство и осѣняя себя крестомъ, съ послѣднимъ движеніемъ слабѣющей руки, испустила послѣдній вздохъ.

Останавливаясь на этомъ послѣднемъ моментѣ бытія человѣка на землѣ, гдѣ онъ всю жизнь ломается и паясничаетъ, то декаденствуя до „сверхъ—человѣка“, то пресмыкаясь до гадости, я увѣренъ, что только въ послѣднія минуты жизни онъ долженъ быть искрененъ, когда ясно сознаетъ, что тутъ уже никакое ломанье не поможетъ и настаетъ послѣдній его часъ. Ему неминуемо до мѣлочей представляется вся картина прожитого прошлаго

и только теперь, онъ дѣлается нелицепріятнымъ судьей самого себя. Только въ этотъ послѣдній моментъ своего земного поприща онъ долженъ быть и бываетъ безъ маски, и только въ этомъ послѣднемъ актѣ житейской драмы можно видѣть величіе людей духа.

Говорю, только тотъ, кто честно прошелъ свой жизни путь, кто сознаетъ, что онъ добросовѣстно несъ свой долгъ семьянина, гражданина и слуги отечества, только тотъ, какъ незабвенная Екатерина Филипповна Четверикова, можетъ такъ спокойно смотрѣть, какъ она смотрѣла, въ темную пропасть небытія! Только такіе люди, оставаясь въ созерцательномъ состояніи съ своей совѣстью, успокоенные ею за свое прошлое, примиренные могутъ сказать ей то же, что сказалъ незабвенный Шевченко своей долѣ:

„. . . . . Та дарма!
„Мы не лукавылы зъ тобою,
„Мы просто йшлы; у насъ нема
„Зерна неправды за собою....

Въ запечатаномъ пакетѣ, переданномъ мнѣ умирающей, находилось ея завѣщаніе, коимъ она передавала все брату своему Ф. Ф. и условіе между ними, по которому каждый изъ нихъ, оставаясь послѣднимъ на землѣ, долженъ былъ завѣщать своимъ племянницамъ, урожденнымъ Подобѣдовымъ: Екатеринѣ—Ставы, а Варварѣ—Почапинцы. На этомъ послѣднемъ актѣ я долженъ былъ настаивать въ немедленномъ его исполненіи по завѣту Екатерины Филипповны, что я и исполнилъ, хотя съ непріятностями для себя, т. к. Ф. Ф., сердясь за частыя напоминанія о завѣщаніи, затягивалъ дѣло, но я все таки настоялъ.

Къ сожалѣнію о немъ сказать могу очень не много, несмотря на то, что жилъ вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ домѣ, но онъ былъ уже семидесятилѣтнимъ старикомъ, о своемъ прошломъ говорилъ не охотно и даже мало интересовался своими собственными дѣлами, сдавъ всецѣло все

на мои руки. Такъ, обыкновенно, послѣ обѣда, за кофе, я сообщалъ ему о текущихъ дѣлахъ по имѣнію и заводу. Однажды, углубясь въ газету, онъ, видимо, не слушалъ меня и я съ досадой сказалъ: „Вы, кажется, больше заняты газетой чѣмъ дѣлами“? Онъ невозмутимо отвѣтилъ мнѣ, вынимая изо рта сигару· „за то ты больше занятъ дѣлами, чѣмъ газетой“ и мы оба разсмѣялись.

Въ молодости, однако, онъ былъ чуть-ли не самый горячій изъ всѣхъ братьевъ. Уже будучи старикомъ онъ вспыхивалъ точно порохъ. Благодаря своей горячности, не могу сказать за что, но онъ былъ сосланъ на Аландскіе острова, находясь еще въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, благодаря этому обстоятельству не попалъ въ гвардію. Послѣ, служа въ Александрійскихъ (кажется) гусарахъ въ Варшавѣ онъ имѣлъ какой то инцидентъ съ однимъ изъ видныхъ молодыхъ людей, (свиты Великаго князя Михаила Павловича), испортившій всю его служебную карьеру. Получивъ оскорбленіе на словахъ, Четвериковъ вызвалъ обидчика на дуэль. Тотъ, принявъ вызовъ, пожаловался Великому Князю и Четверикова водворили на гауптвахту на цѣлый мѣсяцъ безъ объясненія причинъ. По выходѣ изъ подъ ареста негодованіе обиженнаго дошло до крайняго предѣла и онъ рѣшилъ скандально наказать противника—высѣчь его розгами. Товарищей онъ не хотѣлъ вмѣшивать въ это дѣло и придумалъ слѣдующее. Раннимъ утромъ выйдя на базаръ, гдѣ толпились поденщики, онъ предложилъ имъ по рублю, сказавъ, что поведетъ ихъ „дать еднему пану въ скуре“ (высѣчь одного пана). Охотниковъ явился десятокъ, выбравъ съ полдюжины молодцовъ, моментально доставшихъ розогъ, повелъ свою команду въ квартиру обидчика, еще сладко спавшаго, и со словами: „ну мерзавецъ, не хотѣлъ честнаго боя,?— ребята, валяй его“. Закончивъ операцію, Четвериковъ, сказалъ только: „квиты!“ также быстро исчезъ какъ и произвелъ нападеніе. Послѣдствіемъ таковаго поступка, была

ссылка Четверикова въ Оренбургскій линейный баталіонъ на три или на пять лѣтъ. Тамъ-же былъ и одинъ изъ князей Голициныхъ, (фамилію слыхалъ я отъ самого Четверикова), съ которымъ они и жили вмѣстѣ въ ссылкѣ. Отбывъ срокъ онъ вышелъ въ отставку. Спустя нѣкоторое время, уже на моей памяти онъ служилъ по Государственному Коннозаводству. Тутъ тоже не обошлось безъ приключеній. Ревизуя въ одной губерніи такъ называемыя въ то время „Царскія конюшни", онъ съ негодованіемъ увидѣлъ, что на казенныхъ заводскихъ жеребцахъ катается губернаторъ. Возмущенный такимъ безцеремоннымъ обращеніемъ съ казеннымъ добромъ, Четвериковъ тутъ-же сгоряча, произвелъ чуть не скандалъ—пассажиръ, однако былъ съ вѣсомъ и Четвериковъ вышелъ въ отставку снова и навсегда.

Я былъ его душеприказчикомъ и схоронилъ его не въ фамильномъ склепѣ, гдѣ было приготовлено для него отдѣленіе, а около Церкви на указанномъ имъ самимъ мѣстѣ, за два года раньше до кончины.

Оставаясь одинъ послѣ смерти всѣхъ братьевъ, онъ отдалъ въ долгосрочную аренду Почапинскій сахарный заводъ купчихѣ Раисѣ Лещинской (родной сестрѣ извѣстнаго сахаро-заводчика І. М. Зайцева) и жилъ на покоѣ въ Кіевѣ. Однако, арендаторша чрезъ нѣсколько лѣтъ обанкротилась, оставивъ заводъ въ самомъ жалкомъ видѣ.

Я въ то время жилъ на Кавказѣ, занимаясь своими торговыми дѣлами, какъ вдругъ получаю телеграмму за телеграммой, которыми Четвериковъ проситъ меня поспѣшить къ нему на помощь, бросивъ всѣ свои дѣла. Депеши были даже по сту словъ и ясно рисовали положеніе дѣла. Спѣшно распродавъ свое небольшое имущество и лошадей, я уѣхалъ въ Почапинцы.

Неподготовленный, ничего незнающій въ сложномъ дѣлѣ заводскаго хозяйства, я цѣлый годъ только присматривался къ дѣлу и заводской администраціи подъ руко-

водствомъ владѣльца. Результатъ истекшаго производства былъ печальный—получился крупный убытокъ. Я предлагалъ Четверикову закрыть заводъ, но онъ, не смущаясь неудачей, рѣшилъ продолжать дѣло. Тогда я предложилъ перемѣнить администрацію и пригласить на совѣтъ Николая Васильевича Преснухина, бывшаго въ то время администраторомъ заводовъ Яхненко и Семеренко, человѣка многосторонне образованнаго, инженеръ—технолога, имѣющаго даже родственныя связи съ Четвериковыми, при этомъ просить его рекомендовать въ директора въ Почапинцы технолога-же. Преснухинъ рекомендовалъ въ директора инженеръ—технолога Ник. Ник. Бородулина, далъ совѣтъ ремонта и дѣло пошло на ладъ. Къ стыду русскихъ помѣщиковъ того времени надо сказать (т. к. и у другихъ было то же самое), что Почапинскій заводъ, будучи однимъ изъ самыхъ старыхъ во всей Кіевской губерніи, еще въ 1837 или 1838 году передѣланный изъ огневого въ паровой, только въ 1877 г. имѣлъ перваго директора—русскаго технолога. Впрочемъ, въ тѣ отдаленныя времена, быть можетъ не безъ основанія, циркулировалъ каламбуръ, якобы сахорозаводчики въ молитвахъ вставляли „избави насъ, Господи отъ лукавого и „тѣхъ налоговъ“ (подразумѣвая технологовъ). Четвериковъ быстро старился и дряхлѣлъ, я же болѣе набирался опыта и получилъ полную довѣренность на управленіе имѣніемъ и заводомъ. Отношенія съ Бородулинымъ у насъ однако не ладились. Болѣзненный, нервный, крайне подозрительный, онъ не удовлетворялъ моему идеалу директора. Убѣжденный что только согласіе и довѣріе дѣйствующихъ лицъ можетъ двигать всякое дѣло, кромѣ того изъ своей, хотя и очень короткой практики, я вывелъ заключеніе, что небольшому заводу нужно имѣть директоромъ непремѣнно инженеръ—механика. Этимъ путемъ уже само—собою является сокращеніе штата, т. к. въ лицѣ директора соединяется и механикъ завода, сверхъ того я подмѣтилъ что всѣ химики

ужасно лѣзутъ въ механику, отсюда—нескончаемыя пререканія между директоромъ, если онъ химикъ, и механикомъ, неизбѣжнымъ въ заводѣ при директорѣ—химикѣ.

Въ виду такихъ соображеній, я обратился письменно къ директору С.-Петербургскаго Технологическаго Института (тогда) профессору Ильину, прося его рекомендовать въ Почапинцы изъ окончившихъ институтъ механика непремѣнно „благонадежнаго", т. к. въ тѣ времена между учащейся молодежью было не мало броженій (хотя осмысленнѣе чѣмъ теперь), предлагая квартиру и шестьсотъ рублей жалованья въ годъ, буде найдется желающій. Вскорѣ получился отвѣтъ, что удовлетворяющій моимъ требованіямъ есть—Николай Васильевичъ Монаховъ, но проситъ заключить съ нимъ контрактъ на три года. Я отвѣчалъ согласіемъ и ожидаемый Н. В. Монаховъ явился въ Почапинцы. Познакомились. Правду сказать, первое впечатлѣніе было не въ его пользу, юный, онъ былъ похожъ по высшей мѣрѣ на студента первокурсника, хотя въ глазахъ, на которыя при встрѣчѣ съ людьми я всегда обращаю первое вниманіе, былъ видѣнъ божественный огонекъ, присущій и данный Создателемъ незауряднымъ людямъ; Четвериковъ же по уходѣ Монахова, послѣ представленія владѣльцу, сказалъ недовольнымъ тономъ: „мальчишка и больше ничего.—Хотя кажется скромный молодой человѣкъ", добавилъ онъ потомъ.

На другой день я напомнилъ Монахову о контрактѣ.

„Попрошу написать", былъ скромный его отвѣтъ.

Видите-ли, Николай Васильевичъ, продолжалъ я, у насъ всѣ, начиная съ директора, служатъ безъ всякихъ письменныхъ условій. Я не отказываюсь отъ контракта, но если Вы будете полезны дѣлу, то на основаніи контракта будете служить три года, если-же, сверхъ ожиданія, Вы не будете полезны, а, Боже упаси, окажетесь даже вредны, то Васъ никакой контрактъ не спасетъ. Я поставлю Васъ въ такое положеніе, что Вы просто—на просто сбѣжите

отъ насъ. „Такъ что-же мнѣ дѣлать?“ съ ужасомъ спросилъ Монаховъ. Видя что причинилъ безпокойство и огорченіе молодому человѣку, я поспѣшилъ его успокоить и завѣрить, что ужаснаго ничего нѣтъ, что во всякомъ случаѣ годъ ему обезпеченъ. Поживите, говорю, посмотримъ и узнаемъ ближе другъ—друга: сойдемся—будемъ жить, не сойдемся,—свѣтъ не клиномъ сошелся. Оставайтесь безъ контракта.

„Хорошо“, покорно согласился Монаховъ.

Но горько начáло.--сладокъ конецъ.

Многоуважаемый Николай Васильевичъ сразу обратилъ на себя вниманіе, какъ дѣльный, толковый и ревностный работникъ, при этомъ вносящій въ работу всю свою прекрасную душу. Несмотря, однако, на свой милый и кроткій нравъ съ Бородулинымъ у него были тоже нелады.

На слѣдующій годъ я предложилъ Монахову быть механикомъ завода и предложилъ жалованье 1200 руб. въ годъ. Опять на слѣдующій годъ, поблагодаривъ Бородулина за службу, я предложилъ Монахову занять мѣсто директора Почапинскаго завода. При этомъ, напоминая ему о первомъ нашемъ знакомствѣ, замѣтилъ шутя,—а что, Николай Васильевичъ, вѣдь на основаніи контракта Вы бы, пожалуй, за 600 рублей были директоромъ завода. И зажили мы съ дорогимъ Николаемъ Васильевичемъ душа въ душу.

Съ тяжелымъ неподдѣльнымъ горемъ всѣхъ служащихъ и рабочихъ схоронили мы незабвеннаго нашего патріарха, Филиппа Филипповича, послѣдняго изъ дорогой для меня семьи Четвериковыхъ, служившихъ долго образцомъ чести и долга.

Да будетъ Вамъ вѣчная память, доблестные граждане, Русской земли. Вамъ я обязанъ всѣмъ, какъ нравственно, такъ и матерьяльно.

Согласно завѣщанію во владѣніе Почапинцами вступила Варвара Александровна Подобѣдова (племянница Четвериковыхъ), продолжавшая жить въ Ставахъ, въ семьѣ

своей сестры Е. А. Преснухиной, обожаемая всѣми знавшими ее. Она рѣдко навѣщала свое владѣнIе—Почапинцы, почти не интересуясь дѣлами имѣнія и завода, вся жившая въ Богѣ и благотворительности и будучи „не отъ міра сего", но печальница за весь міръ, вскорѣ его покинула, оплаканная всѣми и похоронена въ Ставахъ около церкви.

Во время ея владѣнія Почапинцами, оставшись въ нихъ совершенно одинокимъ я, а вскорѣ за мной и дорогой другъ мой Николай Васильевичъ точно по уговору поженились, и зажили уже семьянинами. Это счастливое время никогда не забудется. Жены наши доставляли намъ высокое наслажденіе игрой на роялѣ въ четыре руки по вечерамъ. Особенно памятно намъ одно лѣто, когда гостила у насъ подруга моей жены Е. К. Г. изъ Москвы и, характеризуя кратко-назову „свѣтлая личность",—Марія Сергѣевна П. Этотъ эпитетъ данъ ей не мною. Еще въ ранней ея юности, съ которой я имѣю удовольствіе знать Марью Сергѣевну, объ ней говорили близко ее знавшіе, что она „свѣтла какъ день и умна какъ бѣсъ!" Съ этимъ эпитетомъ, я увѣренъ, вполнѣ согласится и мой добрый другъ Николай Васильевичъ Монаховъ, которому завидую въ настоящее время, т. к. онъ пользуется теперь въ Петербургѣ ея обществомъ. Да проститъ мнѣ, глубокоуважаемая Марья Сергѣевна что я позволяю еебѣ касаться ея имени, безъ разрѣшенія. Такихъ женщинъ мало на Руси и молчать о нихъ нельзя.

Въ нашъ вѣкъ, за очень малочисленнымъ исключеніемъ, женщинѣ изъ „Общества" пьедесталомъ служитъ всегда мужъ. Но Марьѣ Сергѣевнѣ этотъ пьедесталъ, хотя и Превосходительный, сослужилъ весьма плохую службу. Онъ, разрузшивъ ея родовой и имущественный пьедесталъ, далъ ей во всѣхъ отношеніяхъ только огромный минусъ и чуть не свелъ ее въ преждевременную могилу. Однако, она, твердая въ принципахъ, глубоко вѣрующая, оставшись безъ

всякихъ средствъ къ жизни; сумѣла, за пятнадцать лѣтъ самостоятельной служебной дѣятельности, добиться безбѣднаго существованія и создать себѣ свой собственный и прочный пьедесталъ!

Одно собственное имя и отчество, употребляемое безъ фамиліи, доказывая свою популярность, уже есть пьедесталъ и служитъ пьедесталомъ другой половинѣ брачной пары, безъ различія пóловъ. Но, составляя неотъемлемую собственность прекрасной половины, это имя возводя супруга на извѣстный пьедесталъ, въ то же время и низводитъ его до незавиднаго положенія царя Менелая. И только противоположность создаетъ болѣе нормальный порядокъ вещей. Такіе пьедесталы, конечно, разнообразны до чрезвычайности и рисуются въ воображеніи, говорящаго объ нихъ, несмотря даже на видимыя и громкія добродѣтели, не всегда съ положительнымъ знакомъ. Марья Сергѣевна же имѣетъ несомнѣнный плюсъ. Она извѣстна въ Петербургѣ очень многимъ какъ честный и разумный работникъ и какъ сердечный, правдивый и отзывчивый человѣкъ. Виноватъ, я выразился въ мужскомъ родѣ, но Марья Сергѣевна сама давно говоритъ, что она „перестала быть дамой“, погрузясь всецѣло въ канцелярскую жизнь, съ которой, при своемъ одиночествѣ, слилась совершенно, какъ съ родной семьей. Возвращусь, однако, въ Почапинцы, гдѣ юный тогда директоръ перестроилъ заводъ изъ прессоваго на дифузіонный. Шелъ онъ какъ хронометръ и жили мы припѣваючи.

Но ни что не прочно подь луною. На нашемъ безоблачномъ Почапинскомъ горизонтѣ появились тучки. Николай Васильевичъ получилъ приглашеніе на болѣе видное мѣсто въ Лебединскій сахаро-рафинадный заводъ и я съ грустью разстался съ нимъ. На его мѣсто и по его рекомендаціи поступилъ уважаемый инженеръ—механикъ А. К. Брантнеръ, но не надолго; получивъ болѣе выгодное предложеніе, онъ оставилъ Почапинцы. Мѣсто директора я предложилъ младшему помощнику даровитому Н. Г. Котляренкѣ,

т. к. въ тотъ-же годъ старшему помощнику, живому и энергичному инженеръ—механику І. В. Сироткину я предложилъ занять мѣсто директора въ Александровскомъ сах. заводѣ, находившемся тоже въ моемъ распоряженіи.

Н. Г. Котляренко пробылъ въ Почапинцахъ болѣе семи лѣтъ.

Его тоже смущали предложеніемъ въ Лебединъ, но я, указывая на его слабое здоровье, при которомъ ему не по силамъ рафинадный заводъ, отговорилъ принять эту убивающую здоровье должность. Когда-же ему предложли строить Саблино—Знаменскій заводъ, то я, хотя и съ грустью, разстался съ нимъ, вполнѣ раздѣляя его надежды на будущее.

Послѣ Котляренка я принялъ директоромъ въ Почапинцы Я. С. Черногрязскаго, тоже инженеръ—механика, любящаго свое дѣло до страсти. Мы скоро съ нимъ сошлись и дружно работали.

При общихъ добрыхъ отношеніяхъ всѣхъ служащихъ, у насъ устраивался даже театръ въ прекрасномъ зданіи рабочей казармы, въ которомъ съ успѣхомъ давали „Женитьбу", а при музыкальности нѣкоторыхъ членовъ изъ нашего маленькаго общества устраивались музыкальные вечера и даже квартеты, доставлявшіе всѣмъ намъ большое удовольствіе.

Заканчивая на этомъ бѣглый очеркъ своей дѣятельности въ Почапинцахъ, гдѣ въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ приходилось мнѣ имѣть дѣло и постоянныя сношенія съ нашими русскими технологами, помимо директоровъ и ихъ помощниковъ Почапинскаго и Александровскаго заводовъ, я, во первыхъ, долженъ сказать имъ самое искреннее и сердечное спасибо за ихъ образцовое и неподкупно—честное отношеніе къ дѣлу; во вторыхъ, долженъ замѣтить и подчеркнуть тотъ фактъ, что не могло-же быть случайностью, что-бы всѣ безъ исключенія, только хорошіе изъ нихъ люди попадались на моей дорогѣ въ теченіе двадцати

лѣтъ. Я этого отнюдь не допускаю. Значитъ, ихъ дѣлаетъ хорошими и честными дѣятелями институтъ, значитъ тамъ живутъ честныя традиціи, не только въ Петербургскомъ, но и въ другихъ, съ представителями которыхъ я тоже имѣлъ дѣловыя отношенія.

Пробѣгая въ памяти прошлое, въ которомъ изъ тумана сѣдой старины выступаютъ знакомыя картины и дѣйствовавшія лица такъ рельефно и живо, что, кажется, не дальше какъ вчера я ихъ видѣлъ и говорилъ съ ними.

Вотъ Почапинскій сахарный заводъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ; при немъ двѣ комнаты съ выходомъ прямо на прессовую. Это квартира самого владѣльца и устроителя завода, Александра Филипповича Четверикова. Обстановка самая невзыскательная. На любимомъ мѣстѣ у камина, въ которомъ весело потрескиваютъ горящія дрова, сидитъ симпатичный, пожилой, съ открытымъ лицомъ и смѣлымъ взглядомъ добрыхъ, большихъ глазъ, самъ владѣлецъ. Его бритый подбородокъ, усы, зачесанные впередъ по николаевски виски и взбитый кокъ, обнажая и безъ того большой лобъ, обличаютъ въ немъ отставного военнаго; его трубка давно потухла и онъ разсѣянно гладитъ длиннымъ чубукомъ спину своего жирнаго бульдога, Бокса, который тутъ-же, вмѣстѣ съ хозяиномъ, грѣется у пылающаго камина и, ощущая полное удовольствіе отъ тепла и чубука, разгоняющаго докучныхъ блохъ, самодовольно облизывается, умильно поглядывая на хозяина, положивъ на его колѣни свою страшную морду. Около—небольшой круглый столикъ, на немъ полъ—стакана недопитаго, давно остывшаго и до приторности сладкаго чаю съ домашнимъ сахарнымъ пескомъ; но владѣлецъ, очевидно занятый другими мыслями, забылъ чай и не обращаетъ вниманія на выраженія преданности вѣрнаго пса.

„Человѣкъ, трубку“! раздается сильный его голосъ.

Немедленно входитъ его лакей съ запасной, очевидно уже наложенной раньше превосходнымъ, душистымъ таба-

комъ трубкой, которую почтительно подаетъ доброму барину и наложивъ на нее бумажку съ прорванной на серединѣ дырочкой для тяги, поджигаетъ ее спичкой. Раскуривъ трубку и сбросивъ съ нея недогорѣвшую бумажку въ каминъ, переводя глаза на лакея, баринъ говоритъ: „ступай, ничего не надо, я пойду въ заводъ",

Но лакей, уже давно поджидавшій удобной минуты для доклада по щекотливому вопросу, въ которомъ чувствовалъ себя шкодливымъ котомъ, переминаясь съ ноги на ногу, начинаетъ не смѣло: „позвольте доложить, Александръ Филипычъ, такъ что..... табакъ у насъ, почитай, совсѣмъ на исходѣ". (Тридаціоннаго—баринъ у Четвериковыхъ не произносилось).

Четвериковъ начинаетъ передразнивать: „у насъ, у насъ, то-то у насъ, именно: у насъ"! продолжаетъ онъ, все раздражаясь, „давно-ли прислали изъ Кіева цѣлый пудъ? Ты, чортъ тебя возьми, свою половину выкурилъ, зачѣмъ же мою половину куришъ?" И наконецъ вскрикиваетъ: „пшелъ вонъ, шельмецъ!..".

Вдругъ вскакиваетъ Боксъ, принявшій на свой собственный счетъ послѣдній возгласъ барина, т. к. слово; шельмецъ, очень часто примѣнялось къ нему самому и совсѣмъ не въ ругательномъ даже, а ласкательномъ смыслѣ, наконецъ „шельмецъ и шельма" слова часто употребляемыя бариномъ, служатъ въ его лексиконѣ прилагательнымъ и по отношенію къ другимъ лицамъ: но фраза: „пшелъ вонъ!" да еще въ раздраженномъ тонѣ, не далѣе какъ вчера послѣ обѣда, сопровождалась довольно чувствительнымъ приложеніемъ барскаго чубука къ его, Бокса, спинѣ.

Но то случилось послѣ плотнаго обѣда, когда они, вмѣстѣ съ бариномъ такъ пріятно кейфовали на этомъ же мѣстѣ у камина. Правда, онъ отчасти понималъ барина, такъ сказать, собственнымъ носомъ, но такъ огрѣть чубукомъ, это не по джентельменски; хотя и говорятъ, что въ Россіи былъ царь, который не чубукомъ а просто ду-

биной билъ провинившихся, но то было все таки очень давно, наконецъ,—вина винѣ рознь. Онъ такъ-же понималъ, что при самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, все таки распускаться не слѣдуетъ до амикошонства, по крайней мѣрѣ такъ принято въ лучшемъ Англійскомъ обществѣ, изъ котораго происходилъ онъ, Боксъ, на что ясно указываетъ его родословная, хотя онъ родился въ Россіи и отчасти заразился уже ея распущенностью, за что и пострадалъ вчера отъ барскаго чубука, но сейчасъ?!... не чувствуя, за собой ничего предосудительнаго, онъ положительно недоумѣвалъ.

Однако, руководясь справедливымъ замѣчаніемъ Грибоѣдовской Лизы о барскомъ гнѣвѣ и любви, о чемъ онъ ясно слышалъ на дняхъ, когда лакей, подражая барину, въ его отсутствіе, сидѣлъ передъ каминомъ съ барской же трубкой въ зубахъ и читалъ вслухъ, чуть не по складамъ. вѣроятно для лучшаго собственнаго уразумѣнія безсмертную комедію—„Горе отъ ума“; а равно, и мудрой, русской поговоркой: „уйди отъ зла и сотвори благо“, окончательно утвердился въ мысли по добру-по здорову ретироваться и, поджавъ свой обрубокъ хвоста и понуривъ, съ обрѣзанными ушами свою голову, поспѣшилъ въ переднюю; одна только физіономія его не выражала покорности судьбѣ, но то была особенность его знаменитаго рода, въ которомъ отличительной чертой была выдающаяся нижняя челюсть и вслѣдствіе того неприкрытые губой передніе зубы давали впечатлѣніе улыбки. Боксъ какъ бы постоянно смѣялся; но зло,—саркастически смѣялся. Я его не любилъ и боялся.

Видя сконфужено уходящаго Бокса, Четвериковъ разразился своимъ весело-задушевнымъ, громкимъ смѣхомъ. „Боксъ ,шельмецъ! развѣ и ты пользовался вмѣстѣ съ нимъ моимъ табакомъ“? сказалъ обычно веселымъ уже тономъ Четвериковъ, „пойдемъ въ заводъ“, продолжалъ онъ,и всякая тѣнь гнѣва исчезла съ его добраго лица. А Боксъ, со́ своей

всегдашней улыбкой, которая такъ нравилась его хозяину, уже успокоеный на счетъ собственной шкуры, началъ весело царапать своей лапой дверь на прессовую.

Мы вышли. Бросивъ хозяйскій взглядъ и привѣтливо отвѣчая на поклоны рабочихъ, едва успѣвавшихъ справляться съ своей тяжелой и спѣшной работой, шелъ дальше къ дефекаціоннымъ котламъ, затѣмъ черезъ аппаратную въ пробѣлки, гдѣ царила Ульяна Андреевна въ своемъ бѣломъ старушечьемъ чепцѣ и властно, не по старушечьи, распоряжалась въ своемъ сахарномъ департаментѣ съ незапамятныхъ временъ, держа все въ ежовыхъ руковицахъ, начиная съ своей внучки, миловидной, молоденькой брюнетки, Филины, жившей тутъ-же съ бабушкой въ двухъ маленькихъ комнаткахъ, при пробѣлкахъ. Какъ попала старуха на эту сладкую должность мнѣ не было извѣстно, тѣмъ не менѣе она была на мѣстѣ и, еще въ тѣ далекія времена вполнѣ доказала своимъ примѣрамъ пригодность женщины къ самостоятельной дѣятельности, о чемъ и до сихъ поръ еще многіе спорятъ.

Какъ бы то ни было, но владѣлецъ ее уважалъ, служащіе побаивались смѣлой и рѣшительной бабушки Ульяны Андреевны. Ея фамиліи никогда не произносили, даже въ Лысянкѣ и Звенигородкѣ она была извѣстна, какъ Ульяна Андреевна.

Завидя издали медленно и осторожно идущаго къ ней владѣльца и смекнувъ, что по времени и привычкамъ, онъ навѣрно будетъ пить у ней кофе, который она мастерски варила, У. А. звала дѣвку, возившуюся около центрофуги: „Одарко, Одарко!“ Одарка, съ высоко подоткнутой и безъ того короткой юбкой, разгибалась, бросая работу. „Чого пидтыкалась такъ, страмныця“, продолжала У. А. „дывысь барынь (баринъ) идуть“. Одарка, молодая, румяная крестьянка, терялась, краснѣла до ушей и обдергивала юбку. „Бижи скорій до панночки, щобъ кохвій варылы

гля барыня, почкай, визьмешъ у панночки талирку пидъ сахарь". Пробѣлка Одаркина останавливалась, а мать-командирша отдавала новое распоряженіе: „Гапко! дай бильшъ залывки у свою машинку, да выберешъ гарный кусокъ сахарю, Одарка талирку принесе, гля барыня на пробу", поясняла она. Быстро отдавъ свои распоряженія, У. А. встрѣчала владѣльца, продолжавшаго переступать, балансируя съ чубукомъ въ рукѣ по липкому и вмѣстѣ съ тѣмъ скользкому полу, на которомъ не менѣе, какъ на вершокъ налипло сахару, патоки и грязи.

Пройдя благополучно пробѣлочное отдѣленіе и поднявшись по двумъ ступенькамъ въ аппартаменты У. А., Четвериковъ усѣлся въ кресло. Предложенный кофе былъ кстати. Услужливая Филина наложила трубку и подала бумажку для закуриванія по извѣстной уже системѣ. Владѣлецъ весело подшучивалъ на счетъ ея поклонниковъ и забавлялся смущеніемъ молодой дѣвушки. Въ отношеніяхъ не замѣчалось подобострастной зависимости и чувствовалась непринужденность, все шло какъ-то по семейному. Вскорѣ вошедшій лакей прервалъ мирную бесѣду докладомъ о пріѣздѣ Хайки. Но два слова объ этой интересной гостьѣ. Какъ я уже замѣтилъ вообше, что собственное имя, произносимое заочно, доказываетъ популярность особы его носящей, такъ, конечно, и въ частности Хайка, жившая въ Звенигородкѣ, была популярной личностью далеко за предѣлами своего родного города. И еще задолго до того времени когда Бродскій, переставъ быть Бродскимъ, перешелъ на амплуа Израиля Марковича, имя Хайки было извѣстно чуть не всѣмъ сахарозаводчикамъ, не скажу всего Юго-Западнаго края, это было-бы слишкомъ; тогда еще самъ Бродскій не распускалъ такъ далеко свою паутину; нѣтъ, но, по крайней мѣрѣ, очень многіе сахарозаводчики Кіевской губерніи хорошо знали эту довольно непріятную, не во всѣхъ однако отношеніяхъ, даму.

Съ перваго взгляда она дѣлала даже пріятное впечатлѣніе купчихи средней руки, въ огромной шали, покрывавшей весь ея костюмъ, съ шелковымъ платочкомъ на головѣ. Возрастъ ея, хотя давно перешагнулъ Бальзаковскій періодъ, но не изгладилъ нѣкоторой симпатичности чертъ ея лица. Однако при разговорѣ, она какъ бы подчеркивала самоувѣренность въ свои дипломатическія способности, неотразимое краснорѣчіе и умѣнье заговаривать всѣмъ зубы, или, просто говоря, нахальство. Да, современнымъ факторамъ слѣдуетъ пожалѣть, что эта знаменитость не оставила своихъ мемуаровъ,—они могли бы составить очень поучительную главу, какъ дополненіе къ мудрому талмуду.

Хайка постоянно разъѣзжала ко всѣмъ окружнымъ заводчикамъ за покупкой сахара для Бродскаго, хотя онъ предпочиталъ непосредственныя сдѣлки, для чего и ѣздилъ лично, но и тотъ, твердый человѣкъ, не могъ отдѣлаться отъ назойливой факторши. Ея спутникомъ, слѣдовавшимъ по пятамъ за нею, какъ тѣнь и молчаливымъ, какъ та же тѣнь, былъ ея братъ Лейба, державшійся, однако, всегда на почтительной дистанціи. Когда его почтенная сестра, съ озабоченно усталымъ видомъ, входила развязно въ кабинетъ и, безъ приглашенія садясь въ кресло, произносила томно: „Охъ, якъ я втомилась"!, входившій сзади Лейба, едва кивнувъ головой, выражая тѣмъ, казалось, не привѣтствіе хозяину, а просьбу не заботиться о его особѣ, но сосредоточить все свое вниманіе на предстоящемъ краснорѣчіи Хайки, самъ же, храня глубокое молчаніе, подпиралъ притолку, оставаясь у порога съ жалкимъ видомъ осужденнаго преступника безъ снисхожденія и не произносилъ ни одного свободнаго слова во все время аудіенціи, продолжавшейся иногда по два часа. Если же пытался раскрыть ротъ, то лепетавшая безъ умолку Хайка, при первой попыткѣ любезнаго братца заговорить, призносила многозначущее: „ша"! и Лейба застывалъ въ прежней позѣ на полусловѣ. Ему полагалось быть только благороднымъ сви-

дѣтелемъ непомѣрныхъ трудовъ и заботъ Хайки и, въ рѣдкихъ случаяхъ, когда факторша, почувствовавъ, что завралась и нуждается въ поддержкѣ, она призывала въ свидѣтели Лейбу, говоря: „спытайте Лейбу"! который и спѣшилъ авторитетно подтвердить сказанное сестрой; „це правда, це правда"... говорилъ онъ и умолкалъ до новаго вызова.

Знаменательную фразу: „охъ якъ я втомилась"!, которую произнесла Хайка, при входѣ въ кабинетъ, Четвериковъ долженъ былъ понимать такъ, что она, Хайка, уже истратила въ переговорахъ съ Бродскимъ всю энергію и силу своего краснорѣчія до послѣдней капли, не крови конечно, а пота, выступавшаго и сейчасъ на ея довольно полномъ лицѣ, отстаивая интересы его, Четверикова, хотя послѣдній и не думалъ просить столь энергичнаго вмѣшательства. Но увы, онъ принадлежалъ ей какъ собственность по законному праву „Хазуки". Кто не знаетъ въ Юго-Западномъ краѣ, этой ужасной своего рода Гидры, т. е. Еврейской Хазуки?!... Отъ нея можетъ спасти и вырвать изъ ея цѣпкихъ лапъ, развѣ одна смерть, или неожиданное крупное наслѣдство и то наличными деньгами, которыя могли-бы дать свободный выходъ, порвавъ сразу то зависимое положеніе отъ капитала, поработившаго край. Но это заколдованный кругъ, о которомъ написаны цѣлые томы.

Извѣстіе, нарушившее благодушное настроеніе Четверикова о пріѣздѣ Хайки, заставило его поморщиться, въ виду непріятной, въ сущности, бесѣды съ факторшей. Онъ предвидѣлъ все, что будетъ говорить Хайка, знавшая, какъ свои пять пальцевъ, положеніе дѣлъ Четверикова, его долговыя обязательства и ихъ сроки, послѣдніе—пожалуй, лучше самого должника, а также количество проданнаго и непроданнаго сахара. Всѣ эти подробности, конечно, сообщены Бродскому, а значитъ удобный для Бродскаго случай покупки Почапинскаго сахара.

Надо полагать, что эти мысли занимали Четверикова, потому что онъ произнесъ вслухъ: „вѣдь все, шельма, пронюхаетъ и знаетъ, вѣроятно и Бродскій скоро пріѣдетъ". Затѣмъ любезно простясь ушелъ принимать дипломатку, покинувъ скромный но уютный уголокъ У. А.

Наконецъ, уѣхала со своимъ аташе назойливая Хайка, выпросивъ однако, себѣ и Лейбѣ по пуду сахару въ подарокъ. Мы вышли на заводскій дворъ, сопровождаемые Боксомъ. „Надоѣла шельма", говорилъ Четвериковъ, „теперь пошлетъ подробный рапортъ Бродскому".

Гораздо, конечно, позже мнѣ часто приходило въ голову, что евреи, расчетливые до послѣдняго гроша, никогда не жалѣютъ денегъ на письма и телеграммы. Потому, вѣроятно, они и находятся въ полномъ курсѣ своихъ торговыхъ дѣлъ. Кромѣ того, и въ перепискѣ и въ личныхъ свиданіяхъ, на первомъ планѣ у нихъ, всегда дѣло. У насъ-же на первомъ планѣ: театры, скачки, охота и всякія удовольствія, переговоривъ о которыхъ при встрѣчахъ, мы забываемъ спросить о важномъ дѣлѣ, а разойдясь, вспоминаетъ въ пустой слѣдъ: „ахъ, да, чортъ возьми, вѣдь я о главномъ и не спросилъ, ну, да пожалуй, напишу"... но, написать тоже забудемъ.

Мы медленно шли къ мастерской по заводскому двору; Четвериковъ очень любезно показывалъ мнѣ, еще мальчику, свое созданіе—сахарный заводъ. Вдругъ показалась свинья. Четвериковъ сказалъ съ досадой: „вотъ, шельмецы, опять напустили въ заводъ свиней" и остановился среди дороги закурить трубку, но Боксъ, какъ оказалось, большой ненавистникъ подобныхъ посѣщеній, раньше барина воззрился на непрошенную гостью, которая съ полной наивностью, совершая свою прогулку, не спѣша, подвигалась къ намъ, не видя ничего предосудительнаго въ прогулкѣ по чужому двору, отнюдь не посягая на что нибудь цѣнное, но не безъ задней мысли бросала взгляды

по сторонамъ и обнюхивала по дорогѣ, не валяется-ли какой нибудь ненужный предметъ, въ родѣ, напримѣръ, арбузной корки, которая какъ на грѣхъ и лежала тутъ-же, около насъ.

Подойдя къ намъ она даже хрюкнула привѣтствіе, похожее на „добрыдень", какъ-бы сказала и всякая степенная поселянка, даже добродушно взглянула своими подслѣповатыми глазами на Бокса, хотя правду сказать его противная рожа далеко не внушала симпатій, но гдѣ замѣшанъ хоть малый интересъ, мы всегда любезны, такъ и здѣсь, въ виду арбузной корки, простодушная Хавронья поднявъ рыло, чуть не полѣзла цѣловаться съ бульдогомъ, и только тутъ замѣтила оскаленные зубы, не предчувствуя близкой бѣды. Боксъ, у котораго давно уже клокотала въ груди ненависть, что доказывалъ, нервно вздрагивая, торчавшій какъ указательный палецъ его хвостъ, а его національная ненависть и брезгливая надменность такъ ясно обнаруживалась въ торчащей ежомъ шерсти на его спинѣ, но, послѣдняго вульгарно-фамильярнаго движенія, какой нибудь, съ позволенія сказать, свиньи, онъ уже не могъ вынести: прыжокъ,—и онъ замеръ на ухѣ бѣдняжки. Неждавшая ничего подобнаго, несчастная Хавронья взвыла не своимъ голосомъ и желая спастись отъ такой напасти бѣгствомъ, поволкла на своемъ ухѣ, какъ огромную серьгу, Бокса. Много надо было усилій, чтобы успокоить страсти, и, только багодаря обливанью водой, удалось освободить несчастную Хавронью отъ горячаго потомка холоднаго Альбіона.

Потомъ уже Четвериковъ разсказывалъ мнѣ, что у бульдоговъ въ подобныхъ случаяхъ дѣлается конвульсивное сжатіе челюстей и показывалъ на примѣрѣ, какъ тотъ-же Боксъ, ухватясь своей желѣзной пастью за жгутъ изъ полотенца, какъ будто цѣпенѣлъ, сжавшись въ комокъ, такъ что его можно было качать и носить на томъ жгуту, и только оставленный въ покоѣ онъ отходилъ и выпус-

калъ самовольно полотенце изъ своей страшной пасти. Вотъ картина моего перваго знакомства съ Почапинскимъ сахарнымъ заводомъ, хотя и съ кровавой драмой, но общій ея колоритъ давалъ мягкій патріархальный тонъ.

Современемъ патріархальность, конечно, исчезала. Спустя десятокъ, а можетъ быть и больше лѣтъ, въ томъже заводѣ я уже видѣлъ не тихо обходящаго владѣльца съ трубкой, а свирѣпаго съ нагайкой въ рукахъ директора—самоучку, который много лѣтъ спустя, будучи старикомъ не у дѣлъ, говорилъ мнѣ: „бывало, варимъ—варимъ, варимъ—варимъ, да въ яму“. Такимъ образомъ, цѣлый аппаратъ, не давъ желаннаго кристала, спускался въ паточную яму, лежавшую тутъ-же подъ пробѣлками и образованіе кристала предоставлялось благотворному времени; видѣлъ въ томъ же заводѣ нѣмца механика, знавшаго по русски только одну площадную брань, но неумѣвшаго объяснить рабочему, что нужно сдѣлать и глубоко убѣжденнаго, что „Русска швынь нишево не понимайтъ“, а послѣ двухнедѣльной работы артели каменьщиковъ произносившаго съ полнымъ спокойствіемъ: „лямаи“!!.. очевидно не имѣя возможности придраться къ каменщикамъ.

Подобныя безобразія все таки выносилъ заводъ при маломъ акцизѣ,—по урочному положенію онъ ложился на пудъ сахару восьмью—двѣнадцатью копѣйками не болѣе. Но когда началъ быстро возвышаться акцизъ съ учетомъ каждаго выработаннаго пуда сахара, тогда уже русскій техникъ сталъ необходимъ. Хотя привычку къ нѣмцу трудно было побороть, а еще болѣе предубѣжденіе, что нашъ техникъ все ломаетъ до основанія. Правда такіе примѣры были, объ нихъ кричали, но о послѣдствіяхъ раціональнаго переустройства завода молчали; хотя оно и било по карману сразу, но его результаты, при прогрессировавшемъ акцизѣ, дѣлались осязательными.

Но это все было давно.

Въ настоящее время, когда нашъ русскій техникъ, завоевалъ свое положеніе и стоитъ прочно; когда, благодаря его неусыпной дѣятельности, заводъ можетъ выносить громадный акцизъ въ 1 р. 75 коп. съ пуда сахару и многіе другіе расходы, хоть и морщится, да выноситъ; когда вся практика жизни заводовъ говоритъ за технолога, то и заводчикъ, забывъ каламбуръ своего предка, открещивавшагося отъ технолога, говоря: „избави насъ Господи *отъ тѣхъ налоговъ*", подразумѣвая технологовъ, долженъ перефразивать вышесказанное такъ:

Не открещусь отъ тѣхъ налоговъ,
Перекрещусь за технологовъ.

Добавлю, не только перекреститься, а еще и свѣчку Николаю Угоднику поставить слѣдуетъ за нихъ, потому, что они при своей добропорядочности, вооруженные спеціальнымъ знаніемъ, вынесутъ на своихъ плечахъ изъ всякихъ невзгодъ ввѣренныя имъ фабрики и заводы.

Пожалуй многіе сочтутъ
Мои слова хвалебнымъ гимномъ,
Что въ панегирикѣ я длинномъ
Свой интересъ скрываю тутъ?
Повѣрьте старику, что нѣтъ.
Покинулъ я, десятки лѣтъ,
Ту сферу этикетовъ строгихъ,
Гдѣ мелочи волнуютъ многихъ.
Карьера, эполеты, власть,
Не возбуждали во мнѣ страсть
И въ молодые мои годы.
Различно созданъ человѣкъ—
Меня тянуло цѣлый вѣкъ
На лоно матери—природы.

Между тѣмъ время и не легкій трудъ администратора или распорядителя, которому приходится быть и судьею и чуть не полицейскимъ въ разношерстномъ обществѣ населяющемъ заводъ, помимо прямыхъ хлопотъ

и заботъ по управленію заводомъ и имѣніемъ, все вмѣстѣ пошатнуло мое здоровье, и я съ удовольствіемъ уступилъ поле дѣятельности Николаю Павлсвичу Преснухину—старшему сыну теперешнихъ владѣльцевъ, живущихъ постоянно въ Ставахъ.

Тамъ; въ этихъ милыхъ и дорогихъ по воспоминанію Ставахъ, привѣтствовалъ я 11 ноября 1902 года сорокалѣтнюю годовщину свадьбы владѣльцевъ, глубоко уважаемой всѣми, примѣрной четы Преснухиныхъ, въ лицѣ Екатерины Александровны и ея мужа, отставного подполковника Павла Васильевича, давно промѣнявшаго боевую саблю на мирный плугъ.

Это семейное торжество П. В. Преснухина *) живо напомнило мнѣ давно минувшіе годы и въ свою очередь подало мысль напомнить о немъ, къ сожалѣнію очень не многимъ изъ его боевыхъ товарищей, уцѣлѣвшихъ до нашихъ дней—тѣмъ болѣе, ввиду скораго юбилея славной защиты Севастополя, гдѣ въ числѣ выдающихся его защитниковъ, въ нынѣшнемъ музеѣ, красуется портретъ юнаго 22-хъ лѣтняго штабсъ-—капитана 6-го Сапернаго баталіона, П. В. Преснухина, просидѣвшаго въ Севастополѣ одинадцать мѣсяцевъ, давшаго тамъ въ минахъ 52 комуфлета непріятелю, за что былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст. и за другіе подвиги получившаго тамъ-же св. Анны 3-й ст. Св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантами, а равно и чины до штабсъ—капитана включительно.

На представленіе-же въ капитаны тамъ-же и тоже за отличіе, начальникъ инженеровъ, въ то время, генералъ Бухмейеръ сказалъ, смѣясь, дѣлавшему представленіе Тотлебену: „такимъ образомъ Преснухинъ и насъ перегонитъ въ чинахъ"....

Уроженецъ Великаго Новгорода, Преснухинъ, по окончаніи Аракчеевскаго Кадетскаго Корпуса, былъ произведенъ

---

*) Умеръ 25 Января 1904 г.

прапорщикомъ въ 6-й саперный баталіонъ, въ 1852 г. 11 августа и будучи еще безусымъ юношей, попалъ въ Севастопольскій огонь, гдѣ скоро сжился съ боевой обстановкой, а благодаря своей энергіи и твердости характера, равно такимъ примѣрамъ безсмертныхъ героевъ, какъ Нахимовъ, Истоминъ, Корниловъ, Хрулевъ и другіе, вполнѣ закалилъ себя.

Да и вообще всѣ славные защитники Севастополя скоро свыклись съ мыслію лечь костьми за родную землю, уже заблаговременно обрекши себя на жертву родинѣ и, никто не думалъ о самосохраненіи. Мало того, начали забавляться опасностью, обративъ ее въ какой-то спортъ. Такъ, считалось самымъ заурряднымъ дѣломъ—прогулка подъ выстрѣлами, куда обыкновенно приглашались „фазаны" налетавшіе за легкими наградами, при чемъ дѣлались умышленныя остановки для удобства скручиванія папиросъ, а „фазана" очень любезно просили подержать портъ-табакъ. Это называлось „Севастопольскимъ крещеніемъ".

Удальцы то и дѣло выкидывали разныя продѣлки съ непріятелемъ. Такъ напримѣръ, подкравшись къ его траншеямъ, схватывали кепи съ головы француза и удирали подъ выстрѣлами; въ глухую непроглядную ночь пластуны прокрадывались въ самый станъ непріятеля и, произвевъ тамъ тревогу, такъ же незамѣтно исчезали.

Обыденная жизнь непріятельскаго лагеря, благодаря недальнобойности тогдашняго огнестрѣльнаго оружія, была хорошо видна; между прочимъ было видно каждый день, какъ водили тамъ лошадей на водопой и наши офицеры любовались одной особенно красивой лошадью, всегда идущей впереди. Козакъ вызвался увести ее. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, во время водопоя, отчаянный смѣльчакъ помчался на неосѣдланной кобылѣ съ одной ногайкой въ рукѣ прямо подъ морду красавца—жеребца и повернулъ обратно. Поступокъ былъ до того дерзокъ и неожиданъ, что непріятельскіе коноводы, какъ говорится, остались съ

открытыми ртами, а взбудораженный жеребецъ, сбивъ сѣдока, прискакалъ за кобылой въ нашъ лагерь и былъ пойманъ подстерегавшими добычу козаками.

Завѣдуя минной войной на 4-мъ бастіонѣ, Преснухинъ чутко прислушивался къ работамъ непріятеля въ минахъ. Для этого онъ ложился головой въ голову минной галлереи, чтобы лучше слышать удары его кирки; сосчитывалъ удары и промежутки отдыха, обращалъ на это обстоятельство вниманіе минера и приказывалъ ему работать въ тактъ кирки противника. Поэтому всегда удачно предупреждалъ своимъ взрывомъ—взрывъ противника.

Въ одномъ мѣстѣ встрѣтя сплошной камень, Преснухинъ какъ бы обрадовался неожиданному препятствію, т. к. давно лелеялъ мысль пройти подъ непріятельской галлереей къ его батареямъ и у встрѣченнаго препятствія, опустясь колодцемъ, быстро и смѣло пошелъ своей галлереей подъ непріятелемъ. Заложивъ громадный зарядъ, въ сто двадцат пудовъ пороху, герой уже рисовалъ себѣ въ воображеніи страшную картину разрушенія непріятельскихъ сооруженій. По его словамъ отъ такого заряда полетѣли бы на воздухъ не только батареи осаждающаго, но пожалуй пострадала-бы и сама бухта, какъ отъ землетрясенія. Но къ крайнему огорченію нашего юнаго героя уже былъ отданъ приказъ объ отступленіи. Не смотря на приказъ отступать Преснухинъ все таки рѣшилъ выполнить свой планъ, но проводы оказались перерѣзаны безъ его вѣдома и шло общее отступленіе.

Послѣ, французы нашли тотъ зарядъ и остолбѣнели отъ ужаса предъ тѣмъ, что имъ готовилось. А готовилось дѣйствительно нѣчто ужасное! И Богъ знаетъ, опоздай приказъ объ отступленіи на часъ, два, взрывъ неминуемо произвелъ-бы общую панику у непріятеля, не говоря о разгромѣ его сооруженій и вмѣсто отступленія мы, можетъ быть, перешли-бы въ наступленіе; но, такъ рѣшила судьба, и юный герой, со слезами на глазахъ, покинулъ свой родной 4-й бастіонъ,

утѣшаясь только тѣмъ что Севастополь не взятъ непріятелемъ, а брошенъ нами. Послѣ Севастопольской войны, которая сильно дала себя знать нашему герою, ибо кромѣ ранъ и контузій въ голову и спину, отчего онъ въ строю не носилъ кивера и всю жизнь ходитъ наклонясь впередъ, еще нажилъ въ минахъ страшный ревматизмъ, отзывавшійся во всю послѣдующую жизнь и требовавшій поѣздокъ за границу для леченія.

Между прочимъ интересно безкорыстіе героя:

На вопросъ Великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей знавшихъ о подвигахъ Преснухина и желавшихъ выхлопотать у Императора Александра Николаевича особую для него награду, на ихъ вопросъ: „чего ты хочешь—проси“, Преспухинъ скромно отвѣчалъ: „прошу помѣстить въ институтъ на казенный счетъ младшую сестру Марію“, что конечно и было исполнено. Самъ-же Преспухинъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ отпущенъ за границу на полтора года на казенный счетъ для леченія. Тамъ онъ познакомился и близко сошелся съ извѣстнымъ проф. Конст. Дм. Ковелинымъ. Знакомство это имѣло значеніе и вліяніе на дальнѣйшую судьбу славнаго защитника Севастополя.

Не смотря на молодость, все таки строевая служба была для Преспухина тяжела, кромѣ того онъ мечталъ объ академіи. Съ этой цѣлью прикомандеровался къ Инженерному училищу, но заниматься тоже не могъ, вслѣдствіе головныхъ болей отъ контузій. Поселясь же въ Петербургѣ онъ каждое воскресенье обѣдалъ по приглашенію у проф. Кавелина, полюбившаго его отъ души. Здѣсь собирались лучшіе умы тогдашняго Петербурга, какъ-то: Костамаровъ, Драгоміровъ (тогда еще капитанъ) Гротъ, Добролюбовъ, Чернышевскій, Спасовичъ, между прочимъ докторъ Фейеръ, защищавшій еще въ тридцатыхъ годахъ въ Медицинской академіи гомеапатію и главари Польскаго движенія: Сѣраковскій и Огрызко. Эти послѣдніе были сдержаны, очевидно

прислушивались къ настроенію умовъ передовой Россіи, ввиду рухавки уже зарождавшейся передъ 1863 годомъ.

Видя что какъ строевая служба такъ и академія равно тяжелы для Преснухина и относясь сочувственно, какъ и Кавелинъ, къ молодому герою, Гротъ предложилъ ему мѣсто Окружного надзирателя Уманскаго и Звенигородскаго уѣздовъ (въ то время оба уѣзда составляли одинъ округъ) Кіевской губ. въ 1861 году, когда учреждалось въ Россіи питейно-акцизное управленіе. Принявъ съ благодарностью предложеніе Грота и выйдя въ отставку подполковникомъ, Преснухинъ поселился въ Умани. Устроившись тамъ онъ въ 1862 году женился на Екатеринѣ Александровнѣ Подобѣдовой, первое знакомство съ которой произошло раньше, вскорѣ послѣ Крымской войны, на балѣ въ Кагарлыкѣ, у тогдашняго владѣльца Трощинскаго, потомка извѣстнаго секретаря Императрицы Екатерины Великой, дававшаго балъ, вернувшимся изъ Севастополя на родную стоянку въ м. Бѣлую-Церковь саперамъ, въ числѣ коихъ на балѣ былъ и Преснухинъ, хотя никогда не танцовавшій, но обращавшій на себя вниманіе, какъ выдающійся герой. Кагарлыкъ нынѣ принадлежитъ Варшавскому Г. Губернатору М. И. Черткову.

Будучи со стороны моей матери двоюроднымъ братомъ Е. А. Подобѣдовой, я попалъ въ число ея шаферовъ, находясь въ то время во второмъ спеціальномъ классѣ Влад. Кіевск. Кадет. Корпуса и благодаря блаженной памяти сердечнаго, добраго директора—Адольфа Васильевича фонъ-Вольскаго, отпустившаго меня, я пировалъ на свадьбѣ въ Ставахъ. А пировали чуть не цѣлую недѣлю, не по теперешнему, — не успѣютъ повѣнчаться и удираютъ какъ зайцы. А смотришь, черезъ годъ не сошлись характеромъ и разъѣхались, вдобавокъ часто со скандаломъ.

Здѣсь кстати останавлюсь на современномъ бракѣ и на прекрасной половинѣ человѣческаго рода и на ее воспитаніи.

Вглядитесь въ современное общество. Оно кружится, точно въ вихрѣ, въ какомъ-то бѣшеномъ, непрерывномъ карнавалѣ, гдѣ царитъ женщина, отъ крестьянки—босоножки, хотя и скромно сапающей свекловицу въ теченіе трудового дня, но исключительно мечтающей о нарядахъ и пляскѣ на той-же свекловичной плантаціи, дающей ей средства, которыя она безъ всякаго расчета до послѣдней копейки тратитъ исключительно на наряды; до изнѣженной и въ конецъ развращенной столичной львицы, не знающей предѣла своей вакханаліи.

Несмотря на громадную разницу положеній, какъ первая такъ и вторая въ своихъ стремленіяхъ тождественны между собою. Ихъ головы равно отуманены жаждой наслажденія и разбирать пути къ достиженію цѣлей не въ ихъ принципахъ. Всѣ средства хороши!

Ихъ культъ—мода и флиртъ. Поклоненіе этому кумиру—ихъ религія. Это ихъ—святая святыхъ!

Проѣздомъ по желѣзнымъ дорогамъ, на каждой даже маленькой станціи, вы непремѣнно увидите на платформѣ какъ неизбѣжнаго жандарма, такъ и станціонныхъ аристократокъ во всеоружіи моды, шляпкахъ, перчаткахъ и съ зонтиками въ рукахъ, хотя-бы то происходило уже послѣ заката солнца. Онѣ выходятъ, какъ и жандармъ, къ каждому поѣзду обязательно, въ тайной надеждѣ, что авось, можетъ быть, какой нибудь проѣзжій принцъ, то бишь корнетъ заглядится на ихъ красу. Такъ проходятъ въ томительномъ ожиданіи чего-то сладко—неизвѣстнаго годы и поѣзда уносящіе разбитыя мечты, замирающія сегодня и воскресающія завтра съ новыми туманными надеждами.

Флиртъ, а для него и поклоненіе модѣ дошли въ наше время до геркулесовыхъ столбовъ. Это своего рода милитаризмъ въ юбкѣ.

Нѣтъ жертвы, предъ которой остановились-бы наши дамы во имя моды, вяжущей своихъ рабынь по рукамъ и по ногамъ до мелочей повседневнаго домашняго обихода,

гдѣ на каждомъ шагу эта ужасная мода стѣсняетъ несчастныхъ ея поклонницъ до того, что онѣ не могутъ свободно ни ходить, ни сѣсть, ни даже нагнуться, связанныя съ ногъ до головы: обувью, корсетомъ, покроемъ платья и прической. По тѣмъ же причинамъ онѣ лишены даже удобства ношенія носового платка за отсутствіемъ кармановъ въ модномъ платьѣ. Ради той-же моды онъ до того малъ и тонокъ, что не способенъ удовлетворять своему прямому назначенію помимо слезъ и частаго насморка, какъ слѣдствія условій моднаго щегольства.

Я глубоко убѣжденъ, что если законодательница—мода предпишетъ татуировку, наши прелестницы не задумаются подвергнуть себя ея истязаніямъ и выпишутъ изъ Америки мастеровъ этого дѣла—дикарей, которыя съ огромнымъ успѣхомъ займутъ свое амплуа, а декаденты—художники дадутъ спеціальные для татуиривки рисунки, отъ которыхъ не будетъ конца восторговъ.

Что я не голословенъ—укажу на факты.

Мнѣ пришлось побывать на ярмаркѣ въ одномъ торговомъ мѣстечкѣ, нашей Кіевской губерніи для покупки рабочаго скота. Сидя въ своемъ номерѣ заѣзжаго двора, я смотрѣлъ въ окно, наблюдая ярмарочныя сцены. Между прочимъ, замѣтилъ, какъ нѣсколько провинціальныхъ красавицъ несмѣло пробирались по одиночкѣ во дворъ. Заинтересованный, я спросилъ хозяйку двора, старуху—еврейку, объ этомъ обстоятельствѣ и былъ страшно пораженъ ея отвѣтомъ: „ну.... знаете.... ій треба.... дзонтычокъ. .. парцатоцки.... сляпоцку.... вона соби.... и заробыть“...... таковъ былъ наивный отвѣтъ.

Дальше было не о чемъ разговаривать съ отвратительной старухой, держащей у себя секретный притонъ разврата, гдѣ ради зонтика, перчатокъ и шляпки, все ставится на карту!!!...

Въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, одинъ владѣлецъ бойкаго магазина съ французской вывѣской сообщилъ мнѣ такой фактъ: лично знакомая ему дама „изъ общества“ подъ

шумокъ въ его магазинѣ спрятала подъ свою ротонду соболій дамскій воротникъ. По его словамъ, онъ до того былъ пораженъ ея нахальнымъ и дерзкимъ воровствомъ и такъ озадаченъ видѣннымъ, что просто растерялся; затѣмъ быстро мелькнувшая въ его воображеніи картина крупнаго скандала для мужа воровки въ случаѣ ея задержанія и жалость къ неповинному, уважаемому въ городѣ ея супругу—труженику такъ подѣйствовала на продавца, что онъ любезно распрощался съ воровкой, обрекши себя на такой непредвидѣнный и крупный убытокъ. Но мало того, она, эта интеллигентная воровка, имѣла настолько наглости и безстыдства, что впослѣдствіи, нарядившись въ краденый воротникъ, при встрѣчѣ хвалилась, якобы выписаннымъ собольимъ воротникомъ, показывая его тому-же владѣльцу магазина, какъ знатоку!.....

Другой, содержатель галантерейнаго магазина, гдѣ тоже бойко торгуютъ и собирается толпа покупателей, говорилъ мнѣ: „мы имѣемъ для наблюденія за покупателями спеціальныхъ приказчиковъ, которые при обращеніи къ нимъ публики только приказываютъ показать требуемый товаръ, но сами исключительно заняты надзоромъ и, замѣтивъ маневръ прелестной ручки, юркнувшей съ вещью подъ ротонду, они, наученные опытомъ, не дѣлаютъ скандала, доходящаго до окружного суда, какъ бывало, упаси Богъ, нѣтъ. Они просто и очень любезно просятъ позволенія завернуть якобы купленную вещь въ оберточную бумагу и тутъ-же вручаютъ чекъ для уплаты въ кассу".

Затѣмъ добавилъ онъ: „а тутъ еще на бѣду нашу и мода, какъ нарочно, дала покрой костюмовъ съ огромными мѣшками спереди!!....

Спрашивается: чего ждать и требовать отъ такого контингента дражайшихъ половинъ?.... На замѣчаніе мужа о непорядкахъ въ кухнѣ, она отвѣчаетъ; „я тебѣ не кухарка"!.. на замѣчаніе о бѣльѣ, она съ презрѣніемъ скажетъ; „я тебѣ не прачка"!... О безпорядкѣ въ квартирѣ, отвѣтитъ; „я тебѣ не горничная досталась"!....

Посмотрите-же на нее, съ гордой осанкой герцогини, съ неизбѣжной мѣховой горжеткой даже въ маѣ мѣсяцѣ, подметающую своимъ шлейфомъ грязный тротуаръ, украшенную всевозможными модными и ни къ чему непригодными побрякушками, добытыми, можетъ быть, горбомъ мужа, а можетъ быть, и тѣмъ или инымъ нелегальнымъ путемъ, какъ и соболій воротникъ, въ шляпкѣ въ видѣ обширнаго навѣса надъ параднымъ подъѣздомъ, причемъ отекшая до изнеможенія рука, какъ кронштейнъ все время поддерживаетъ этотъ шляпку—навѣсъ, едва держащійся на всклокоченной прическѣ; другая ея рука занята неизбѣжнымъ зонтикомъ и мѣшечкомъ съ кошелькомъ и носовымъ платкомъ, такъ какъ мода не даетъ указанія гдѣ въ платьѣ можно имѣть карманъ. Въ концѣ концовъ остается пожалѣть, что природа не дала женщинѣ третьей руки для поддерживанія шлейфа, который безпомощно и безжалостно треплется о мостовую, подбирая и занося иногда міазмы въ родную семью.

Не забуду при этомъ случая, описаннаго въ Рус. Старинѣ: къ Императору Александру II явилась съ прошеніемъ разфранченая дама, жалуясь, что ей долго задерживаютъ пенсію послѣ покойнаго мужа и, что черезъ это дѣти ея обречены на голодъ. Государь, несмотря на то, что былъ всегда необыкновенно вѣжливъ, при видѣ дорогихъ украшеній просительницы, вспылилъ до того, что рѣзко отвѣтилъ: „сударыня, вы первая виновница въ бѣдствіяхъ вашихъ дѣтей, снимите всѣ эти побрякушки, и дѣти ваши будутъ обезпечены на цѣлый годъ“.

Встрѣчая на улицѣ подобную модную картинку или нарядную куклу, вы вполнѣ съ ней согласитесь, что она и „не кухарка“ и „не прачка“ и „не горничная“.

Но и всего менѣе жена, дочь или сестра труженика мужа, отца или брата, смотря по тому, чьимъ именемъ, кровомъ и карманомъ она легально, но безсовѣстно пользуется.

И тамъ, гдѣ быть ей надлежитъ—у семейнаго очага, она сама чувствуетъ, что не имѣетъ мѣста. Мѣсто свое она нашла—на улицѣ! Эта улица притягиваетъ къ себѣ все ея ничтожное существо. Увлекаемая праздной, уличной толпой себѣ подобныхъ, она стремится туда неудержимо, какъ соломинка въ мутный весенній потокъ. Въ этой мути житейскаго водоворота все болѣе и болѣе глохнетъ голосъ совѣсти и долга; и, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдки случаи проявленія воли и разума, чтобы ихъ усиліями можно было-бы вырваться несчастной изъ грязнаго потока, куда она окунулась сначала, можетъ быть, по неопытности и легкомыслію, присущимъ молодости вообще.

Кто виноватъ?

Увы, къ стыду нашему, должно сознаться, что кругомъ виноватъ мужчина. Да, онъ первый, какъ демонъ—искуситель показалъ ей весь цинизмъ такой жизни, прикрытой эфектомъ блестящей обстановки интеллигентнаго кабака, заглушенной веселой музыкой и двусмысленной пѣсней и залитой виномъ. Онъ умышленно, не предупредивъ объ опасности, поставилъ ея молодую, неопытную душу на самомъ краю зіяющей бездны чарующаго разврата. Несчастная неофитка, довѣрчиво потянувшись къ очаровавшему ее цвѣтку, проваливается и падаетъ!.... Изуродованная нравственно въ своемъ паденіи, она не будетъ поднята своимъ развратителемъ, уже ищущимъ новыхъ наслажденій и жертвъ, не вернется къ прежней жизни и будетъ бродить, по дну пропасти, куда случайно попала, и въ свою очередь—затягивать въ это болото безусыхъ птенцовъ, разоряя и награждая ихъ всевозможными болѣзнями, какъбы мстя за свое страшное паденіе.

Къ этому паденію она подготовлялась, однако, съ самыхъ пеленокъ, благодаря легкомысленному ея воспитанію. Окружавшая ее атмосфера съ ранняго дѣтства напоена лестью ея физической красотѣ.

Начиная съ бабушекъ и тетушекъ, трубящихъ, что она красавица и необыкновенный ребенокъ, всѣ льстятъ въ угоду ея матери, восхваляя дочь. Такимъ образомъ, въ ней рано пробуждается женщина и она начинаетъ вѣрить въ свою неотразимость, начинаетъ мечтать о себѣ еще въ пору ученія, которое отходитъ на второй планъ, строитъ уже воздушные замки и вертится передъ зеркаломъ. Въ учителѣ видитъ не предметъ знанія а предметъ обожанія. Обладая даже мало привлекательной наружностью, она перестаетъ вѣрить точности зеркала, а вѣритъ тому, что говорятъ льстецы, ищетъ въ зеркалѣ несуществующую привлекательность, и тутъ то идетъ усиленное подыскиваніе того, „что идетъ и, что къ лицу". На это исканіе своего рода философскаго камня уходитъ добрая половина жизни женщины. О нравственномъ обликѣ своей физіономіи ей не приходитъ и въ голову. Не довольствуясь зеркалами въ домѣ, она не пропуститъ ни одного магазина съ зеркальными стеклами, гдѣ, подъ видомъ разсматриванія выставленныхъ товаровъ, любуется отраженіемъ собственной своей особы. Воображеніе у ней развивается до болѣзненныхъ размѣровъ, а здоровая мысль засыпаетъ, увы, часто на вѣкъ. Сдѣлавшись, въ свою очередь, матерью, она передаетъ своему потомству не болѣе того, что получила сама, и подъ старость, живя воспоминаніемъ тѣхъ чарующихъ дней, когда за ней ухаживали, говоритъ со вздохомъ, по выраженію Беранже:

„Гдѣ ты, юность моя знойная,
„Ручка моя бѣлая,
„Ножка моя стройная?!..,

Очевидно, даже въ старости, послѣ горькихъ опытовъ жизни и ряда разочарованій, не каждая приходитъ къ здравому анализу своего прошлаго, а только жалуется на судьбу и людей, забывая, что человѣкъ по отношенію къ

самому себѣ, прежде всего долженъ винить самого себя. Иная, можетъ быть, раньше или позже и оглянется трезвыми очами, но во всякомъ случаѣ опоздаетъ передать добрыя начала своему поколѣнію; а ему надо прививать это начало вмѣстѣ съ оспой. И какъ оспа страхуетъ здоровье и жизнь, такъ и тѣ или иные принципы, прививаясь ребенку съ колыбели и всасываясь въ его младенческую душу, какъ оспа въ кровь, создаютъ или доблестнаго гражданина или абсолютнаго негодяя.

Уже въ два—три года ребенокъ вполнѣ созрѣлъ для впечатлѣній, а до пяти—шести лѣтъ рабски подражаетъ и усваиваетъ отъ родителей все, что видитъ и слышитъ до интонаціи голоса, манеры и походки включительно. По отношенію къ себѣ онъ особенно чутокъ, вотъ почему я всегда глубоко возмущаюсь, когда расточаютъ похвалы ребенку въ его присутствіи.

Замѣтьте при этомъ, что предметъ восторговъ, едва сдерживая улыбку удовольствія обратясь весь въ слухъ и вниманіе, дѣлаетъ видъ, что очень занятъ своими игрушками. И вотъ, съ такихъ уже лѣтъ начинается систематическая порча женщины. Ее съ колыбели наряжаютъ какъ куклу, все вниманіе матерей обращено лишь на то, „что идетъ и, что не идетъ“. Въ такихъ условіяхъ выростаютъ будущія жены и матери.

Статистика указываетъ на огромное сокращеніе браковъ въ наше время. А гдѣ причины?

Въ деревнѣ, въ средѣ простого народа браки заключаются очень рано, потому, что нужна хозяйка, на которой зиждется все благоустройство дома и семьи. Но у насъ въ „обществѣ“ бракъ есть роскошь и какъ и всякая роскошь, требуетъ излишнихъ затратъ; а потому юному интеллигенту объ этой роскоши не полагается даже и мечтать. Тѣмъ не менѣе, по существу самой природы, онъ мечтаетъ и каждому холостяку средняго достатка, ставшему на свои ноги, особенно въ возрастѣ между 30 и 40 годами

все чаще и чаще является мысль о семейномъ очагѣ. Ему неотступно рисуются заманчивыя картины семейнаго счастья и онъ: твердя себѣ, „пора, пора“, спѣшитъ въ общество, гдѣ представляется огромный выборъ невѣстъ. Всѣ онѣ милы, очаровательны, сущіе ангелы.

Невольно припоминаю при этомъ замѣчаніе одного знакомаго: „отчего всѣ барышни—ангелы, а женъ—ангеловъ что-то неслышно“? Да отъ того, добавлю я, что барышень мы видимъ на благородной дистанціи, а всякая даль красива; потому же самому и чужія жены тоже ангелы. Но вернемся къ искателю семейнаго счастья. Въ любой гостиной идутъ безконечные разговоры и споры о Шаляпиныхъ, Собиновыхъ, балахъ, вечерахъ и снова о Шаляпиныхъ...... О житейскихъ нуждахъ повседневной жизни тамъ даже не принято говорить, считается неприличнымъ. При видѣ этихъ очаровательныхъ но дорогихъ куколъ, слушая ихъ милую болтовню и оцѣнивая по достоинству ихъ стремленія, наряды и побрякушки, ему ясно становится, что любая изъ нихъ, сдѣлавшись подругой его скромной жизни, неминуемо будетъ ухлопывать по меньшей мѣрѣ половину его годового бюджета, оправдываясь тѣмъ, что лучше отказать себѣ въ чемъ другомъ, но послушать Шаляпина необходимо; лучше отказать себѣ въ чемъ другомъ но модную шляпку имѣть необходимо; лучше отказать себѣ въ чемъ другомъ, но дачу нанять необходимо...... такимъ образомъ, отказывая себѣ во всемъ, будетъ достигнуто все „необходимое“; а грядущее потомство, а мамки,—наши барыни сами не кормятъ,—а няньки?... Отъ такихъ картинъ въ воображеніи злосчастнаго искателя волосъ становится дыбомъ и онъ, отравленный страшной перспективой неизбѣжной дѣйствительности, возвратясь съ неудачной рекогносцировки, спѣшитъ отъ соблазна замкнуться въ своемъ уголкѣ, какъ улитка въ своей раковинѣ. И у него надолго если не навсегда пропадаетъ охота къ устройству собственнаго семейнаго очага.

Развѣ впослѣдствіи, при житейскихъ удачахъ, достигши болѣе крупнаго матеріальнаго ценза, данный субъектъ окончательно рѣшится на роковой шагъ и женится. Но всѣ его мечты, въ большей части случаевъ, разбиваются въ прахъ и мечтатель дѣлается ни больше ни меньше какъ дойной коровой и козломъ отпущенія. Его дражайшая половина, воспитанная въ пустой и праздной средѣ и продолжая въ ней вращаться, привыкшая не думать а только мечтать, скоро начинаетъ скучать и томиться прозаической жизнью хозяйки, вѣря самымъ искреннимъ образомъ, что она „не создана для такой будничной жизни“, что „ее никто непонимаетъ“!.... И если она мало-мальски смазлива, то понимающій ее тутъ какъ тутъ: „пойметъ, оцѣнитъ“... и прощай хозяйскіе горшки!...

Мнѣ часто приходитъ въ голову: почему эти цѣнители чужихъ женъ не стоятъ на ряду съ конокрадами и другими любителями чужого добра? Противники, конечно, скажутъ, что жена не лошадь. Совершенно вѣрно. Но несомнѣнно вѣрно и то, что порядочный человѣкъ, случайно даже попавъ въ положеніе „цѣнителя“, благоразумно уклонится отъ столь лестной обязанности; особа же, которую никто не понимаетъ, спустясь съ облаковъ, куда уносила ее фантазія, пойметъ, наконецъ, сама себя и дѣло разрѣшится благополучно. Все таки надо замѣтить, что сама женщина въ слишкомъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ первая бросится къ „утѣшителю“; для такого шага надо ей слишкомъ много переиспытать и перечувствовать, несмотря на легкомысленное воспитаніе.

Тутъ-же, попутно, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ и о воспитаніи вообще. Ребенокъ у насъ не пріучается съ мололѣтства къ сознанію долга, ради котораго онъ обязанъ трудиться изъ принципа, нѣтъ онъ работаетъ ради награды или изъ страха наказанія. Отсюда у него рано развивается угодничество, лесть, зависть, злорадство

и самый жестокій эгоизмъ. Эти доблести у насъ широко процвѣтаютъ и даютъ себя чувствовать и въ школѣ и въ жизни. Отсюда неуравновѣшенность внутренняго „я", какъ у школьника такъ и у взрослаго человѣка. Отсюда взглядъ на исполненный долгъ какъ на подвигъ, и каждый маломальски его исполнившій смотритъ уже героемъ, требующимъ если не Георгія, то по крайней мѣрѣ Владиміра съ бантомъ; но внутренняго удовлетворенія, какъ слѣдствія исполненнаго долга, онъ не чувствуетъ, не сознаетъ, дѣлая все на показъ, какъ на выставку.

Къ чужой бѣдѣ въ его душонкѣ гнѣздится торжествующее злорадство. О поддержкѣ и помощи въ несчастьи у насъ и рѣчи не бываетъ и всякій отворачиваясь повторяетъ: „по дѣломъ, не будь дуракомъ", т. е. почему не пользовался случаемъ и не хваталъ, гдѣ было возможно, что плохо лежалс. Отсюда и поговорка, оправдывающая вора: „ходя около воды, нельзя не замочиться". Поговорка, перешедшая уже какъ бы въ обязательство „замочиться", гдѣ представляется удобный случай: около казеннаго или общественнаго, а то и частнаго сундука, кирпича, дровъ, наконецъ, около самой казенной воды. А случаи, при общерусской халатности сами лѣзутъ въ руки. Ну, какъ устоять противъ соблазна? Тѣмъ болѣе, что субъекта имѣвшаго, по Некрасову, доходное мѣсто и неимѣвшаго дохода, „общество" хотя и не гласно а въ тихомолку, клеймитъ дуракомъ, встрѣчая и провожая презрительной улыбкой; а ловко извернувшемуся хапугѣ и вышедшему изъ воды сухимъ, оно умильно заглядываетъ въ глаза и горячо жметъ руку, вполнѣ сознавая, что общественное мнѣніе, нося постоянно темно-синіе очки, не видитъ многаго передъ самымъ своимъ носомъ, а всевидящее око гласности—давно покрыто катарактой.

Въ результатѣ: подобно призовой скачкѣ, тотъ стремительный карьеризмъ, обуявшій общество, гдѣ „подставленная ножка" и „подложенная свинья" составляютъ де-

визъ подлой душонки современнаго типа интеллигента, а слово „человѣкъ“ въ полномъ его значенiи, съ которымъ онъ такъ носился, надѣвъ голубой новый воротникъ, уже на четвертомъ курсѣ начинаетъ меркнуть, забываться и окончательно улетучивается изъ его понятiя вмѣстѣ съ покинутымъ навсегда голубымъ околышемъ.

У всѣхъ одно стремленiе поскорѣе и поудобнѣе пристроиться къ казенному или общественному пирогу, если не въ столицѣ, то въ лучшихъ центрахъ широкой матери—Россiи и полное отсутствiе инацiативы къ самодѣятельности, а въ этой послѣдней именно и нуждается наша дорогая родина. Наши окраины съ ихъ несмѣтными сокровищами ждутъ—не дождутся пiонеровъ съ молодыми силами и необходимымъ знанiемъ, которымъ вполнѣ надѣляютъ ихъ наши спецiальные институты. И сколько этихъ молодыхъ силъ во всеоружiи знанiя чахнетъ только потому, что не туда смотритъ, стремясь къ центрамъ. Ихъ прямое назначенiе заселять и культивировать окраины; тамъ при ихъ знанiи, быстро зацвѣтетъ промышленность, а втунѣ лежащiя пространства, плодородной почвы съ прекраснымъ климатомъ обратятся въ новыя житницы Россiи.

Но я далеко уклонился отъ повѣтствованiя о П. В. Преснухинѣ, который прослужа по акцизу до 1868 г., покинувъ службу и Умань, и переселясь въ Ставы еще при жизни владѣлицъ, (тетокъ жены,—Четвериковыхъ) всецѣло отдался сельскому хозяйству, къ которому всегда питалъ большое влеченiе.

Въ тѣ времена еще были свѣжи въ памяти защитники Севастополя. Тотлебенъ и Зеленый,—(Министръ Госуд. Имущ., командовавшiй Тобольскимъ полкомъ въ Крымскую войну) личные свидѣтели подвиговъ Преснухина, выхлопотали ему у Государя Александра II, въ видѣ особой награды, покупку на льготныхъ правахъ земельнаго владѣнiя около тысячи десятинъ отъ казны, изъ конфискованныхъ имѣнiй

въ Кіевской губ. Звенигородскаго уѣзда при с. с. Орлы и Чесновка.

Имѣніемъ этимъ Преснухинъ пользовался не долго и продалъ его, сосредоточивъ всѣ заботы на любимыхъ Ставахъ.

Однако по настойчивому приглашенію Кіевскаго Генер. Губернатора Дрентельна, онъ прослужилъ около пяти лѣтъ Кіевскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства; но отвлеченный этой службой отъ деревни все таки скучалъ по Ставамъ, куда его влекло любимое занятіе, къ тому-же усиливалась глухота—послѣдствіе контузій. Ссылаясь на нее, онъ настаивалъ на отставкѣ и бросилъ службу на всегда, не смотря на усиленныя просьбы бывшаго тогда Generалъ-Губернатора Графа Игнатьева: „не покидать его“.

Въ этой послѣдней службѣ П. В. Преснухинъ тоже оставилъ добрую память своими кадастровыми работами. Хозяйство въ Ставахъ поставлено Павломъ Васильевичемъ образцово. Благодаря разверткѣ имѣнія, многопольное, плюсъ большой, отлично устроенный винокуренный заводъ съ ректификаціей и казеннымъ виннымъ складомъ; селекціонная станція свекловицы; все вмѣстѣ даетъ порядочный доходъ, не говоря о Почапинцхъ съ сахарнымъ заводомъ. Хотя, правду сказать, доходность сахарныхъ заводовъ отошла уже въ область преданій, къ тому-же общерусская болѣзнь—безденежье и слишкомъ дорогой кредитъ вяжутъ руки сельскимъ хозяевамъ. Почапинцами завѣдуетъ старшій сынъ Павла Васильевича, какъ уже сказано, Николай, уже семейный, а въ Ставахъ работаетъ, подъ руководствомъ отца, младшій—Борисъ.

Несмотря на свои недуги, Павелъ Васильевичъ весь уходитъ въ хозяйство. Всю зиму онъ занятъ расчетами, соображеніями, статистикой, сравнительными таблицами урожаевъ и чтеніемъ, выписывая, какъ журналы такъ и всѣ интересныя новости литературы, слѣдя за прогрессомъ

всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства. Лѣтомъ, въ хорошую погоду, объѣзжаетъ свое сложное хозяйство съ неизмѣннымъ спутникомъ—домашнимъ врачемъ, безъ наблюденія и поддержки котораго, къ огорченію всѣхъ близкихъ, не можетъ обойтись, то отдыхаетъ на балконѣ роскошной усадьбы, окруженный семью внуками и заботами и попеченіями обожаемой жены; или тихо обходитъ свой огромный садъ—паркъ, расположенный на трехъ скатахъ къ рѣчкѣ Безъимянкѣ, поросшей камышемъ, тростникомъ и бѣлыми водяными лиліями, причудливо огибающей весь садъ и кокетливо мелькающей сквозь тѣнистую его зелень; то любуется красивымъ расположеніемъ собственной посадки рощицъ и аллей: березовой, сосновой, еловой, дубовой и питомниками. Древонасажденіе его конекъ. И, правду сказать, есть чѣмъ залюбоваться: помимо природы, повсюду видна дѣятельная и любящая рука хозяина—работника. Въ этомъ благословенномъ уголкѣ привѣтствовалъ я сорокалѣтнюю годовщину супружества примѣрной и всѣми уважаемой четы Преснухиныхъ, окруженной любящимъ ихъ потомствомъ и близкими друзьями, слѣдующимъ стихотвореніемъ:

Давно я помню этотъ залъ.
Здѣсь любопытныхъ привлекалъ,
Съ крестомъ Георгія, женихъ,
Невѣсты свадебный нарядъ
И въ церкви таинства обрядъ;
Обѣдъ и балъ въ честь молодыхъ.
И снова здѣсь, я счастливъ, радъ,
Какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ!
Но изъ свидѣтелей тѣхъ дней
Лишь двое, близкихъ Вамъ, родныхъ,
Остались: братъ, да я въ живыхъ,
Да старый кучеръ, Моисей,
Что въ церковь Васъ, на вороныхъ,

Возилъ къ вѣнцу. А остальныхъ.....
Потокомъ вѣчнымъ унесло,
Рѣки забвенія русло!
Не мало утекло воды,
Не малъ и для забвенья срокъ!
Но этотъ чудный уголокъ:
Его сады, поля, пруды.,.
Его любя, зовете Вы:
„Родные, милые Ставы“!
Ихъ не забыть мнѣ никогда!
Здѣсь юности моей года
Мелькнули, точно метеоръ!
Но съ тѣхъ далекихъ уже поръ
Давно серебрятся волоса;
Давно Васъ окружаютъ внуки,
Ихъ звонкій смѣхъ и голоса
Для Васъ—что оперные звуки.
Здѣсь наслажденіе и трудъ,
Не споря, объ руку идутъ;
Здѣсь давняго порядка строй,
Все вѣетъ доброй стариной.
Труда, десятками годовъ,
Хозяинъ занятый для насъ
Всегда найдетъ свободный часъ,
Дѣлиться опытомъ готовъ.
Его хозяйство симпатично,
Неизгладимъ повсюду слѣдъ
Его труда за много лѣтъ
Его радушье безгранично.
Пріемъ хозяйки домовитой,
Ея улыбки добрыхъ глазъ,
Ея привѣтъ—души открытой
Забыть нельзя, кто видѣлъ разъ.
Семьи традиціямъ вѣрна,
Здѣсь жизнь проходитъ безъ пятна.

Всѣ стадіи семейной жизни
Вы провели безъ укоризны,
Хоть были грòзы надъ семьей,
Вы твердо ихъ ударъ сносили
И крѣпки вѣрой и душой
Всегда для насъ примѣромъ были.
Примите-жъ шафера привѣтъ:
Пошли Вамъ Богъ, въ семьѣ родной,
Дожить до свадьбы зодотой
И счастья долгихъ много лѣтъ!

Заканчивая повѣсть объ этой дѣйствительно примѣрной семьѣ, Преснухиныхъ, я былъ сраженъ печальной телеграммой о смерти незабвеннаго Павла Васильевича и какъ не были подготовлены всѣ мы послѣдними вѣстями о состояніи его плохого здоровья, все же таились надежды, что онъ доживетъ до своего праздника—Севастопольскаго юбилея, котораго ожидалъ съ большимъ интересомъ. Онъ тихо скончался 25 января, оплакиваемый всей семьей.

Собираясь на похороны, я увѣдомилъ объ этомъ грустномъ фактѣ полковника Малишевскаго, командира 6-го сапернаго баталіона въ виду того, что родной баталіонъ всегда помнилъ своего Севастопольскаго героя и поддерживалъ съ нимъ связи. Полковникъ Малишевскій очень любезно поспѣшилъ пріѣхать ко мнѣ, чтобы уговориться относительно поѣздки ‘въ Ставы для отданія послѣдняго долга отъ имени родного баталіона усопшему герою. Предполагалось отрядить съ этой печальной миссіей командира 3-й роты, которой командовалъ подъ Севастополемъ Павелъ Васильевичъ, съ ассистентомъ и фельдфебелемъ, а равно и почетный караулъ ко гробу. Но вслѣдъ за тѣмъ полковникъ Малишевскій получилъ распоряженіе немедленно готовитъся къ походу и потому, пріѣхавъ ко мнѣ снова, объяснилъ обстоятельства, и передалъ чрезъ меня

только прекрасный вѣнокъ отъ 6-го сапернаго баталіона при слѣдующемъ письмѣ женѣ покойнаго.

Глубокоуважаемая

Екатерина Александровна!

6-й саперный баталіонъ, раздѣляя со всѣми чувство глубокой скорби, вызванное смертью глубокочтимаго Павла Васильевича, безконечно удрученъ тѣмъ обстоятельствомъ, что, по совершенно независящимъ отъ него причинамъ, не можетъ отдать послѣдній долгъ и принести почести усопшему. Памятуя великіе дни Севастопольской обороны, во время которыхъ покойный геройскими подвигами обезсмертилъ свое имя и покрылъ вѣчною славою нашу часть, я и всѣ чины баталіона просимъ возложить отъ нашего имени на гробъ покойнаго вѣнокъ, эту скорбную и, къ сожалѣнію, нѣмую дань.

Миръ праху доблестнаго героя!

Своей геройской душой онъ въ сердцахъ признательнаго потомства и каждаго изъ чиновъ баталіона создалъ себѣ вѣчный памятникъ, неизгладимый примѣръ высокаго пониманія долга и самоотверженной службы.

Преклоняясь заочно предъ гробомъ усопшаго я и офицеры баталіона просимъ родственниковъ покойнаго принять искреннѣйшія увѣренія въ глубокомъ сочувствіи къ ихъ безконечному горю.

Командиръ 6-го Сапернаго баталіона

Полковникъ Малишевскій.

А. И. Сыхра.

Полкъ и мои скитанія.

Памяти А. И. Сыхры.

Драгуны были прежнихъ дней
Въ составѣ пять дивизіоновъ.
(Пикинеры въ счетъ не шли)
(Они фланги берегли).
Бывало въ десять эскадроновъ
Несется полкъ богатырей,
Какъ моря грознаго приливъ,
Къ атакѣ шашки обнаживъ.
Отъ массы топота копытъ
Земля, казалось, вся дрожитъ;
Какъ будто, слышенъ ея стонъ,
Такъ воздухъ гуломъ напоенъ.
Лишь тучи пыльныхъ облаковъ,
Взметали тысячи подковъ
Да вѣтеръ звонко по клинкамъ
Свистя казалось ихъ точилъ,
Пылъ сообщая скакунамъ,
Азартъ у всадниковъ будилъ.
Но вдругъ команда раздается,
Когда полкъ бѣшено несется,
„Стой! Къ пѣшему строю слезай!"
Данъ цукъ, при строгости удилъ,
И полкъ на мѣстѣ осадилъ.
Грозя ребятамъ: „не зѣвай!"
Несется окликъ межъ рядовъ,
Не въ мѣру строгихъ вахмистровъ.

Поводья кинувъ, штыкъ примкнувъ,
Уже драгуны въ пѣшемъ строѣ,
Еще отъ скачки не вздохнувъ,
Готовы въ дѣло боевое.
Строятъ мигомъ они взводы....
Слышенъ грохотъ барабана,
Пылью скрыты коноводы....
Вотъ изъ пыльнаго тумана
Показался строй колоннъ—
То—драгунъ баталіонъ!
И только шпоръ и лязгъ и звонъ
Выдавалъ на маршѣ роты,
Что грозный тотъ баталіонъ
Не линейной былъ пѣхоты.

Уважаемый нами, нашъ эскадронный командиръ, Александръ Ивановичъ Сыхра разсказывалъ мнѣ объ эфектѣ спѣшиванія драгунскихъ полковъ временъ Императора Николая Павловича. Полкъ въ пѣшемъ строю того времени давалъ полный пѣхотный баталіонъ до барабанщиковъ включительно. Когда полкъ на карьерѣ осаживалъ на мѣстѣ, „къ пѣшему строю“, поднимались страшные клубы пыли—какъ облака, покрывая собою до тѣхъ поръ ясно видѣнную картину кавалерійской атаки развернутымъ фронтомъ. Зритель не посвященый бывалъ пораженъ, при видѣ выходящей пѣхоты изъ пыльныхъ облаковъ, рѣшительно недоумѣвая, откуда взялась пѣхота, т. к. пыль совершенно скрывала коноводовъ. Запечатлѣвъ его разсказъ, я старался изобразить въ стихахъ ту картину, посвятивъ ее памяти дорогого мнѣ командира. Кстати сообщаю читателю интересный эпизодъ изъ его службы и мои свѣденія о немъ, какъ о выдающемся героѣ.

Александръ Ивановичъ командовалъ четвертымъ эскадрономъ Каргопольскаго драгунскаго полка, въ которомъ я

имѣлъ честь служить и былъ въ полномъ значенiи слова боевымъ офицеромъ. Начавъ службу на Кавказѣ, не помню въ которомъ изъ драгунскихъ полковъ, онъ въ двадцать четыре года отъ роду былъ уже маiоромъ и командовалъ конечно эскадрономъ, при чемъ всѣ чины и кресты получилъ за боевыя отличiя, сверхъ того имѣлъ рѣдкую награду—нагрудный крестъ отъ Имцератора Александра Николаевича; бывшаго въ то время еще наслѣдникомъ Престола.

Съ такимъ командиромъ лестно было служить и нашъ 4-й эскадронъ считался боевымъ по своей подготовкѣ.

Свою беззавѣтную храбрость Сыхра проявилъ подъ Карсомъ, во время Крымской войны. Эпизодъ этотъ онъ лично мнѣ разсказывалъ и я ни сколько не сомнѣваюсь въ его правдивости т. к. Александра Ивановича отнюдь нельзя было назвать хвастуномъ и какъ всѣ храбрые люди, онъ былъ болѣе чѣмъ скроменъ въ бесѣдахъ о себѣ.

По его словамъ дѣло было такъ: „стояли мы подъ Карсомъ съ казачей полубатареей въ сторонкѣ, какъ будъто забытые начальствомъ. Противъ насъ турецкая батарея то и дѣло вырывала у меня людей изъ строя. „Сомкнись“ сказалъ я разъ, видя жертвы. „Сомкнись“ —опять. Вижу, анафема пристрѣлялся. Подъѣзжаю къ командиру полубатареи — молодому сотнику. Давайте, говорю ему, попробуемъ заставить ихъ—подлецовъ замолчать. „А какъ?“ спрашиваетъ сотникъ.

„А видите-ли, говорю, между нами не глубокая долина, спускайтесь въ нее и скачите къ нимъ „на ближнюю картечь“, да и плюньте имъ въ самую рожу. Я конечно вслѣдъ за Вами насяду съ эскадраномъ. При удачномъ залпѣ Вы перебьете у нихъ прислугу и захватимъ турецкiя пушки. Сказано - сдѣлано. Ему (сотнику) дали Георгiя, а мнѣ маiора.

Правда, я потерялъ всѣхъ своихъ офицеровъ и шестьдесятъ человѣкъ изъ строя, но батарею, турецкую все таки взяли.

Потомъ смѣясь добавилъ онъ извѣстное стихотвореніе, жалобу пѣхотнаго маіора на судьбу: „И

„Вотъ маіоромъ десять лѣтъ,
„А надежды нѣтъ, какъ нѣтъ
„Въ подполковники . . . .

„Ну да чортъ съ нимъ, скоро выйду въ отставку и поѣду къ дядѣ въ Смоленскую губернію Старикъ давно уже зоветъ меня къ себѣ“.

Отдавшись воспоминаніямъ прошлаго, въ которомъ мелькаютъ портреты полковыхъ товарищей до полкового командира полков. Набеля включительно, я невольно останавливаюсь на прапорщикѣ Власовскомъ, впослѣдствіи Московскомъ оберъ полицмейстерѣ, такъ энергично способствовавшемъ благообразію и порядку Бѣлокаменной, какъ ея украшенію, по словамъ Скалозуба, способствовалъ пожаръ двѣнадцатаго года.

Мы, оба съ Власовскимъ, служа въ 4-мъ эскадронѣ въ 1864 г., были съ полуэскадрономъ въ отдѣлѣ и стояли въ одномъ мѣстечкѣ Царства Польскаго, не помню названія. Въ то время нашъ полкъ былъ раздробленъ и даже взводы бывали въ отдѣлѣ—въ мелкихъ отрядахъ, охотясь за повстанцами. Нашъ полуэкскадронъ и мы оба помѣщались въ заѣзжемъ дворѣ. Власовскій былъ вообще довольно мрачнаго характера, рѣчь его была отрывиста, несловоохотливъ и мы большею частію сосредоточенно молчали, дымя папиросами и ожидая каждую минуту приказа выступать. Сгущались сумерки зимняго вечера. Вдругъ входитъ вахмистръ и докладываетъ Власовскому, какъ командиру полуэскандрона, „Ваше благородіе, у насъ бѣда случилась—украдено ружье, сумка съ патронами и шашка (такого-то) рядового“, (фамиліи не помню). Власовскій, что называется, закипѣлъ. Безъ всякихъ разговоровъ, произведя рукоприкладство, со словами, „чтобъ было!“ вытолкнулъ вахмистра за дверь. Пройдясь въ волненіи нѣсколько

разъ по комнатѣ, онъ остановился передо мною со словами: „Ты понимаешь-ли всю суть дѣла, вѣдь это такой скандалъ, о которомъ я и доносить не хочу, пусть-бы его подлеца зарѣзали соннаго какъ барана, но о кражѣ оружія, въ военное время, это чортъ знаетъ что такое!“

— Что же дѣлать? спросилъ я.

— Я найду, продолжалъ Власовскій и приотворивъ дверь изъ нашей комнаты, кликнулъ вахмистра. Тотъ немедленно явился.

— Здѣсь по сосѣдству свадьба? спросилъ Власовскій.

— Такъ точно, отвѣчалъ вахмистръ.

— „Въ одну минуту приготовить розогъ и оцѣпить свадьбу, пшелъ!“ крикнулъ Власовскій. Вахмистръ исчезъ за дверью.

— Что ты хочешь дѣлать? угадывая намѣреніе Власовскаго и не вѣря себѣ, спросилъ я. Власовскій молчалъ и нервно ходилъ по комнатѣ. Вскорѣ явился вахмистръ съ докладомъ: „Готово, Ваше бл—діе“.

— „Пойдемъ, если хочешь“, предложилъ мнѣ Власовскій, выходя изъ комнаты. Я предпочелъ остаться, предвидя тяжелую расправу. Мое предположеніе оправдалось, Власовскій пересѣкъ всю свадьбу: хозяевъ, молодыхъ, гостей и музыкантовъ. Торжествуя онъ вернулся назадъ и заявилъ мнѣ: „нашелъ, все въ порядкѣ и будутъ помнить подлецы“.

Оказалось, что одинъ изъ гостей свадьбы, дѣйствительно, укралъ оружіе и спряталъ въ кучѣ навоза въ сосѣднемъ дворѣ.

На вопросъ Власовскаго: „для чего укралъ?“ воръ простодушно заявилъ, что „когда придешъ со своимъ оружіемъ въ партію, то сразу будешь офицеромъ“. И Власовскій приказалъ дать ему „за офицерскій чинъ“ еще пятьдесятъ розогъ.

Съ военной точки зрѣнія поступокъ Власовскаго столь рѣшительный и жестокій вполнѣ можетъ быть оправданъ.

Однако, не скрою, что жестокость была отличительной чертой его характера.

Подъ Люблиномъ въ зиму 1863 года онъ стоялъ въ д. Татары со взводомъ, держа аванпосты и получилъ отъ поляковъ прозвище „круль татарскій“, до того онъ былъ солонъ всѣмъ проѣзжающимъ въ Люблинъ.

Другой случай, характеризующій Власовскаго, какъ самодура ни предъ чѣмъ не останавливающагося, былъ въ Кременчугѣ во время стоянки тамъ полка, когда Власовскій былъ еще юнкеромъ.

Въ Кременчугѣ жила бабушка Власовскаго, Остроградская, богатая тамошняя помѣщица. Жила очень широко и открыто. У нея по воскресеньямъ были завтраки для всѣхъ знакомыхъ. Власовскій, будучи, вообще, нелюдимъ, получилъ чрезъ отца замѣчаніе бабушки, что не является къ ней. Власовскій отвѣтилъ отцу, что въ Воскресенье явится на бабушкинъ завтракъ.

Между тѣмъ ходили слухи по Кременчугу, что бабушка благоволитъ къ товарищу Власовскаго — юнкеру, князю У—ву. Какъ ни въ чемъ не бывало Власовскій явился къ завтраку, почтительно поцѣловалъ ручку у бабушки и отошелъ въ сторонку.

Когда собрались гости, передъ самимъ завтракомъ вошелъ юнкеръ, князь У—въ.

Власовскій быстро вскочилъ со своего мѣста, не давая князю подойти къ бабушкѣ, патетически обнялъ его и громко привѣтствовалъ слѣдующей фразой: „дѣдушка родной, бабушка безъ тебя скучаетъ!“ Получилась такая картина, что всѣ онѣмѣли. Власовскій послѣ такой выходки, конечно, исчезъ и, говорятъ, больше не бывалъ у бабушки. Произведенный въ офицеры я прибылъ въ полкъ, штабъ котораго былъ уже въ Дубно Волынской губ. Объ инциндентѣ съ бабушкой товарищи очевидцы часто посмѣивались Власовскому, а тотъ самодовольно ухмыляясь, говаривалъ: „такъ ей, старой дурѣ, и слѣдовало“.

Нашъ командиръ полка, полковникъ Набель—къ его несчастью, былъ порядочно глухъ, что и свело его въ преждевременную могилу. Будучи уже Генералъ-Майоромъ и командуя бригадой 1-й кавалер. дивизіи въ Твери на смотру онъ, благодаря глухотѣ, напуталъ. Получивъ тамъ-же на плацу разносъ, бѣдняжка не перенесъ скандала и вернувшись со смотра, не раздѣваясь, покончилъ съ собою выстрѣломъ изъ револьвера себѣ въ голову.

Въ противоположность Сыхрѣ, Набель провелъ всю свою службу въ Петербургѣ, гдѣ, конечно, не нюхалъ пороха. Когда пришлось ему вести полкъ изъ Радзивилова въ Люблинъ въ страшную ноябрьскую грязь и непогоду съ обозомъ, онъ былъ въ отчаяніи, боясь что на каждомъ шагу можетъ наткнуться на засаду и все упованіе возлагалъ на Сыхру, какъ на единственнаго въ полку боевого офицера, а потому всегда относился къ А. И. съ особымъ благоволеніемъ, хотя въ душѣ его не жаловалъ. Особенно Набель боялся за свой обозъ, вообще, и за денежный ящикъ въ частности, т. к. тамъ хранились и его скромныя сбереженія въ видѣ рубля отъ овса и гривенника отъ сѣна, чему очень способствовалъ нашъ ловкій квартирмейстеръ, капитанъ Калюжный, умѣвшій получать хорошія справки на фуражъ. Походъ былъ томителенъ до крайности. Переходы бывали даже не болѣе семи верстъ въ день. То и дѣло бывало слышимъ: „полкъ стой!“ что такое? опять обозъ застрялъ. Сокращались дневки и все таки добрались до мѣста назначенія Люблина къ сроку и въ полномъ порядкѣ. Послѣдній нашъ ночлегъ передъ Люблиномъ былъ въ Пяскахъ, маленькомъ еврейскомъ мѣстечкѣ, гдѣ до нашего прихода уже помѣщались: баталіонъ пѣхоты, батарея артиллеріи и сотня казаковъ и мы, по приходѣ, очутились, какъ сельди въ боченкѣ.

Входя въ мѣстечко черезъ плотину довольно обширнаго пруда, я заглядѣлся на несмѣтное количество дикихъ утокъ. Загорѣлось охотничье сердце. Не успѣвъ бросить

поводья, я схватилъ ружье и побѣжалъ къ пруду, на который окнами выходила квартира полковника Набеля, но на ходу счелъ за лучшее заявить о своемъ намѣреніи полковому командиру. Его я засталъ уже въ халатѣ съ трубкой въ рукахъ за стаканомъ чая.

Заявивъ о своемъ желаніи поохотиться, я просилъ разрѣшенія и предупреждалъ, боясь, какъ бы мой выстрѣлъ не надѣлалъ тревоги. „Вы, любезный другъ, съ ума сошли, Васъ сейчасъ-же поймаютъ повстанцы и вздернутъ на веревку“, сказалъ мнѣ полковникъ. Я поспѣшилъ завѣрить, что здѣсь нѣтъ никакой опасности, что это почти подъ самыми окнами его квартиры.... „Ну, ступайте и будьте осторожны“, отпустилъ меня съ этими словами командиръ.

Уже вечерѣло и моросилъ осенній дождь. Пролазивъ по болотнымъ берегамъ до самой ночи безъ выстрѣла, промокшій и подмочивъ даже заряды своей пистонной двустволки, я вернулся на квартиру, которая состояла изъ одной хаты для насъ, офицеровъ эскадрона и другой, въ томъ же дворѣ для А. И. Сыхры, нашего эскадроннаго командира. Къ удивленію моему у насъ въ комнатѣ, кромѣ нашего деньщика Юржиста, глуповатаго мазура, мѣстнаго уроженца, никого не было. На мой вопросъ, гдѣ господа? Юржистъ отвѣтилъ своимъ ломанымъ языкомъ: „пóсли до маіорà на гербате“. (Пошли къ маіору на чай). Передавая ружье Юржисту со словами—разряди и протри,—оно замокло, я вышелъ и только что успѣлъ прикоснуться къ горячему чаю у А. И., какъ вдругъ раздались одинъ за другимъ два выстрѣла. Простодушный Юржистъ, не подозрѣвая, что изъ того произойдетъ счелъ за лучшее и скорѣйшее разрядить мое ружье выстрѣлами. Поднялась неимовѣрная сумятица: забили барабаны, затрубили тревогу, пошли выстрѣлы, послышался топотъ бѣгущихъ и скачущихъ всадниковъ, при страшной непроницаемой темнотѣ глухой осенней ночи. Намъ подали лошадей. Я бросился упрашивать Сыхру прекратить тревогу, т. к. самъ былъ

отчасти ея виновникомъ. А. И, немедля поѣхалъ къ полковнику Набелю, какъ старшему въ мѣстечкѣ, а, стало-быть, и начальнику отряда, который долженъ былъ сдѣлать соотвѣтственныя распоряженія по случаю военнаго времени и на случай тревоги; но оказалось, что объ этомъ не было и рѣчи. По дорогѣ къ нему, однако, А. И. распорядился бить отбой. Войдя къ Набелю, гдѣ уже собрался нашъ полковой штабъ, Сыхра засталъ комичную картину. Набель въ халатѣ бѣгалъ по комнатѣ съ трубкой въ одной рукѣ и револьверомъ въ другой, крича своему деньщику „Змѣевъ, одѣваться!", хотя Змѣевъ былъ на лицо съ принадлежностями туалета. Увидя входящаго Сыхру, онъ бросился къ нему со словами: „что, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ? — пропали!" и опять метнулся съ крикомъ: „Змѣевъ! одѣваться". Сыхра спокойно заявилъ: „фальшивая тревога". Но по глухотѣ не слыша словъ Сыхры, Набель продолжалъ: „съ которой стороны нападеніе? А что обозъ? А денежный ящикъ?... Змѣевъ с. с. одѣваться!... Александръ Ивановичъ, я на васъ надѣюсь, выручайте! Змѣевъ, одѣваться!"

Наконецъ, удалось прокричать ему въ самое ухо: „фальшивая тревога!" Придя въ себя, Набель спросилъ наконецъ, почему произошла тревога?

А. И. отвѣтилъ какъ было дѣло.

Набель подозрительный, кскъ всѣ глухіе люди, закричалъ: „А! Юржистъ, полякъ, давалъ сигналъ повстанцамъ, —разстрѣлять! А Котлярову сказать, что ему квартира въ Люблинѣ—на гоуптвахтѣ!" Однако, все обошлось благополучно, хотя въ ту ночь я не спалъ совсѣмъ. Деньщики быстро передали Юржисту, слова командира полка: „разстрѣлять". Надо себѣ представить весь ужасъ неповиннаго человѣка, прослужившаго въ то время честнымъ солдатомъ уже около пятнадцати лѣтъ, мало того, ожидавшаго на завтрашнемъ переходѣ увидѣть родную деревню и свою семью. Боясь возможнаго съ его стороны и въ

его положенiи побѣга, я потребовалъ часового и самъ всю ночь урезонивалъ Юржиста не бояться, самъ плача вмѣстѣ съ нимъ, доказывалъ ему невозможность такого поступка со стороны полковаго командира, говорилъ, что приму на себя вину, самъ заставивъ его выстрѣлить къ разряду ружье и пр. и пр.

Наконецъ, начало разсвѣтать и послышались въ тишинѣ осенняго утра дѣйствительно бодрящiе, чудные звуки генералъ-марша:

„Всадники, други, вь походъ собирайтесь,
„Радостный звукъ васъ ко славѣ зоветъ....“

Успокоивъ на сколько возможно Юржиста, мы двинулись въ походъ. Но представьте мой ужасъ, — на полъ-дорогѣ взводный вахмистръ мнѣ шепнулъ: „Ваше б—дiе, Юржистъ пропалъ!“ Трухнулъ я за бѣднягу не на шутку, однако, сказалъ вахмистру, пока помолчать, предполагая, что, проходя родную деревню, онъ невольно могъ увлечься свиданiемъ съ родней. Такъ и случилось, — чрезъ нѣкоторое время тотъ-же взводный опять извѣстилъ меня, что Юржистъ догналъ насъ на повозкѣ. Для порядка я его поругалъ, тѣмъ и кончилось.

Въ Люблинѣ, съ похода, произвелъ намъ смотръ Графъ Households Нироdъ — Начальникъ 2-й кавалерiйской дивизiи, хотя и не нашъ прямой начальникъ, т. к. мы были 3-й дивизiи; тѣмъ не менѣе нашелъ полкъ въ блестящемъ видѣ и благодарилъ. Набель сiялъ. Пользуясь хорошей минутой, я подъѣхалъ къ нему и покорно спросилъ: Прикажете, полковникъ, мнѣ, отправиться на гоуптвахту?

„Куда хотите“, съ улыбкой отвѣтилъ добродушно горячiй командиръ.

Люблинъ былъ цѣлью нашего похода и въ немъ намъ была назначена зимняя стоянка. Здѣсь я скоро познакомился съ семействомъ мѣстнаго губернатора генерала Буцковскаго чрезъ его двухъ сыновей, Харьковскихъ уланъ и былъ принятъ въ домѣ какъ родной сынъ. Каждое почти

воскресенье у нихъ бывали танцовальные вечера, на которыхъ я предавался танцамъ со всѣмъ пыломъ юношества, имѣя своей постоянной дамой въ мазуркѣ меньшую дочь губернатора подростка — Надю, очень симпатичную и миловидную дѣвочку, съ которой у насъ завязалась самая искренняя дружба. Это время живо сохранилось въ моей памяти, какъ самыя свѣтлыя воспоминанія молодости. Конечно, ни о чемъ серьезномъ мнѣ не приходило даже и въ голову, потому что она была совершеннымъ ребенкомъ, я, тоже по молодости думалъ только исключительно о полковой жизни. Быстро промелькнула зима 1863—1864 г. Въ Маѣ 1864 г. намъ предстоялъ походъ въ Конинъ, гдѣ полкъ остался и по сіе время. Когда я пришелъ прощаться къ Буцковскимъ, милый ребенокъ — Надя такъ разрыдалась, что ее не было возможности успокоить. Видя эту сцену, добрый генералъ предложилъ мнѣ остаться въ Люблинѣ, предлагая службу „комиссара“ (мирового посредника) съ жалованьемъ въ три тысячи рублей, но, я былъ, не скажу на столько глупъ, нѣтъ, на столько увлеченъ полкомъ, что поблагодаривъ губернатора за столь лестное предложеніе, сказалъ простодушно что мнѣ жаль разстаться съ полкомъ. Генералъ пожалъ плечами и сухо простился со мною, вѣроятно подумалъ: глупъ-же ты братъ какъ пробка. Когда-же въ Г. Конинѣ меня захватило мирное положеніе, по которому, кромѣ девяноста рублей въ треть и фуражныхъ на одну лошадь, у бѣднаго офицера ничего не было я пришелъ въ ужасъ! что дѣлать?! Обратиться къ Люблинскому губернатору, напомнить о себѣ, было-бы безтактно и даже глупо. Оставалось одно — поскорѣе въ отставку и ѣхать въ Петербургъ къ брату, гдѣ при помощи П. Ф. Четверикова можно было надѣяться на болѣе выгодную службу, что я и сдѣлалъ немедленно.

Какъ быть? и что можно имѣть
На девяносто рублей въ треть?
Вопросъ рѣшался самъ собой.

Тогда, съ душевною тоской
Подавши въ чистую отставку,
Тѣмъ прошлому закрывши дверь,
Я пересѣлъ съ коня на лавку,
Назначенный кассиромъ въ Тверь,
И тягость новой обстановки
Одолѣвалъ безъ подготовки.
Тамъ въ борьбѣ за хлѣбъ насущный
Газетъ я даже не читалъ,
Какъ автоматъ совсѣмъ бездушный,
Одни билеты выдавалъ.
Такъ потянулись мои годы.
Унылой Сѣвера природы,
Ея печальный колоритъ,
Да станціи угрюмый видъ
Не оживляли мои взоры,
Родной Украины тепломъ
Меня не грѣло; но кругомъ
Давилъ морозъ, чертя узоры
Въ моей кануркѣ на стеклѣ.
Въ такой суровой жизни мглѣ
Мой гасъ духовный огонекъ,
И бодрой мысли рвался токъ.
Хоть на посту моемъ высокомъ
Возможно было наблюдать,
Художника—поэта окомъ,
Но мнѣ хотѣлось больше спать
Не только ночью—среди дня,
Такъ служба мучила меня.
Живя почти что бивуакомъ,
Ловя минуты лишь для сна,
Торчалъ я вѣчно у окна
Кассирской будки, и въ ней знакомъ
Открытой кассы то окно
Служило публикѣ для входа,

Когда не заперто оно.
Тамъ разношерстнаго народа
И день и ночь, точно ручей,
Сперва тѣсняся у дверей,
Толпа, врывалась какъ потокомъ
И стаднымъ чувствомъ заразясь,
Ломилась прямо; лѣзли бокомъ:
Купцы, мѣщане, важный князь, *)
Пищала робкая дѣвица
Когда прижали мужики,
Въ окошко лѣзла рукавица
И, высыпая пятаки
Кричала мнѣ: „бери, считай,
„Намъ слышь, до Питера давай"!
Тутъ-же сбытчикъ ассигнацій
Бумажку ловко мнѣ совалъ,
Изъ подпольныхъ фабрикацій,
Но я жандарму знакъ давалъ
И преступника съ кредиткой
Забирали на отсидку.
Сколько типовъ для пера!
Ихъ мелькали вереницы;
Но усталыя рѣсницы
Мнѣ сомкнуть была пора.
Такъ жизнь вычеркивала прочь
Безслѣдно годы—день и ночь.

Пріѣхавъ въ Петербургъ снача въ отпускъ, обнадеженный Четвериковымъ, я вышелъ въ отставку съ пере-

*) Нужно замѣтить, что въ то время носильщиковъ не было и, по высшимъ соображеніямъ начальства, пассажиры обязаны были брать билеты лично, а наплывъ ихъ былъ такъ великъ, что нѣкоторые зѣваки сидѣли по нѣсколько дней, не имѣя возможности добиться до кассы; между тѣмъ какъ ежедневно пароходы подвозили все новыхъ путешественниковъ въ Петербургъ и Москву т. к. все Поволжье сообщалось съ обѣими столицами исключительно черезъ Тверь, изъ которой даже ходили свои специальные поѣзда. Я былъ одинъ и билетнымъ и багажнымъ кассиромъ.

именованіемъ въ гражданскіе чиновники и съ прикомандированіемъ къ Министерству Путей Сообщенія, а за тѣмъ получилъ назначеніе кассиромъ на ст. Тверь. Н. Ж. Д.

Тутъ однако, какъ я уже выразилъ, несмотря на болѣе обезпеченное положеніе я думалъ сначала, что совсѣмъ пропаду. Служба была каторжная. Каждые сутки можно было имѣть время только пообѣдать и заснуть, и то урывками, т. к. ночные поѣзда, проходящіе въ оба пути требовали моего присутствія въ билетной кассѣ. Желаніе спокойно уснуть сдѣлалось моей завѣтной мечтой и я тутъ-же, въ комнатѣ при кассѣ, укладывался, не пропуская ни одной удобной минуты, а проклятые свистки дежурнаго паровоза и товарныхъ поѣздовъ рѣшительно не позволяли сомкнуть усталыхъ глазъ. Однако, къ чему не привыкаетъ человѣкъ?! Несмотря на мое отчаяніе, не болѣе какъ чрезъ недѣлю я уже отлично спалъ подъ свистки тѣхъ-же паровозовъ, хотя все таки урывками. На слѣдующій годъ мнѣ данъ былъ помощникъ, а пароходство „Самолетъ“, благодаря конкуренціи, за продажу его билетовъ на станціи платило мнѣ четыре процента съ выручки, и такимъ образомъ, кромѣ казеннаго жалованья я получалъ болѣе трехъ тысячъ рублей въ лѣто и, приспособившись къ своей тяжелой службѣ, зажилъ припѣваючи, даже бывалъ иногда на вечерахъ въ Тверскомъ клубѣ.

Но, опять, какъ и вездѣ неизбѣжное „но“. Но, Николаевская дорога перешла въ „Главное Общество Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ“. Казенная служба окончилась, всѣ чиновники, въ томъ числѣ, конечно, и служащіе по движенію остались за штатомъ, хотя почти всѣ и получили приглашеніе остаться на своихъ мѣстахъ, но служба уже была не та. Тутъ уже явилась „смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній“...

У меня вышло крупное недоразумѣніе съ ревизоромъ, разобравъ которое начальникъ движенія полковникъ Воробьевъ, нашелъ меня вполнѣ правымъ и перевелъ меня въ

Петербургъ на должность, какъ я ее называлъ: съ громкимъ титуломъ и скромнымъ содержанiемъ, „Начальника Конторы прибытiя багажа и товара большой скорости". Въ Петербургѣ я началъ хирѣть и боясь, за свое здоровье покинулъ славный Петроградъ, по совѣту врачей, навсегда, проживъ въ немъ, однако, года три. Поѣхавъ на Кавказскiя минеральныя воды для поправленiя здоровья, гдѣ, дѣйствительно сразу поправился и окрѣпъ и увлеченный новымъ для меня краемъ, я рѣшилъ устроиться тамъ, такъ сказать, подъ другимъ соусомъ. Въ службѣ я видѣлъ только перебиванiе со дня на день. Въ этомъ, тогда еще почти непочатомъ краѣ мнѣ хотѣлось попробовать счастья на другомъ поприщѣ. Для лучшаго знакомства съ краемъ надо было-бы попутешествовать. Въ сихъ видахъ, для дешевизны путешествiя и ближайшаго знакомства съ мѣстной жизнью, я заключилъ съ Эсентукскимъ казакомъ, барышникомъ лошадьми, конвенцiю, по которой онъ, барышникъ, долженъ былъ провозить меня по всѣмъ ярмаркамъ за ссуду отъ меня безъ процентовъ въ двѣсти рублей для оборотовъ. И вотъ, наше товарищество на вѣрѣ, преслѣдуя, впрочемъ, разныя цѣли и кочуя по ярмаркамъ съ полдюжиной лошадей, всякихъ калѣкъ, объѣздило Ставрополь, Георгiевскъ, Воронцовку, Просковѣю и т. д... Здѣсь я окунулся въ самое дно народной жизни и много наблюдалъ. Изъ распросовъ и наблюденiй я вывелъ заключенiе, что тамъ съ огромнымъ успѣхомъ можно примѣнить машинную уборку хлѣба, т. е. жатвенныя машины. Четвериковы мнѣ помогли, давъ три тысячи рублей на мое предпрiятiе. На эти деньги, купивъ жатвенную машину „Варшавянку" и прекрасныхъ тамбовскихъ лошадей, я снова отправился на Кавказъ, такъ сказать, уже пiонеромъ. Но, опять „но".

Но моя „Варшавянка", несмотря на ея милую простоту и громкiя рекламы, можетъ быть и пригодная у себя на тощей родинѣ, спасовала безповоротно на пробѣ еще въ Ростовѣ на Дону, куда была выписана и съѣхалась со

мною, привевшимъ туда къ ея услугамъ тамбовскихъ лошадей. Дѣло въ томъ, что моя примадонна, скользя по малорослой травкѣ работала своими зубками довольно исправно, но какъ только въѣзжала въ густую пшеницу, такъ ни съ мѣста, принимая ее, должно быть, за кустарникъ. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, меня бросилъ мой работникъ, взятый по договору изъ Кіева и вмѣстѣ со мною привевшій лошадей изъ Тамбова въ Ростовъ. Въ полномъ отчаяніи, распродавъ лошадей, я бросилъ свою соблазнительницу, за которую еще доплатилъ большія, относительно, деньги мастерской Грагама въ Ростовѣ, обѣщавшаго исправить ея недостатки. Тѣмъ временемъ казна моя замѣтно истощалась и я въ Ростовѣ сидѣлъ, какъ ракъ на мели.

Въ это время шла постройка Владикавказской ж. д. и было уже временное движеніе, которымъ пользовался строитель, баронъ Штенгель, давая обратные порожніе вагоны подъ хлѣбъ товароотправителямъ. Къ этому времени я пріобрѣлъ нѣкоторое знакомство какъ въ конторѣ строителя такъ и въ коммерческомъ мірѣ. При такихъ условіяхъ, сойдясь съ двумя знатоками дѣла я началъ, спекулировать хлѣбомъ и льнянымъ сѣменемъ. Дѣло пошло у насъ бойко. Напримѣръ: мы покупали на Кубани льняное сѣмя по пяти и по шести рублей за четверть, при чемъ мѣра насыпалась щедрою рукою, провозъ стоилъ шестьдесятъ рублей за вагонъ до Ростова, а продавали тамъ товаръ по одиннадцати и болѣе рублей за четверть въ Ростовѣ. При томъ съ такимъ удобствомъ, что хлѣбныя Ростовскія конторы, какъ Скарманга, Вальяно и другіе покупали желѣзнодорожныя квитанціи и тутъ-же по образцамъ зерна выплачивали деньги, принимая на себя полученіе товара. Обороты шли быстро. Съ полученными деньгами я возвращался на Кавказъ, гдѣ компанія уже подыскивала продавцовъ. Благодаря знакомству, въ вагонахъ отказа мнѣ не было. При такихъ блестящихъ обстоятельствахъ, я настойчиво вызывалъ своего брата изъ Петербурга, гдѣ онъ

широко развелъ торговлю прессованымъ сѣномъ, но благодаря безпорядкамъ въ движенiи поѣздовъ и страшной отъ того путаницы, пострадалъ и довольно сильно въ числѣ другихъ товароотправителей. Масса его прессованаго сѣна погнило въ вагонахъ. Вскорѣ за тѣмъ Ф. Ф. Четвериковъ началъ меня бомбардировать многословными телеграммами, призывая къ себѣ на помощь въ сахарномъ заводѣ и имѣнiи. Мнѣ представлялась жизнь болѣе осѣдлая и прочная по сравненiю съ моими цыганскими кочевками и горячечной погоней за рублемъ, тяжелую нужду въ которомъ я узналъ горькимъ опытомъ еще въ полку, гдѣ, благодаря службѣ и мундиру, нельзя было приложить молодой энергiи. Распродавъ, какъ попало, лошадей и все, что не могъ взять съ собою, я поспѣшилъ къ Четверикову въ Почапинцы. Тамъ за двадцать съ лишнимъ лѣтъ я составилъ себѣ и доброе имя въ коммерческомъ мiрѣ, и обезпеченное положенiе, благодаря крупному вознагражденiю, которое получалъ въ теченiе долгихъ лѣтъ, какъ сказано раньше.

Прощаясь съ тобой, мой юный читатель, я во первыхъ извиняюсь, что по независяшимъ отъ меня обстоятельствамъ затянулось такъ долго мое изданiе, во вторыхъ льщу себя надеждой, что изъ моего бѣглаго разсказа о людяхъ. и моихъ перипетiяхъ, быть можетъ, ты почерпнешь себѣ полезные примѣры. Въ заключенiе скажу, что во всѣхъ случайностяхъ жизни никогда не слѣдуетъ теряться и падать духомъ, но энергично искать выхода, твердо полагаясь во всемъ на Промыслъ Божiй! Мудрая наша пословица: „На Бога надѣйся, а самъ не плошай!“ подтверждаетъ, какъ нельзя болѣе, мою мысль, проповѣдуя борьбу, и уничтожаетъ распространяющееся въ обществѣ мнѣнiе „о непротивленiи злу“. Мой отецъ говорилъ: „дѣлай все какъ можно лучше, а скверно оно само сдѣлается“. Чему же быть—того не миновать! Поэтому-же самому никогда

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано.			Должно-быть.
Страница.	Строка.		
7	12	Благодоря	Благодаря.
	17	Бокадарова	Бокадорова.
8	12	Хлѣбъ будетъ имѣть; не бу-	Хлѣбъ будете имѣть; не
	14	детъ краснѣть	будете краснѣть.
16	18	Имя воскрешатъ	Имя воскрешать
87	1	На многовенье	На мгновенье.
154	23	То съ нахмуреннымъ	Тамъ, съ нахмуреннымъ.
186	22	Купчихѣ Раисѣ Лещинской	Рысѣ.
194	12	Тридаціоннаго—баринъ у Четвериковыхъ не произносилось	Традиціоннаго—„баринъ".
196	17	доказала своимъ примѣрамъ	доказала своимъ примѣромъ.

не кланяйся свистящей пулѣ—она не твоя. Свою ты не услышишь, а потому и будь смѣлъ до героизма, помня слова нашей прекрасной солдатской пѣсни:

„Жизни тотъ одинъ достоинъ,
„Кто на смерть всегда готовъ!

Итакъ, съ Богомъ, на службу Царю и Отечеству!

А. Котляровъ.

ЦѢНА КНИГИ 1 РУБ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ У ИЗДАТЕЛЯ

АЛЕКСАНДРА ПРОКОФЬЕВИЧА КОТЛЯРОВА

КІЕВЪ, БОЛЬШАЯ ЖИТОМІРСКАЯ 15

ТЕЛЕФОНЪ № 861.

6–

Кч.